ГероиВселенной

Андрей Ливадный

Среда выживания

Среда выживания

Андрей Ливадный
Среда выживания

Часть 1

Глава 1

Мы жестоко заблуждались, считая, что одиноки во Вселенной.

Частный колониальный проект «Прометей» стал вызовом, брошенным судьбе, способом выжить, обрести свободу, когда стало ясно: обозримая Вселенная плотно колонизирована существами иных космических цивилизаций, ведущих свою, непонятную нам борьбу.

Для меня не стоял выбор между отчаянным риском межзвездного прыжка и гарантированным прозябанием на Земле.

Интеллектуальная и технологическая мощь крупнейшей корпорации планеты, собранная мною в кулак, не уменьшала риск, но давала шанс.

Мы просто не представляли, что ждет нас там, среди холодных звезд…

Пандора, испепеленная войной иных цивилизаций, стала нашей Судьбой и нашим Роком. Колониальный транспорт погиб. Уникальный по тщательному подбору экипаж оказался разделен силой неодолимых обстоятельств…

Андрей Игоревич Русанов. Проект «Прометей»

Город спал тревожно и чутко. В стылой предрассветной тишине отчетливо слышался каждый звук. Небеса стремительно светлели, на покатых крышах домов в свете редких уличных фонарей искрился иней.

Прошипела пневматика, открылась дверь. На пороге здания ремонтных мастерских возникла рослая, пропорционально сложенная человекоподобная фигура. Андроид внимательно осмотрелся по сторонам, легко закинул за спину увесистую снайперскую винтовку, изготовленную кустарным способом из деталей курсового импульсного орудия планетарной машины, направился к зданию колониальной администрации.

Он шел мимо плотной застройки, а невидимые глазу лазерные лучики скользили по закругляющимся стенам жилых модулей, считывая

малейшие колебания, – так андроид прислушивался к дыханию людей, случайным фразам, произнесенным во сне, сопению, храпу, кашлю, но не из праздного любопытства – из чувства ответственности, сопричастности.

Поведением человекоподобной машины руководила искусственная нейросеть. Люди спали тревожно. Многих мучили кошмары. Он машинально вносил пометки в базы данных – с одними нужно будет поговорить, успокоить, для других выбить лекарства из скудного НЗ.

У крыльца администрации андроида никто не ждал. В здании не светилось ни одного окна.

Он вошел внутрь, оказался в небольшом сумеречном холле, поднялся по лестнице на второй этаж, постучал в дверь.

Никто не ответил. Лишь подозрительный шорох метнулся за стеной.

Немного повременив, он вновь постучал.

Тишина.

С улицы послышался гул двигателя, скрипнул гравий. По локальной сети кибернетических устройств прошел доклад: планетарный вездеход прибыл.

Ровно пять утра.

Андроид пожал плечами, коснулся указательным пальцем недавно установленного сканирующего устройства, и через пару мгновений дверь приоткрылась, сухо клацнув электромагнитным замком.

Русанов спал, натянув одеяло на голову. На столе серыми покосившимися стопками лежали пыльные, пухлые папки. Из-за постоянной нехватки электронных носителей информации архив поселения вели по старинке, используя пластбумагу.

Взгляд андроида скользнул по столу. Последние документы, над которыми работал Русанов, относились к планировке уровней древнего колониального убежища, – полвека назад внутрискальный бункер построили машины, и с тех пор он пустовал.

«Зачем он просматривал планы уровней? – промелькнула тревожная мысль. – Неужели собирается решить проблему нехватки жилья, загнав людей в сырые, стылые, заброшенные бункера?»

Нет, не похоже. Прочерченные от руки линии, отмеченные условными символами энерговодов, указывали на локальную схему электропитания. Несколько помещений, обведенных маркером, пересекали строки торопливого, мелкого почерка:

«Восстановить энергоснабжение. Разобрать планетарную машину. Использовать водородный двигатель в качестве привода генератора. Оборудование биолаборатории выделить из аварийного запаса посадочных модулей. Подобрать надежных людей в помощь Метелину».

Взгляд андроида фотографически зафиксировал схему и надпись, в то время как его рука коснулась плеча спящего человека.

– Андрей Игоревич, уже утро.

Русанов резко сел, сбросив одеяло, уставился на дройда, затем невнятно выругался. Во взгляде промелькнула острая неприязнь.

– Для чего я велел установить сканер?! – он встал, склонился над умывальником, плеснул в лицо водой, изгоняя остатки сна. – Ну? Чего молчишь?

– Стучал, вы не ответили.

– Громче надо было стучать! – он вытер руки, заметил оставленные на столе документы, торопливо перевернул их изображением вниз. – Который час?

– Пять утра. Вездеход прибыл. Мы опаздываем.

– Здесь я решаю, опаздываем мы или нет! – взгляд Русанова задержался на громоздком самодельном оружии. – Почему не сдал на склад, как было приказано?!

– Я отвечаю за жизни людей, – спокойно ответил андроид. – К тому же мы собрались на ледник, а там опасно, – добавил он.

– Подожди за дверью. Позавтракаю и выйду. Еще раз взломаешь систему доступа – пеняй на себя!

Андроид вышел. Русанов неприязненно посмотрел ему вслед. «Слишком много себе позволяет! Нашелся «искусственный разум» на мою голову, как будто без его своевольств у меня проблем мало!» Зубы

впились в сухой и безвкусный брикет. Питательная масса неприятно разбухала во рту, кусок не лез в горло.

Несмотря на признаки крайнего истощения, Русанов не смог проглотить липкий ком, с отвращением выплюнул завтрак в урну, наскоро оделся и вышел в коридор.

– Ну, что застыл? Пошли, – коротко обронил он, плотно закрыв дверь.

Андроид вежливо пропустил его вперед.

На внутреннем мониторе человекоподобной машины отобразилась надпись:

Завершен процесс передачи данных. Условия активации заданы. Получатель – Егор Бестужев, серийный номер импланта 347216.

Он догнал Русанова, поравнялся с ним, спросил:

– Андрей Игоревич, почему вы враждебно настроены по отношению ко мне?

Сдержанная вежливость человекоподобной машины только усиливала неприязнь.

– Враждебно? Да с чего ты взял? Вздор! Я лишь требую порядка, дисциплины, соблюдения установленных мной правил! – Русанов остановился. – Ты своеволен! Не лезь ко мне с советами, прекрати повсюду таскать с собой эту страхолюдину, – он пренебрежительно постучал костяшками пальцев по стволу мощного импульсного оружия. – Только людей пугаешь!

– Я три года руководил городом. Защищал его. Мне трудно… принять перемены.

– А вот это меня не касается! – Русанов вышел на крыльцо, потянулся. – Давай в машину! Заедем за Щедриным, затем на наблюдательную площадку. И запомни: времена изменились. Навсегда.

Андроид забрался в кабину.

«Да, времена действительно изменились, точнее не скажешь, – с горечью подумал он. – Но я – личность. Срок девять лет саморазвития из нейросетей не выкинешь!

Русанов ведет себя странно. Он явно что-то замышляет, но ни с кем не делится планами, даже на ближайшее будущее. – Андроид соединился

с бортовой киберсистемой вездехода, передал инструкции по предстоящему маршруту. – Нужно будет посоветоваться с Егором, навестить его в центре имплантации. Может, он подскажет, как мне быть?»

* * *

Солнце уже поднялось над линией горизонта, когда вездеход остановился на небольшой наблюдательной площадке.

Открылся люк, первым на каменистую землю спрыгнул андроид. Он сразу же шагнул в сторону, присел за обломком скалы, привычно устроил ствол оружия в небольшой, отполированной от частого использования выемке.

Позиция старая и надежная. Сам выбирал место, оборудовал, маскировал. Отсюда хорошо просматривалось ледовое ущелье и старая дорога, вьющаяся по его дну.

Из машины, кряхтя, выбрался Русанов, вслед за ним в проеме люка возникла долговязая фигура Димы Щедрина.

Худоба, граничащая с дистрофией, являлась отличительным признаком уроженцев Земли.

Щедрин подошел к краю обрыва, прищурился, защищая глаза от солнечного света.

Бескрайний ледовый панцирь планеты, изрезанный сетью глубоких разломов, простирался до самого горизонта. Льды дыбились торосами, кратеры, отмечающие ближайшие очаги вулканической активности, рдели багряными язвами. Стоило задержать взгляд на отдельных формах рельефа, и кибернетические модули импланта тут же приближали и детализировали объекты.

Дмитрий подавленно осматривался. В отдалении над несколькими действующими вулканами поднимались столбы пепла. Сильный порывистый ветер сминал серые шлейфы, вытягивал их навстречу восходящему солнцу.

Куда ни посмотри, повсюду мертвый, однообразный ландшафт.

Обреченная иррациональная злоба вскипала в душе, невольно проецировалась на Русанова. «Он обманул нас! Об этом ли мы мечтали, покидая Землю?!» Щедрин невольно поежился, заметив, как темные фигурки существ, отдаленно похожих на людей, промелькнули и исчезли в глубине ледового ущелья.

– Зачем мы приехали сюда? – не оборачиваясь, глухо спросил он.

– Хотел поговорить наедине, – Русанов уселся на широкую подножку вездехода. – Мозги тебе вправить!

– Зря время потратишь. – Щедрин с удовольствием заехал бы ему в морду, но сил хватило только на фамильярность. Уже немало, учитывая, кем до недавнего времени был Русанов. – Я свое мнение высказал: корпорации больше нет!

– Значит, бунт?

– Называй, как хочешь! Я не одинок во мнении! Люди тебе больше не доверяют!

Русанов презрительно скривился.

– Дима, мы все в одинаковом положении! Поверь, мне понятна твоя растерянность, злость! Но эмоции не изменят реальность!

Щедрин угрюмо молчал. Всего неделю назад (в субъективном восприятии времени) он перешагнул порог криогенного модуля колониального транспорта «Прометей», веря, что его ждет новая жизнь, новая родина. Конечно, глупо было рассчитывать на «райский», полностью пригодный для человека мир, – они готовились к борьбе с чуждой биосферой, к планетному преобразованию… но действительность превзошла все самые мрачные, пессимистичные прогнозы.

Предательская слабость сковывала движения. От резкого головокружения к горлу подступала тошнота. Дикая, непонятная, инстинктивная злоба искала выход, но физическая немощь не позволяла ей выплеснуться. Он сжал кулаки, и тут же волна ледяной испарины окатила тело липкой дрожью.

Отчаянные, обреченные мысли теснились в голове. Первый в истории Земли частный колониальный проект обернулся полным крахом надежд.

Девяносто семь лет потеряны в момент гиперпространственного прыжка, из-за ошибки в расчетах, но это лишь самая малая из проблем!

Русанов утверждал: мы найдем пригодную для жизни планету! И ему верили, слепо, необоснованно. А как иначе? Ведь все мы были лишь сотрудниками крупнейшей корпорации Земли, а он – ее хозяином!

Вот она – наша «земля обетованная», – бескрайняя ледяная пустошь, простирающаяся от горизонта до горизонта! Но это лишь видимая ее часть. Сведения о планете, которые пришлось усвоить за последние дни, просто не укладывались в голове!

Озноб мурашками полз по телу. Система сканирования, связанная с базовым имплантом, ловила лихорадочные, обрывочные мысли человека, пыталась по-своему отреагировать на них.

На фоне ледника вдруг резко обозначились контуры скрытых в его глубинах объектов.

Обломки огромных космических кораблей, принадлежащих разным, едва знакомым человечеству цивилизациям, – вот что скрывал в своих недрах бескрайний ледяной панцирь Пандоры!

Шоковые ощущения нарастали, как лавина. Трудно представить масштаб битвы, произошедшей тут сотни лет назад. Испепеленную, а затем скованную стужей планету ныне окружали стальные кольца, состоящие из поврежденных искусственных сооружений – орбитальных станций, платформ, спутников…

Там до сих пор таятся силы, мощь которых основана на технологиях, далеко опередивших земную науку. Ими движет давняя, совершенно непонятная людям вражда, перечеркнувшая для нас всякую надежду на выживание. «Бог мой… – Щедрин, не отрываясь, смотрел вдаль. – Колониальный транспорт уничтожен, у нас практически не осталось планетарной техники, элементарного оборудования…»

Русанов сидел на подножке вездехода, что-то просматривал через кибстек, хмурился, не пытаясь возобновить прерванный разговор. Он ждал, пока окружающая обстановка окончательно надломит Щедрина.

Дмитрий неприязненно взглянул на него.

«Ведет себя как ни в чем не бывало! – промелькнула раздраженная мысль. – Все еще мнит себя хозяином положения! Темнит, не говорит

правды, считая, что подчиненным необязательно знать подробности, связанные с гибелью «Прометея»! Ставит себе в заслугу спасение наших жизней. Да, этого не отнять: Русанов успел отделить криогенные модули, успешно посадить их на планету, отправил людей и технику для организации первичного поселения, но… – щека Дмитрия непроизвольно дернулась, сведенная нервным тиком, – *это происходило сорок девять лет назад!*»

На душе было пусто, тоскливо, безнадежно.

Полвека криогенного сна, медленно, по капле истощавшего организм, привели не только к физической немощи. Рассудок саботировал, словно Щедрина подменили. Жуть, безнадежность, растерянность, злоба доминировали в мыслях. Он сам себя не узнавал.

Реальность Пандоры попросту уничтожала всякую надежду…

Крохотный анклав первопроходцев влачил тут жалкое существование на протяжении четырех поколений! Нас не разбудили сразу после посадки криогенных модулей, а теперь поставили перед фактом – техники нет, «Прометей» уничтожен, жить негде, продовольствия в лучшем случае – на месяц! – злость вспыхнула с новой силой, но ее огонь совершенно не согревал.

– На что ты рассчитывал, пробуждая нас?! – голос Щедрина прозвучал сипло, надорванно.

Русанов медленно поднял взгляд, оторвался от заметки, которую мысленно надиктовывал в кибстек:

– Считаешь, мне следовало проявить милосердие? Оставить все как есть? Не вскрывать «Курганы Спящих»?!

Непривычное словосочетание резало слух. «Курганами Спящих» коренные пандорианцы называли места посадки отделяемых криогенных модулей колониального транспорта «Прометей». Вследствие утраты знаний заваленные камнями сегменты воспринимались ими как часть ландшафта плоскогорий, некое мистическое место, связанное с неимоверно далекими событиями, чей истинный смысл стерло беспощадное время.

Русанов быстро терял терпение.

– Я спрашиваю, ты предпочел бы умереть? Превратиться в кусок замороженного мяса?

Щедрин мрачно промолчал в ответ.

Он хотел жить. Нотки издевки, прозвучавшие в вопросе Русанова, уязвили, на минуту он испытал жгучий стыд: не всем повезло, как ему. Многие криогенные камеры дали сбой в процессе пробуждения.

Снова вернулась иррациональная злоба. Мысли прихотливо меняли моральную окраску, то вспыхивали угольком слабой надежды, то вновь подергивались пеплом безысходности.

Невольно вспоминалась Эрида[1]. Мы все работали, словно одержимые. Мечтали о межзвездном прыжке. Безоговорочно верили Русанову. Почему же теперь предали его, отвернулись?

Он не мог понять своего поведения. Желчность, неприязнь – это все от бессилия, истощения? Покидая умирающую, перенаселенную Землю, мы прекрасно знали: космос плотно заселен. В обозримой Вселенной доминируют чуждые нам цивилизации, ведущие непримиримую войну, и шанс отыскать незаселенную, пригодную для жизни планету был ничтожно мал. Мы готовились к борьбе. Что же изменилось теперь? Почему при взгляде на Русанова возникает ледяной озноб, неприязнь, граничащая с ненавистью?

– Не скрою, вы с Малеховым поставили меня в сложную ситуацию, – Русанов смотрел на Дмитрия хмуро, исподлобья. – Понимаю, все истощены физически, раздавлены морально. Но почему мои попытки наладить исследовательскую работу встречают тупое непонимание, озлобленность? Что за сбой произошел, Дима? Вы и на пандорианцев тоже смотрите искоса! Они-то в чем провинились? В том, что случайно приняли сигнал аварийного маяка? Отыскали и пробудили меня?

– Пандорианцев мне жаль, – глухо произнес Щедрин. – Дети, подростки… Взрослые погибли, – он перебирал обрывочные, задержавшиеся в сознании факты из жизни четвертого поколения колонистов. – Теперь вот мы – голодные, истощенные, свалились им на голову…

– Но они же не ноют! Ведут себя достойно!

– Ты им головы заморочил! – огрызнулся Щедрин. – Корпорация! Технологии! Превосходство! Эти ребята сами не понимают, что поверили пустым словам! Все сгинуло вместе с «Прометеем»!

– Ну, разрыдайся! – презрительно обронил Русанов. – Только не пойму: какой смысл скулить, сеять панику, подбивать едва живых людей на бунт?! Неужели больше заняться нечем?!

– А на что *ты* рассчитываешь?! Технологической базы нет! Мы очнулись в каменном веке! Планета для жизни непригодна! Впереди – голод, агония, смерть! Взгляни вокруг! Лед! Обломки чужих кораблей! Очаговые поселения эшрангов и хонди! Ты хоть понимаешь, что их война перечеркнула нашу судьбу еще до старта «Прометея»?!

– Прекрати истерику! Держи себя в руках! Мы – научная элита корпорации!

– Замолчи! Без технологической базы грош цена нашим знаниям!

– У меня есть четкий план действий! – резко ответил Русанов. – План нашего спасения! Но он не предусматривает разброда, анархии! Работать надо! Действовать! Решительно, жестко, сообща, полагаясь только на свои силы! Сжать в кулак интеллектуальный потенциал выживших! – фраза вышла высокопарной, штампованной, но он не обратил на это внимания, продолжил запальчиво: – Глупо тратить время на взаимные упреки! Либо мы примем условия выживания, либо, как ты сказал, сдохнем. Выбор-то не богат!

Щедрин скривился:

– Ты всего лишь пытаешься сохранить власть! Привык командовать! Больше тебя ничего не интересует! Но здесь – не Земля! Власть денег, – он сплюнул, – уже не в счет!

Русанов недобро прищурился.

– Хорошо. Допустим, я перестану указывать. Что ты предпримешь для нашего спасения?

– Нужно попытаться установить контакт с «братьями по разуму». В зонах умеренного климата, на границе льда и вулканов есть их поселения.

Русанов лишь криво усмехнулся.

Такой вариант развития событий его не устраивал. Идти на поклон к хонди или эшрангам? Ну уж нет… Проходили… Ненависть всколыхнулась, как мутное, пузырящееся болото.

– Ты всерьез думаешь, что контакт возможен? На равных, не рабских условиях? История четырех поколений пандорианцев тебя ни в чем не убедила? Эшранги и хонди всячески пытались их поработить, вовлечь в свою вражду! Нет, Дима. Хватит! Выход у нас один – возродить корпорацию! Ввести строжайшую дисциплину! Остановить панику!

– Корпорации больше нет! – хрипло выкрикнул Щедрин. – Извини, Андрей Игоревич, но ты теперь – рядовой житель планеты!

– Значит, не договоримся?

– Нет! – Щедрин действительно не видел выхода из создавшейся ситуации. Тупик. Но ведь анклавы инопланетных существ как-то выживают?! Он ухватился за эту идею и решил: буду стоять на своем. – Я заберу две планетарные машины. Организую экспедиции. Одну возглавлю сам, другую поручу Роме Малехову. Кто поддерживает тебя – пусть остаются. А мы попытаемся установить контакт с хонди и эшрангами!

Русанов с трудом удержался, чтобы не сбросить Щедрина в пропасть. А заодно и андроида – метнулась мысль.

«Нет. Нельзя. Щедрин с Малеховым приползут назад! – гневно подумал он. – Или погибнут. В любом случае их затея обречена на провал. Зато у других больше не возникнет даже мысль о бунте! Иногда нужно уметь жертвовать малым, чтобы сохранить целое».

Мысль здравая, за одним исключением: где я возьму еще одного талантливого инженера? Кем заменю погибших? Каждый из экипажа «Прометея» незаменим, особенно сейчас!

– Ваша бездарная гибель стала бы прекрасным наглядным уроком для остальных! – Русанов все же не сдержался, вспылил: – Ты противоречишь сам себе! Сначала говоришь, что война инопланетных рас, испепелившая Пандору, заранее обрекла нас на верную гибель, и тут же готов ползти к ним, молить о помощи?! Хотел бы я посмотреть на это, но не могу разбрасываться людьми!

– Ты меня не остановишь!

– Посмотрим.

– Убьешь?

– Нет. Кое-что покажу.

* * *

– Ты ознакомился с историей пандорианцев?

– В общих чертах, – ответил Щедрин. – Для них все превратилось в мифы. Даже «Прометей»… – хмуро добавил он.

Русанов прошел мимо андроида, открыл неприметную панель приборного комплекса, установленного среди скал, внимательно изучил показания, жестом поманил Дмитрия.

– Взгляни.

«Метеорологическая станция?» – мысленно удивился Щедрин.

Графики, таблицы, диаграммы. Температура. Влажность.

Он постарался сосредоточиться. Климатические данные за последний месяц. Так, посмотрим… Что хотел показать Русанов? Взгляд считывал информацию, искал что-то необычное.

Нашел.

В первый момент Щедрин подумал о фальсификации, подключил имплант, напрямую соединился с системой.

Температура окружающей среды повышалась медленно, но неуклонно, изо дня в день!

Вообще-то таянье льдов началось еще пять лет назад. Коренные пандорианцы, потомки небольшой группы колонистов, высадившихся на планету для организации первичного поселения, называли смягчение климата коротко и емко: Весна.

Щедрин вновь ощутил озноб и испарину.

Они деградировали, не проводили исследований и не подозревали, что процесс постепенно набирает силу климатической катастрофы, которая вскоре охватит Пандору!

Да быть не может! Откуда такой прирост энергии?!

По сохранившимся отчетам, среднегодовая температура на планете составляла минус двадцать градусов по шкале Цельсия.

Данных наблюдений за длительный период времени попросту нет, но в архивных документах, которые он просмотрел, не упоминались заметные скачкообразные погодные изменения. Значит, климат на протяжении полувека менялся медленно, постепенно?

Но теперь температура растет, причем катастрофически быстро!

– Это локальная аномалия?

– Нет, – сухо ответил Русанов. – Месяц назад я воспользовался МаРЗами[2] из аварийного запаса криогенных модулей. Охват территорий достаточно велик, чтобы прогнозировать глобальный масштаб происходящего. Прогнозы планетологов внушают серьезные опасения. Научная группа Одориной не нашла причин резкого роста температуры окружающей среды. Ни один естественный природный процесс не мог привести к столь внезапному, стремительному и резкому изменению. Начавшееся таяние льдов вскоре будет сопровождаться шквальными ветрами и непрекращающимися ливнями. Теперь ты понимаешь, почему твоя затея бессмысленна?

– Сколько у нас времени? – испуганно спросил Щедрин.

– Два-три месяца, не больше. До начала проливных дождей, – уточнил Русанов. – Подчеркну, если ты не понял: процесс неестественен. Ни вулканическая деятельность, ни солнечная активность не дает и сотой доли того прироста энергии, что мы видим!

– Тогда в чем причина?!

– Деятельность «братьев по разуму». Неизвестные нам технологии, – жестко заключил Русанов. – Иной трактовки нет. Они когда-то испепелили планету плазмой. Океаны выкипели. Помутнение атмосферы вызвало эффект ядерной зимы. Наступило глобальное оледенение. В течение столетия обломки кораблей и станций сходили с орбит, падали на поверхность планеты. Так возникли очаги вулканической активности. Зима затянулась. Выбросы продуктов извержений не давали солнечным лучам вновь согреть планету, растопить лед. Но процесс постепенно шел на убыль. Начало Весны четко прогнозировалось.

– Что же случилось теперь? – Щедрин даже не пытался скрыть свое замешательство.

– Тысячи кораблей, участвовавших в битве за эту звездную систему, потерпели крушение либо совершили вынужденную посадку, – напомнил Русанов. – Однако в большинстве случаев их экипажи не погибли. Мне пришлось прибегнуть к крайним мерам, чтобы получить достоверную информацию. Еще до вашего пробуждения я допросил нескольких эшрангов и хонди. Удалось выяснить: на всех инопланетных кораблях имеются некие аварийные устройства. Они называют их «генераторами стасиса».

– Система поддержания жизни?

– Нет. Технология лежит вне нашего понимания, далеко за пределами человеческих знаний. Стасис, насколько я понял, локально останавливает время.

– Не может быть! Это...

– Невозможно? Увы, мы сильно проигрываем в уровне развития. Но проблема в ином. Для поддержания защиты необходимо громадное количество энергии. Сейчас, судя по всему, она иссякает. Все больше эшрангов и хонди вынужденно выходят из стасиса. Они так же, как мы, – заложники Пандоры. Понимаешь, к чему я веду?

– Повышение температуры – дело их рук?! – не поверил Щедрин.

– Думаю, это побочный эффект от работы неизвестных нам устройств. Эшранги отчаянно пытаются вырваться с планеты. Данные, полученные от зондов, указывают на возобновление боевых действий. «Братья по разуму» сцепились друг с другом, причем не на шутку.

– В чем причина?

– А ты как думаешь? Постарайся понять: стасис остановил для них время! Секунду назад был бой, поражение, гибель, и, – Русанов щелкнул пальцами, – стасис отключается, вокруг льды, прошли сотни лет. Они понимают, что обречены. Пытаются завладеть теми кораблями, которые еще можно отремонтировать. Так что забудь о бредовых идеях относительно контакта. Их вражда нам совершенно непонятна, а лезть в чужую драку – бессмысленно.

– И что же нам делать?!

– Пережить климатическую катастрофу!

Щедрин совершенно сник. От его недавней агрессивности не осталось и следа.

– Никаких шансов, – он невольно взглянул на бескрайний ледник. Показания приборов невозможно истолковать двояко. Если рост температуры не прекратится, то стремительное таяние огромной массы льда неизбежно. А у нас всего пять планетарных машин, десяток изношенных аграрных сервов и грузовая антигравитационная платформа. Не тот тип техники, чтобы бороться со стихией.

Боже… что же делать теперь?!

Русанов своего добился. Если он хотел морально раздавить Щедрина, полностью лишить его воли, то выбрал правильное время и место. Перед глазами двоилось. Разыгравшееся воображение рисовало жуткие картины ближайшего будущего.

– Дима, у меня есть четкий план спасения! – повторил Русанов. – Первый удар стихии мы переждем в старом бункере…

– Но он же не оборудован! – неподдельный ужас теперь сквозил в голосе Щедрина. – Я осматривал верхний горизонт. Нет даже разводки энергопитания, сразу за шлюзовыми воротами трещины в скалах! Пустые, темные, сырые помещения!

– Прекрати! – Русанов все же сорвался на крик. – Я не меньше твоего хочу жить! Иди, займись осмотром убежища! Собери группу инженеров! Думайте, как загерметизировать хотя бы один уровень!

Голова Щедрина тряслась, губы дрожали. Он не выдержал точно рассчитанного информационного удара. Смерть, которая казалась вероятной, отдаленной, вдруг приблизилась, заглянула в глаза. Злоба тут же иссякла, оставив мерзкое чувство бессилия, страха.

Он даже не спросил, в чем именно заключается план Русанова, снова посмотрел на показания метеорологической станции, затем перевел взгляд на ледник, глухо спросил:

– Что, прямо сейчас идти?..

– Возьми вездеход. Я пешком прогуляюсь. Для начала переговори с Ромой Малеховым, введи его в курс дела. Только не вздумай

поднимать панику! – каждое слово Русанова било наотмашь, словно пощечина. – Вы раскололи экипаж! Вам и исправлять ошибки!

– Но паника неизбежна!

– Я вернусь через час. Вместе с Малеховым собери начальников отделов и научных групп – вас они послушают. Остальное предоставь мне. Паники не будет, если каждый займется делом! Все. Митинги окончены. Ты со мной согласен?

Щедрин ничего не ответил. Он молча развернулся и побрел к вездеходу.

* * *

Глухо взревел двигатель машины. Русанов даже не обернулся.

– Вы совершаете ошибку за ошибкой, – продолжая наблюдать за ледником, произнес андроид. Он слышал разговор и сделал свой собственный вывод.

– Вот как? – Русанов неприязненно взглянул в спину человеческому подобию. – И в чем же заключаются мои промахи?

– Нельзя пренебрегать нуждами людей.

– Нужды делают людей более сговорчивыми, – цинично ответил Русанов.

– Я несколько лет руководил колонией, – будто не услышав его, продолжил андроид. – Страх – губительное чувство. Оно уничтожает здравый смысл. Мне кажется, Андрей Игоревич, вы преследуете сугубо личные цели, а на остальных вам плевать!

– Несомненно. Я эгоист. И знаешь, в чем моя цель? Возродить корпорацию, сплотить людей, объединить земные и инопланетные технологии! Построить хорошо защищенный город! Воссоздать утраченную технику! Вновь выйти в космос…

– Вы пренебрегаете людьми, презираете их, – упрямо повторил андроид. – Не важно, насколько хороша конечная цель. Она не оправдывает средств, избранных для ее достижения!

– Не смей повышать на меня голос!

– Для меня многое выглядит странным! – не унимался андроид.

– Например?

– Почему полвека спустя после крушения вдруг включился аварийный маяк спасательного сегмента? Когда мы отыскали его и проникли внутрь, работала только одна криогенная камера из трех! Не странно ли? Ее источник энергии показывал семьдесят процентов заряда, когда два других давно истощились!

– Да вы все просто сговорились! – вспылил Русанов. – Как я могу отвечать за действия автоматики?!

– В этом и вопрос! Автоматика не делает предпочтений! Система спасательного сегмента не могла перераспределить энергию, убив двух человек в пользу третьего!

Русанов вдруг смертельно побледнел. Андроид уже не просто раздражал его своими независимыми суждениями, он превратился в реальную угрозу! В отличие от людей, им невозможно манипулировать. Сорок девять лет саморазвития превратили обыкновенную бытовую машину в личность, настоящий искусственный интеллект, который не угомонится, пока не докопается до правды!

– Будь добр, подойди сюда! – он унял злобу, изобразил испуг.

Андроид послушно встал, подошел к нему. Он прекрасно различал нюансы интонаций человеческого голоса.

– Вы что-то заметили? – обеспокоенно спросил он, зная, сколько различных тварей обитает во льдах. – Вечно голодные, они не гнушаются ничем.

– Видишь силуэт в глубине ущелья? Вон там. Да нет, дальше!

– Но там никого нет!..

Резкий удар в спину столкнул андроида в пропасть. Русанов с трудом удержался на краю, несколько секунд балансировал руками, затем шумно перевел дыхание, взглянул вниз.

Изломанная человекоподобная фигура темнела среди камней и льда. Мгновенное сканирование показало затухающую энергоматрицу. Отлично. Еще одной проблемой меньше, он успокоил дыхание и, будто ничего не произошло, направился к старой дороге, вьющейся между скал.

Импульсивный, иррациональный поступок его не взволновал. Андроид, безусловно, пригодился бы в будущем, но – Русанов желчно усмехнулся, отметая проблему, – техникам его не отдашь, наболтает лишнего. Да и в концепцию общего информационного поля, основанного на явлении технологической телепатии, искусственный интеллект никак не вписывался.

Шагая по дороге, он обдумывал планы на ближайшее будущее.

С бунтом покончено. Щедрин и Малехов теперь в лепешку разобьются, лишь бы восстановить единство экипажа. Людьми легко управлять в ситуациях, когда речь идет о жизни и смерти.

«Старое колониальное убежище нас не спасет, – Русанов отчетливо представлял масштаб и силу надвигающейся катастрофы. – Но мы должны продержаться, пока исследования Метелина не дадут результат».

Способны ли пятьсот человек, истощенных, доведенных до крайности, изменить ход истории нескольких цивилизаций?

Русанов был убежден – да! Он считал себя первоклассным психологом, видел и понимал намного больше любого из подчиненных и потому оставлял за собой право на принятие единоличных решений.

Его конечная цель находилась выше разумения рядовых исполнителей.

Глава 2

Мы проиграли схватку со стихией.

Масштаб надвигающейся катастрофы трудно было вообразить.

Непогода обрекла едва живых людей на мучительную агонию.

Я ничего не могу сделать. Нам не хватило скудных неприкосновенных запасов посадочных модулей, чтобы выдержать изоляцию. Силы на исходе…

Андрей Игоревич Русанов.

Последняя запись в личном дневнике

Пандора. Три месяца спустя…

Дождь хлестал, не прекращаясь ни на минуту. Мутные потоки воды неслись по давно опустевшим улицам, катили угловатые камни; порывы ураганного ветра сминали пелену непогоды, кое-где во вспышках молний виднелись разрушенные каркасы типовых построек первичного колониального поселения.

Раскаты грома звучали все отчетливей, все ближе. Склоны и вершины горных хребтов тонули в непроницаемых облаках.

Вода везде. Она низвергается с небес непрекращающимися ливнями, бьет под напором из трещин в скалах, срывается в пропасти гудящими водопадами, беснуется в теснинах ущелий бурными, стремительными, порожистыми реками.

Лишь несколько городских зданий стойко сопротивлялись напору стихии. Школа, мастерская по ремонту сервомеханизмов и офис колониальной администрации возвышались мрачными утесами; несущиеся по улицам реки пенились, разбиваясь об их прочные цоколи. Брызги долетали до пустых оконных проемов, ветер гулял по этажам, мельчайшая водяная пыль оседала на стенах, сбегала каплями по сохранившемуся пластику отделки.

«История колонизации Пандоры» – стереоснимки на стенде в вестибюле опустевшей школы безнадежно испортила вода,

изображения поблекли, покрылись рыжеватыми потеками.

Дождь все хлестал.

Здания, граничащие со скалами, превратились в каскады водопадов. Вода вырывалась из окон и дверей, пенясь, сбегала по ступеням лестниц, террасам.

Главная улица опустевшего города вела к отвесной каменной стене, затем ныряла под арочный свод.

«Колониальное убежище» – гласила потемневшая рельефная надпись над просевшими шлюзовыми воротами, запирающими вход в частично затопленный наклонный тоннель.

* * *

Лера ненавидела себя.

Желание жить боролось с мечтой о смерти. Страх – неизменный судья поединка – изо дня в день констатировал ничью.

Она медленно и бесцельно брела по темным помещениям технического уровня старого колониального убежища, мимо истощенных людей, уже похожих на тени. С низким гулом вращались лопасти огромных промышленных вентиляторов. Потоки влажного воздуха пробиралил до костей промозглым холодом.

Кто-то узнавал ее, находил силы кивнуть, кто-то отворачивался, пряча взор, иные не шевелились – им уже стало все равно.

Ее блуждающий взгляд замечал все больше влажных пятен в окаемке из минеральных солей. Кое-где они сливались в сплошную шелушащуюся коросту. Иногда по тонким неровным линиям на стенах удавалось сосчитать, сколько раз вода прорывалась в бункер.

Осветительные панели едва тлели.

Инстинкт самосохранения постепенно сдавал позиции, начинал проигрывать схватку. Выхода нет. Ежедневный рацион урезали – спустя месяц после начала проливных дождей запасы в убежище почти закончились, а единственному молекулярному синтезатору не хватало энергии для нормальной работы.

Она свернула наугад, остановилась подле дверного проема. В небольшой комнате кто-то жил. Лера увидела лежащий на столе кусок пищевого концентрата, внешне похожего на хлеб, и рот мгновенно наполнила слюна. Голова резко закружилась от неодолимого желания впиться зубами в разбухший от влаги мякиш, и только граничащая с обмороком слабость не позволила это сделать. Она пошатнулась, придерживаясь рукой за стену, вошла в тесное помещение. Может, его обитатель уже умер, и мне никого ни о чем не придется просить? – промелькнула в помутившемся рассудке жестокая надежда.

* * *

Егор Бестужев вздрогнул, стряхивая оцепенение. Нормальный сон остался в прошлом. Краткие периоды забытья в промежутках между внезапными прорывами воды отдыхом не назовешь – так, маета, тяжелая, настороженная дрема.

Нет, звук шагов не послышался. После недавней имплантации он едва не сошел с ума от частых галлюцинаций. Рассудок постоянно балансировал на грани двух мироощущений. Кибернетический расширитель сознания искал, но не находил периферийных устройств. Вода отсекла ангары с техникой, уничтожила компьютерную сеть, и болезненные приступы раздвоения личности превратились в бессмысленное, жестокое испытание.

Сумеречное зрение то появлялось, то исчезало. Глаза Егора слезились, сейчас он различил лишь силуэт, замерший в дверном проеме.

– Заходи, – видеть никого не хотелось, но не прогонять же... Он встал, присмотрелся, пытаясь узнать в истощенной женщине образ из недавнего прошлого. Худоба, граничащая с дистрофией, – отличительная черта землян, следствие постепенного угасания организма в период затянувшегося на десятилетия криогенного сна.

Лера Одорина. Планетолог, наконец подсказала память.

Зябко кутаясь в лохмотья, она смотрела мимо него, на кусок хлеба. Бескровные губы мелко дрожали. На миг Бестужева окатила волна

отвращения, затем вдруг вспыхнула злоба, прояснившая зрение. Он невольно перехватил взгляд Одориной и тихо сказал, задавив эмоции:

– Бери. Ешь.

Дрожащая рука Леры непроизвольно потянулась к куску хлеба. Голод сильнее разума. Он сводит с ума, заставляет совершать поступки, которые раньше показались бы дикостью.

Синеватый рисунок вен четко проступал сквозь бледную кожу ее руки. Темные круги под ввалившимися глазами неузнаваемо изменили черты. Она ела торопливо, неряшливо – крошки падали на пол. Желудок Егора ответил спазмом, в мыслях промелькнула и тут же угасла звериная жадность. Он судорожно сглотнул, задержал дыхание. Голова кружилась. Вдруг начало подташнивать.

Где-то в глубинах бункера глухо взвыла сирена.

Прорыв воды?! – воля к жизни встрепенулась на уровне инстинкта, но предельная усталость тут же погасила ее. Егор едва держался на ногах. Несколько перевернутых ящиков, застеленных ворохом влажного тряпья, неодолимо тянули к себе, и он сдался.

– Не пойдешь?

– Нет. Я только что с дежурства, – он прислонился спиной к стене, закрыл глаза.

Лера торопливо доела хлеб, подсела к нему, прижалась, пытаясь согреться, отнять частичку тепла.

– А если никто не пойдет? – тихо спросила она.

Сквозь лохмотья одежды он чувствовал ее тело. Кожа, кости и дрожь.

Осветительная панель, сочащаяся желтоватым светом, несколько раз мигнула. Сирена захлебнулась и смолкла.

Он зябко и неприязненно передернул плечами.

Одорина поняла: ей тут не рады. Она покорно встала, собираясь уйти, но взгляд внезапно выхватил из сумрака прикрепленные к стене листки, они резко диссонировали с обстановкой, невольно привлекали внимание.

– Твои рисунки? – Лера нерешительно остановилась. С удивлением и оторопью она рассматривала скупые карандашные наброски. Первое ощущение – Бестужев сошел с ума…

Ребристая глотка вмерзшего в лед крейсера хонди. Проломленная пасть шлюза. Неподвижные тела хондийских бойцов, скованные лютым холодом, припорошенные снегом на границе искрящегося света и антрацитовой тьмы. Композиция вызывала инстинктивное отторжение, некоторые, наиболее отвратительные для человеческого восприятия детали были прорисованы тщательно, реалистично, остальные смазаны, заретушированы.

Листки пластбумаги частично накладывались друг на друга, образуя коллаж.

Десятки образов, искаженных болью, страданием, смертью, смотрели на нее со стены.

Эшранг с перебитыми крыльями, в стремнине мутного порожистого потока. Его клюв полураскрыт в немом клекоте, безвольные складки кожистых крыльев волнистой судорогой стекают в грязь. Косой дождь превратил лоснящуюся шерстку в свалявшиеся клочья. Мощные лапы нелетающей птицы судорожно вцепились в камни, глаза выпучены, веки набрякли морщинами, в облике – абсолютная безысходность, понимание – еще секунда, и несущаяся с гор вода собьет его, потащит вниз, ломая кости, обдирая кожу…

На следующем рисунке был изображен ц'ост. Существо, способное к мгновенным метаморфозам, практически неуязвимое, попало в ловушку тектонического разлома.

Пламя недр пожирало его. Передний план изображения заполнял огромный, полный отчаянья глаз и невероятно длинная рука, похожая на канат из обнаженных, покрытых ожогами кровоточащих мышц. Стадия незавершенной метаморфозы, тщетная попытка спастись, вырваться из всплеска пузырящейся лавы.

Лера вдруг перестала дышать. Следующее изображение оглушило ее.

Низкий свод затопленного тоннеля. Пузырь воздуха под потолком. Обрывки кабелей. Разбитая осветительная панель. Неузнаваемое, искаженное агонией человеческое лицо.

Спазмом сдавило грудь. Голова резко закружилась. Ей не хватало воздуха.

И снова хонди. Фрагменты разорванных тел. Бурые кляксы хитина на подтаявшем от крови льду. В центре изображения – массивная фигура мутанта: обросшего черной шерстью человеческого подобия, с жадностью пожирающего теплую плоть.

Бескрайние льды.

Пламя извержений.

Низкие клокастые тучи. Ослепительные ветви молний. Штрихи дождя.

Нагромождения космических кораблей, либо вмерзших в лед, либо сбитых в бесформенные груды стремительными потоками талых вод.

Сиротливый луч солнца, пробившийся сквозь облака, осветивший изувеченный корпус серва, – на броне механизма видны следы когтей, грудной кожух смят ударом неистовой силы, ядро системы вывалилось наружу, планки нейрочипов болтаются на разлохмаченных обрывках оптических волокон, словно внутренности, а на дне траншеи – пустые обойменные лотки и тусклая россыпь гильз.

Лера пошатнулась, придерживаясь рукой за влажную, шероховатую стену.

Егор Бестужев сидел, низко опустив голову.

– Откуда в тебе столько злобы? – Одорина вновь покосилась на рисунки.

– Злобы? Я рисую то, что видел, пережил. Лучше уходи. Не лезь в душу.

Земляне и пандорианцы плохо понимали друг друга. История колонизации Пандоры полна трагизма, но если коренные уроженцы планеты привыкли смотреть в глаза реальности, то люди с Земли отвергали ее, видели в окружающем лишь крах надежд, лживые обещания, они чувствовали себя обманутыми, похороненными заживо, бессильными что-либо изменить.

Одорина не ушла. Она робко присела на край перевернутого ящика, замерла, глядя в сумрак.

– Зачем вы вообще покинули Землю? – с ожесточением спросил Егор. После имплантации он получил доступ к огромным объемам данных, смог воочию увидеть величайшие города потерянной навсегда

прародины, с внутренним трепетом познал техническую мощь цивилизации. – Почему вы бежали?

– Ты никогда нас не поймешь, – всхлипнула она, придвинулась ближе, вновь инстинктивно ища спасения от холода и безысходности. Ее глаза закрылись. Егор машинально гладил спутанные волосы, испытывая растущее отвращение к себе. Земляне казались ему нерешительными, мягкотелыми, эгоистичными.

Научная интеллектуальная элита – так называл их Русанов. Он говорил: в экипаже «Прометея» не было случайных людей. «И мы надеялись, – с ожесточением думал Егор. – Надеялись, что все изменится с пробуждением «спящих»!»

Одорина вдруг обмякла, тяжело и безвольно навалилась на его плечо.

Потеряла сознание.

Он высвободился, проверил ее пульс, подложил под голову Леры ворох влажного тряпья.

Тяжелые мысли ворочались, как булыжники.

Надежда умерла. Нам не выжить. Месяц назад все пошло прахом. Внезапный удар землетрясения нарушил герметичность убежища, вода хлынула в бункер. Русанов погиб на глазах Егора. Его сбило и унесло бесноватым потоком. Оборудование, собранное по крохам, уничтожено. Единственный генератор работает на износ. Протянем еще неделю или две. И что дальше?

Выхода нет, но и сидеть сложа руки невыносимо.

Егор встал и медленно побрел на звук прорвавшейся в бункер воды.

* * *

Трещина в стене оказалась небольшой. Ревун отключили. Мокрые, похожие на тени фигуры боролись молча, отчаянно. В ход шли подручные средства, запас специального пенящегося герметика давно закончился. Без него воду полностью не остановить, можно лишь сдержать напор, превратить бьющий из стены фонтан в сочащийся ручеек.

– Межуровневый люк! Открыть! – Родион Бутов стоял по колено в ледяной воде. – Быстрее! Ты и ты! – он заметил Щедрина и Малехова. – Бегом за строительными блоками! Шевелитесь, нужно соорудить дамбу в дверном проеме!

Егора трясло от усталости и холода. Обдирая пальцы, он попытался приподнять люк, но ничего не вышло.

– Держи! – кто-то подал ему заржавевший кусок арматуры. – Рычаг!

Он попробовал еще раз. Получилось. Вода с ревом устремилась вниз, к давно затопленным залам, но ее темная поверхность всколыхнулась волнами совсем близко, едва не перехлестнула через край горловины.

Все. Экстренные сбросы больше не помогут.

Родион молча присел рядом. Его одежда промокла, на осунувшемся лице резко обозначились скулы.

– Держишься?

– По-разному, – Егор сглотнул. – Родька, вода всего в метре под перекрытием, – выдавил он. – Если дожди не прекратятся, нас окончательно затопит...

Бутов молча покосился в сторону Щедрина и Малехова, затем тихо произнес:

– Действовать надо. Самим. Как привыкли.

Роман Малехов, кряхтя, приподнял тяжелый стеклобетонный блок, установил его поверх других.

– Чего шепчетесь? – Он скривился от боли в растянутом запястье.

Егор угрожающе привстал. Неприязнь к уроженцам Земли упорно искала выход.

– Заткнись и работай! – сипло выдавил он.

– А ты будешь сидеть?

Тяжелый взгляд обжег Малехова. Ржавый кусок арматуры в руке Бестужева не предвещал ничего хорошего. Видимо, у парня совсем крыша поехала, вон глаза горят, словно у сумасшедшего. Слово поперек – убьет.

– Эй, ну хватит! – Дима Щедрин перешагнул через низкую кладку. – Остынь! Ну чисто звереныш! – тяжело дыша, выругался он. – Всем тяжело!

– Егор, не надо! – Родион перехватил руку друга.

Бестужев с трудом разжал пальцы. Согнутый кусок арматуры со звоном упал на пол.

– Не могут ничего дельного придумать, так пусть работают! – Вспышка ярости не отпускала. – Какой от вас толк?!

Малехов опустил взгляд.

– Егор, мы бессильны перед стихией.

– Русанов так не думал!

– Русанов погиб! – Малехов исподлобья наблюдал за двумя уроженцами Пандоры. – Ну, искалечим друг друга. А что дальше?!

– Сидеть и ждать смерти – тоже не выход!

– Что предлагаешь? – Щуплый долговязый Дима Щедрин постоянно лез на рожон при каждой возможности.

– Действовать! – ничего не поясняя, отрезал Егор. – Вы же – научная элита! – не удержался, с вызовом добавил он.

Малехов лишь покачал головой, глядя, как вода, закручиваясь воронкой, уходит в темную горловину люка.

– Мы отрезаны от поверхности! Ангары с техникой затоплены! Энергии нет! Люди едва держатся на ногах! Никаких шансов. – Он тряхнул головой. – Ты пойми, Егор, я бы рад найти решение, но не могу! Знания сами по себе, без технологической базы, ничего не решают! Да, я мог бы собрать необходимые устройства, но из чего?! Водородный двигатель не соорудить из камней! Гидропонику не наладить без освещения, без семян растений, без элементарных химических производств! Что мне сделать для тебя? Каменный топор?

– Так. – Родион обвел хмурым взглядом людей, явившихся на шум. – А ну, расходитесь. Нечего толпиться. Прорыв воды ликвидирован!

* * *

Все разошлись, лишь Родион и Егор остались в темном подтопленном отсеке.

– Паша где?

– В своем «тактическом центре», где же еще? – ответил Родька. – Работает, словно одержимый. После имплантации в науку ударился. Эти, ну как его… МаРЗы запускает. Я вчера заходил, попробовал заикнуться, что разведка территорий теперь бесполезна, так он зыркнул на меня, – веришь, мурашки по коже.

– Пошли к нему, – предложил Егор.

Родион недоуменно пожал плечами. Надежда таяла с каждым днем. Пока Русанов был жив, в бункере еще сохранялось подобие порядка, дисциплины, теперь же каждый сам по себе. Кто-то слег, отчаялся, другие обозлились, третьи по инерции продолжали работать, пытаясь заполнить пустоту неизбежности, отчаянья, отказываясь понимать, что из создавшегося положения нет выхода.

– Ладно, пошли, – нехотя согласился Родион.

В дальней части технического уровня стрекотал генератор. Изношенный водородный двигатель, снятый с планетарной машины, работал неровно, с перебоями.

Приглушенный свет холодных оттенков проникал в коридор сквозь дверной проем бывшего склада, где Павел Стременков организовал свой импровизированный «тактический центр».

Трое друзей в последнее время виделись редко.

Виной всему имплантация. Семена знаний, посеянные Русановым, приживались очень тяжело. Егор с трудом перенес операцию по вживлению кибернетических модулей, стал молчаливым, замкнутым. Он не возражал против идеологии «необходимого научного прорыва», но и не загорелся ею. Огромные объемы данных, насильно закачанные в рассудок, напоминали о себе постоянными приступами дикой головной боли, не давали спать, приносили лишь вред.

Родион по поводу имплантации угрюмо молчал. Единое информационное поле, откуда, по замыслу Русанова, каждый мог бы черпать необходимые знания, исчезло во время первого прорыва воды, когда рухнула компьютерная сеть убежища, а идея технологической телепатии, основанной на прямом контакте между имплантами, вызывала у Родиона стойкое отвращение. Однажды он попытался воспользоваться вживленным модулем «технотелп», но реакция со

стороны землян оказалась, мягко говоря, неадекватной. Вместо ответов на интересующие вопросы он получил обрывочные, эмоционально окрашенные мысленные образы, от которых возникло желание вообще заглушить имплант и больше никогда его не использовать.

– Пашка, привет!

Стременков даже не обернулся. В помещении склада работала голографическая модель территорий. Тусклый холодный свет струился в полуметре над полом, формируя рельефную карту полушарий Пандоры.

Основу самодельного тактического комплекса составляла кибернетическая система, снятая с планетарной машины, чей двигатель работал сейчас в качестве привода для генератора. Повсюду на перевернутых пустых ящиках перемигивались индикаторами лишенные корпусов компьютерные блоки, их соединяли оптические кабели, два МаРЗа парили в воздухе, передавая данные через устройства беспроводной связи.

– Паша, отвлекись на минуту! – Егор коснулся его плеча.

Стременков медленно повернулся.

– Чего тебе?! – раздраженно спросил он.

Егор с трудом узнал друга. Одутловатое лицо утратило прежние черты. Под глазами набрякли мешки. Нервный, воспаленный, пронзительный взгляд действительно вызывал дрожь.

– Родька, ну-ка, помоги мне!

Вдвоем они усадили Павла на один из ящиков, кое-как привели в чувство при помощи воды и двух пощечин.

– Эй, полегче! – Худые пальцы перехватили руку Егора, цепко, до боли сжали запястье. Безумный, лихорадочный блеск в глазах Стременкова медленно угасал. Искра индикации на его височном импланте взмаргивала все реже.

– Ну? Вернулся? – Родион присел на корточки. – Совсем крыша поехала?

– Процессорной мощности не хватает… – с трудом выдавил Павел, нашел взглядом пластиковую бутылку с водой, жадно схватил ее, стал пить большими судорожными глотками.

– Ты что, напрямую подключился к системе?! Через имплант?! – догадался Егор.

– Ну а какие варианты? – огрызнулся Стременков. – Компьютеры накрылись! Все вода уничтожила!

– А использовать свой мозг как вычислительное устройство – это, по-твоему, нормально?! – возмутился Родион.

Стременков промолчал.

Он не разделял общих настроений. Из троих друзей Павел первым прошел через имплантацию. Семена знаний в его случае дали жизнеспособный росток. Пока работала компьютерная сеть, он успел впитать идеологию необходимого научного прорыва, не замечая, как постоянная напряженная работа в сети постепенно заморозила душу, мобилизовав только рассудок.

Русанов успел многое. Он фактически уравнял поколения, стер границы, создал всеобщее информационное поле, совершил дерзкую попытку объединить людей в рамках единой ментально-кибернетической сети.

«Не важно, родился ты здесь, на Пандоре, или прибыл из Солнечной системы, на борту легендарного «Прометея», – говорил он. – Знания землян, объединенные с опытом выживания пандорианцев, – наше единственное оружие против стихии».

Русанову удалось создать интеллектуальный кулак, но куда он ударит, что сокрушит теперь, когда исчезла направляющая его сила, а воля людей стремительно угасает?

– Вы ничего не понимаете! Я хочу жить! – Стременков сник, плечи ссутулились. – И не брошу работу, понятно?! – с ожесточением добавил он.

– Почему нам ничего не сказал? Помогли бы! Ну чем ты тут занят? – Родион хотел лишь ободрить друга.

– Обрабатываю данные с МаРЗов, – взгляд Стременкова немного ожил.

Егор взглянул на голографическую карту полушарий, усеянную различными маркерами. Данные за последний месяц. Температура

воздуха, интенсивность таяния льдов, движение водных масс. Динамика выглядела неутешительно. Климатическая катастрофа набирала мощь.

«Наши дни сочтены, – мысль уже не обжигала, воспринималась как неизбежность. – К чему теперь сведения о погоде?»

– Нам бы выжить, – Егор взглянул на разведывательные зонды. – Какой от них толк?

– Русанов регулярно запускал МаРЗы. Некоторые вернулись недавно. Я хочу разобраться, зачем он следил за территориями?

– Разве непонятно?

– Нет. Климат тут ни при чем! – убежденно ответил Стременков. – Для мониторинга окружающей среды достаточно стационарных сканирующих комплексов! МаРЗы – разведчики. Они что-то искали! Я пока не обработал всех данных. Может, в них наше спасение?

– Говоря проще, ты еще не до конца убил свой мозг? – насупился Родион.

– Я продолжу. Верю, у Андрея Игоревича был план спасения! – упрямо ответил Стременков.

– Да, и он накрылся! – Егор уселся на ящик. – Не понимаю. Все одно к одному. Столько надежд, и все прахом! Мы провели в мобильном центре имплантации месяц. Зачем? Что происходило за это время? Куда подевался наш андроид?

– Да, он бы сейчас пригодился, – вздохнул Родион. – Да и просто жаль его. Русанов говорил, было нападение мутантов.

– Подождите, ребята… – Егор нахмурился, что-то припоминая. – Я ведь сообщение от андроида получил!

– И молчал?

– Значения не придал. Пришло еще перед прорывом воды. Думал – сбой в сети, – он наморщил лоб, пытаясь вызвать в памяти то странное послание. – Какая-то схема. Похоже на фрагмент чертежа. Дайте бумагу, нарисую!

Через пару минут он показал изображение.

– Вроде почерк Русанова? – Стременков заинтересовался написанной от руки резолюцией. – Не узнаю, что за помещения?

– Надо бы разузнать. Тут написано о каких-то лабораториях и генераторе!

– Наверное, тот, что работает? – предположил Родька.

– Нет, – ответил Егор. – Планировка помещений совсем другая!

– У Малехова спросите. Он, может быть, в курсе? Второй генератор нам здорово бы жизнь облегчил! – сказал Стременков. – В общем, разбирайтесь. А я пока тут продолжу.

– Ну, пошли, спросим, может, и правда Щедрин или Малехов в курсе? – Родион тут же загорелся идеей. – Все лучше, чем сидеть без дела!

* * *

– Малехов! Постой!

– Ну? – Он обернулся.

– Роман Степанович, – Егор протянул начерченную от руки схему, – можешь объяснить, что это значит?

Малехов расправил листок, взглянул на изображение.

– Откуда ты его взял? – В глазах появился интерес.

– Из электронного сообщения. Пришло на мое имя сразу после имплантации.

– Ну, какая-то схема. Часть бункера, полагаю? Я при чем?

– Почерк Русанова узнаешь? – Егор чиркнул пальцем по резолюции.

– Да, его рука. Отсканировано, что ли?

Бестужев пожал плечами.

– Оригинал документа наверняка взят из архива колонии, – сказал Родион. – Я помню, Русанов интересовался планами бункера.

– Архив эвакуировали?

– Нет, не успели.

– Значит, он работал с планами убежища до катастрофы? – Малехов еще раз внимательно взглянул на листок. – Интересно. Автономная схема энергопитания. Метелин… – Он наморщил лоб, вспоминая – Метелин… А, этот, из «аквариума»!

Незнакомый термин резанул слух.

– Объясни, что за «аквариум» такой? – вмешался Родион.

– Сленговое словечко. Так мы называли изолированные научные группы. Чем они занимались, знал только Андрей Игоревич. Сборища гениев, этого не отнять, но в остальном людишки совершенно никчемные. – Малехов скривился. – «За ваши деньги любой каприз», сечете?

– Нет, – ответил Егор. Язык землян изобиловал странными словами и выражениями.

– Ладно, неважно. Чем могу помочь?

– Тут упоминаются какие-то лаборатории и генератор. Нам нужна энергия. Что, если он в рабочем состоянии? – Бестужева интересовала только насущная, злободневная сторона вопроса. – Ты извини, Роман Степанович. Действительно, чем морды друг другу бить, давай вместе думать, как людей спасти?

Малехов помрачнел.

– Егор, мы никого не спасем. Раньше надо было думать. Я ведь честно тебе ответил: против стихии не попрешь!

– Второй генератор даст достаточно мощности для работы синтезатора пищи! – нервно возразил Родион. В подобных диалогах он быстро терял терпение. – Будем действовать или как?

Малехов едва держался на ногах. Он уже почти перешагнул черту, за которой ждало полное безразличие, апатия. Упрямство пандорианцев его злило, он искренне считал, что выхода нет.

– От меня чего хотите? Не узнаю я этих помещений! И не в курсе, что там задумывал Русанов. Он со мной планами не делился!

– Нужен всеобщий опрос, – неожиданно заявил Егор. – Прямая связь между имплантами. Кто-то ведь в курсе, где находятся эти помещения? Тот же Метелин или как его там?!

– Если жив еще, – вздохнул Малехов. – Сами-то понимаете, о чем просите?

– Нас – пятьсот четыре человека! – напомнил Бестужев. – Что, с листком всех обходить? Я читал заметки Русанова накануне

собственной имплантации. Он считает техническую телепатию допустимой и полезной!

Малехов задумал, затем все же кивнул:

– Ладно, сейчас попробую, – ему явно не нравилась затея Бестужева. – Дайте только с силами собраться, – попросил он. – Вы пока Щедрина найдите.

– Он-то нам зачем? – насупился Егор.

– А кто генератор запустит, если найдем лаборатории?

– Сами разберемся!

– Нет, парни, так не пойдет! Он первоклассный инженер!

– Егор, не тупи! – Бутов подошел, шепнул что-то на ухо другу.

– Ладно, найди его, я тут побуду – Бестужев присел на влажный от конденсата стеклобетонный блок.

Малехов вернул ему листок.

– Разверни и держи у меня перед глазами. Нет, чуть дальше. Да, вот так, хорошо… – Роман Степанович замер, его зрачки сузились, взгляд впился в схему.

Прямое соединение между имплантами – мысленная связь в рамках беспроводной сети – использовалось очень редко. Устройство чтения и передачи мысленных образов на Земле находилось под запретом, но Русанов законами пренебрегал. Он считал «сырую» технологию весьма перспективной и даже необходимой при освоении иных звездных систем. По его мнению, незначительная киборгизация человеческого мозга открывала широчайшие возможности – Егор хорошо помнил заметки, с которыми ознакомился накануне имплантации. Объединение знаний, обмен практическим опытом, разработка и внедрение мнемонических интерфейсов управления космическими кораблями и планетарной техникой, мгновенное оповещение всех жителей колонии в случае нештатных ситуаций – вот краткий, неполный список возможностей, которые планировалось реализовать на практике.

«Но технология действительно «сырая», – невольно подумал он, взглянув на Романа Степановича.

Малехова вдруг начало трясти. Пот выступил на лбу, вены вздулись, зрачки расширились. В убежище, помимо обычных звуков, возник

и постепенно нарастал невнятный шум голосов. Прямое соединение рассудков вырвало колонистов из состояния апатии, неожиданный опрос сопровождался внешней, насильственной активацией их имплантов.

На Земле за подобные действия грозил пожизненный срок, но Русанов, основав поселение на Эриде, уже не обращал внимания на такие «мелочи», как международное право. По его прямому распоряжению импланты всех участников проекта «Прометей» были оснащены дополнительными программными модулями «техтелп», способными объединяться в сеть.

Лицо Малехова тем временем посерело.

Опрос пятисот человек исказил его сознание, прервал естественные процессы мышления, задействовал мозг в качестве нейрокомпьютера, отправляющего и обрабатывающего запросы.

Люди реагировали непредсказуемо. Большинство в эти секунды испытывало чувство острой немотивированной тревоги, граничащей с паникой, даже те, кто слег, отчаялся, окончательно обессилел, приходили в себя, медленно вставали, цепляясь за стены, не понимая, что происходит.

Жуткие выкрики прорезались сквозь шум.

Стылый полузатопленный бункер в эти минуты походил на сумеречную иллюстрацию к древним мифам.

Роман Степанович вдруг забился в судороге. Перекошенный рот, хрип, струйка слюны, безумный взгляд – листок дрогнул в руках Егора, он уронил его, успел поддержать Малехова, не дал ему упасть.

– Пей! – Он сначала плеснул воды в лицо, затем заставил сделать несколько судорожных глотков.

– Нашел… здесь… На техническом уровне…

– Запомнил?

– Бумагу дай… И чем начертить…

Егор подобрал намокший листок. Огрызок карандаша он по привычке всегда носил с собой.

– Держи. Присядь. Спиной обопрись о стену!

Руки Малехова дрожали. Линии выходили неровными, он с трудом дополнил схему, замер, запрокинув голову.

Из сумрака появились Щедрин с Бутовым.

– Рома, ты что творишь?!

– Дим, заткнись, дай отдышаться.

– Программа не проверена! Ты убить всех решил?

Родион цепко схватил Щедрина за плечо, вытолкнул назад в коридор.

– Дай ему прийти в себя!

* * *

– Тут недалеко. В подтопленной части, – Бестужев рассматривал схему. – Кто хоть откликнулся?

– Все… – надрывно прохрипел Малехов. – Егор, помоги встать… Пойдем посмотрим. И Родиона уйми, а то он Диму придушит. Никогда не думал, что соглашусь на такое. Веришь?

– Ты ни разу не работал в мнемонической сети?

– Нет. Голая теория. До испытаний дело так и не дошло.

– Но ведь сработало!

– Не знаю, стоит ли того информация. Я словно окунулся в болото… Жижа кругом. Захлебываюсь. Тону. Мысли обрывочные. Не мои.

– С киберсистемами так же?

– Нет. По-другому. Просто. Понятно. Без боли.

Они вышли в коридор. Бутов со Щедриным, вопреки опасениям, спокойно о чем-то говорили.

– Родька, Дима, пошли, – Бестужев указал на перекресток тоннелей. – Тут направо.

Минут десять они шли по темным подтопленным коридорам.

Наконец впереди показался еще один перекресток тоннелей.

– Еще раз направо, – Егор сверился со схемой.

Стоило свернуть, как впереди обнаружилась невысокая дамба. За ней плескалась вода, доходила до колен.

Эту часть технического уровня подтопило давно. Сюда никто не заглядывал.

Малехов остановился, зачерпнул пригоршню воды, омыл лицо, фыркнул.

– Бодрость, – невпопад произнес он. – Словно стимуляторов наглотался. И звон в ушах.

– Запах тут странный, – Родион насторожился, принюхался. – Так воняют хонди.

– Токсин?

Щедрин включил анализатор, кивнул.

– Очень слабая концентрация. Ну и нюх у тебя!

– Хонди? В бункере? – недоверчиво переспросил Малехов.

– Нечего гадать. Сейчас проверим.

– У нас даже оружия нет! – забеспокоился Щедрин.

– У кого как, – Родион выдернул из-за пояса пистолет, коснулся сенсора, активируя электромагнитный затвор. – Пошли, – он первым шагнул вперед, позабыв о схеме, ориентируясь на тонкий, едва уловимый запах.

Метров через двадцать к щекочущему обоняние нейротоксину добавились и другие флюиды, сладковатые, тошнотворные.

– Трупы, – уверенно заявил Бестужев. – Водой, наверное, принесло, через разломы во время землетрясения.

Щедрин включил фонарик, осветил стену.

Связки кабелей тянулись под потолком, сворачивали, ветвились.

– Тут дверь! – удивленно воскликнул Родион.

Да, действительно странно! Колониальное убежище было построено давно. Оборудовать его не успели. Помещения, вырезанные в скалах, никогда не использовались.

Из-за приоткрытой двери истекал смрад.

– Я дальше пройду, – Щедрин по-прежнему светил на кабели. – Генератор где-то там, – луч фонарика метнулся по стенам, осветил еще один перекресток тоннелей.

– Давай, только не заблудись, – откликнулся Бестужев. Вслед за Бутовым он боком протиснулся в полуоткрытый дверной проем, замер.

Огромное помещение тонуло во мраке.

– Ничего не вижу, – Малехов достал из кармана одноразовый химический факел, сжал его. Красный свет брызнул тенями, вырвал из тьмы длинный ряд камер биологической реконструкции, лег зигзагами на прозрачные каплевидные крышки – пять из них были приподняты, остальные плотно закрыты.

Егор и Родион молча переглянулись.

Вода и здесь доходила до колен. Ни один из компьютерных терминалов не работал. Тошнотворный запах заполнял помещение.

– Посвети, Роман Степанович!

Малехов подошел. В искрящемся свете тело хондийского бойца, помещенного внутрь биореструктивной камеры, выглядело изломанным. Хитиновые части эзоскелета вспучились, между ними появились зазоры, разлагающаяся плоть вздулась, сухожилия, скрепляющие отдельные элементы природного панциря, кое-где лопнули.

Боевую особь опутывали провода. Сотни датчиков, прикрепленных снаружи или внедренные внутрь, через специально просверленные в хитине отверстия, были похожи на паутину, сам же хонди – на жертву, попавшую в силки высоких технологий.

Малехов грубо выругался, Егор, повидавший всякое, невольно отступил на шаг, Родион замер, будто окаменел, но их замешательство длилось недолго. В ледниках Пандоры и не такое увидишь, хотя что греха таить: ознобом пробирало до костей от вида кибернетических компонентов, внедренных в полуразложившееся тело существа иной космической расы.

– Почему мы ничего не знали? – голос Бестужева разбил тяжелую тишину.

Малехов хотел ответить, но не смог. Горло сжал спазм. От смрада и открывшихся взгляду картин желудок начало выворачивать.

Он согнулся, уронил в воду хис-факел[3], но тот не погас.

Бутов наклонился, подобрал его, высоко поднял руку, освещая другие камеры.

Рабочий хонди… Разумная особь… Он приподнял следующий колпак, заглянул внутрь.

Жутковато. Внутри камеры биологической реконструкции специальные захваты удерживали эндоостов андроида. Сервомоторы и ядро системы располагались на своих местах, но, кроме них, металлокерамический скелет оплетали нервы, фрагменты мускулатуры и железы!

Вот откуда исходил стойкий запах токсина!

– Осмотрюсь, – скупо произнес Родион.

Егор отвернулся, подошел к Малехову.

Злоба, еще недавно преобладавшая в мыслях, исчезла. Вид изуродованных тел хонди вмиг поменял знаки восприятия.

– Ты как?

– Нормально, – прохрипел Малехов.

– Почему мы не в курсе?

– Вчера родился, Егор? Русанов никогда ни перед кем не отчитывался. А его «золотые рыбки» из «аквариумов» никогда не болтали о своей работе.

– Зачем? – Бестужев пытался понять смысл жуткого даже на его взгляд эксперимента.

– Зачем исследовать хонди? Понятия не имею!

– Метелин? Он знает?

– Угу… Только ты из него и слова не вытянешь. Он Русанова боится пуще смерти.

– Андрей Игоревич погиб.

– Ну, да… верно… – Малехов вновь судорожно закашлялся.

Красное пятно света возвращалось. Бутов обошел периметр стен.

– Там фрагменты обшивки хондийских кораблей, – скупо сообщил он. – Надо разобраться, что тут вообще происходило за нашими спинами!

– Метелин не станет ничего говорить, – повторил Малехов.

– А мы посмотрим, – холодно ответил Родион.

– Эй, вы там не задохнулись? Я генератор нашел! – послышался из коридора голос Щедрина.

– Иди к нам. Тут есть на что взглянуть.

* * *

Вонь стояла жуткая.

– Предупреждать надо! – Щедрин скривился от удушливого, разъедающего запаха. Надолго его выдержки не хватило: едва взглянув на содержимое камер биореконструкции, Дима, выпучив глаза, ринулся назад в коридор.

Факел погас.

– Генератор исправен? – Бутов вышел в коридор, встряхнул согнувшегося пополам Щедрина.

– Можно попытаться запустить, – в промежутках между спазмами выдохнул тот.

– Иди. Наладь освещение и вентиляцию. Помощь нужна?

– Нет. – Щедрин обрадовался поручению, кое-как встал, побрел по коридору.

Родион проводил его взглядом, вернулся в лабораторию.

Малехов и Бестужев попались навстречу. Оба дышали через смоченную водой ткань.

– Давай отсюда! – глухо приказал Егор. – Токсин. Наверное, из камеры, что ты открыл!

– Та, где эндоостов?

Бестужев кивнул. Его глаза покраснели и слезились, на бледной коже выступили пунцовые пятна.

– Дверь! – прохрипел Малехов. – Не поддается!

Вместе они навалились на массивную преграду. Протяжно скрипнул уже тронутый ржавчиной механизм.

– Порядок. Уплотнитель вроде не поврежден, – Роман Степанович привалился к стене, часто, прерывисто дыша.

– Родька, – Бестужев отозвал друга в сторону, – надо Метелина найти. Он наверняка в старом цеху. Там большинство ученых.

– Ладно. Схожу, посмотрю. Если что, приволоку его силой. Ты за Щедриным присмотри. Он должен генератор наладить.

– Угу. Свет и вентиляция не помешают.

– Вы что задумали, парни? – Малехов отдышался, снова полез с вопросами.

– Разобраться хотим, – скупо ответил Егор.

– В чем?

– Зачем Русанову понадобилось экспериментировать с хонди.

– Это сейчас важно?

– У него ведь был план нашего спасения?

– Егор, я тебя порой совсем не понимаю. Ты считаешь Русанова непогрешимым? Он для пандорианцев что-то вроде божества?

– Почему ты так думаешь? – Егор присел рядом. – Давай, Роман Степанович, поговорим начистоту. Ненавидишь его? Даже мертвого?

– Жизни ты не видел. – Малехов попытался уйти от темы, но Бестужев не поддался на неуклюжую уловку.

– Побольше твоего повидал! – огрызнулся он, но тут же понизил голос: – Ты боишься и ненавидишь, я ведь чувствую. Для меня Русанов был символом надежды. Он нам ее подарил!

– Понимаю. Но не делайте из него идола, в конце-то концов! Русанов человек, как все мы! Со своими недостатками. За его ошибки мы, между прочим, сейчас и платим!

Бестужев насупился. Между Малеховым и Русановым стояло что-то личное. Не Андрей Игоревич вызвал климатическую катастрофу. Не он растопил льды. Не по его вине лопнули при землетрясении стены колониального убежища. Но он первым за всю историю существования колонии дал отпор эшрангам, наглядно показал, что люди могут постоять за себя!

Злые мысли взбудоражили сознание. Хотелось выплеснуть их Малехову в лицо, но Егор сдержался – не время сейчас кидаться друг на друга!

– Он погубил «Прометей»! – Роман Степанович все же завелся, принял вызов.

– Никто не знает, как погиб колониальный транспорт!

– То-то Русанов и вцепился в архив первичного поселения! Я проверял: все отчеты за первый год колонизации исчезли!

– Ты был знаком с моим прадедом?

– Бестужевым? Ну, да, пересекались. Хотя друзьями нас назвать сложно.

– Разве экипаж не одна семья?

– Нет, Егор. Ты, конечно, горя хлебнул, как все пандорианцы, но очень многого не понимаешь. Русанов разделял и властвовал. Андрей Бестужев был планетологом. А я – сервоинженер.

– Ну и что?

– Разные отделы корпорации. Мы не контактировали. В лучшем случае – случайно пересекались или общались в сети, когда появлялась задача, которую не решить силами одной научной или инженерной группы.

– Но ты знал Андрея Бестужева?

– Да, – не понимая, к чему клонит Егор, кивнул Малехов.

– В нашей семье из поколения в поколение передавались записи прадеда. Они относятся к тому роковому дню. Носитель информации пропал, но я помню его содержание наизусть. На колониальный транспорт напали хонди! Они уничтожили корабль, а затем явились сюда, сровняли с землей оборону первичного поселения!

– Да, я слышал эту версию, – усмехнулся Малехов. – Особенно хорошо она звучала в речах Русанова.

– Это не версия!

– Тогда почему хонди, уничтожив «Прометей», прорвав периметр поселения, потеряв несколько кораблей, вдруг остановились, не завершили начатый разгром?

– Мой прадед с ними договорился!

– Вот ты сам и ответил на все вопросы! Ученый-планетолог смог договориться с хонди, спас людей и остатки оборудования, а Русанов – нет! И причина только одна – он считал себя непогрешимым! Ты заблуждаешься, корпорация – это не семья! – Романа Степановича понесло. – Русанов нас разделял, стравливал, ломал, для каждого у него имелся кнут и пряник!

– Так почему вы не ушли от него?

– Все очень сложно. Ну, возьмем хотя бы меня. Нет, пожалуй, начнем с Земли! Ты понимаешь, что такое перенаселение, лишние люди?

– Нет.

– Представь, что ты никому не нужен. Ты – лишний. Один из миллиардов. Не важно, насколько ты талантлив. На Земле все делали машины. И с каждым годом их становилось все больше. Огромные города постепенно развивались, захватывали целые материки, да и население продолжало расти. Мое поколение родилось и выросло в кварткапсулах – это такие небольшие ячейки мегагорода, индивидуальные, полностью автоматизированные жилые соты.

Егор попытался представить, но воображения не хватило.

– День за днем, год за годом ты никому не нужен, – поначалу Роман Степанович говорил монотонно, но постепенно в его голосе начали прорываться эмоции. – Ты существуешь. Пытаешься найти свое место, призвание, только все впустую. Невозможно себя хоть в чем-то реализовать. Сначала приходит отчаянье, затем дикая скука. Потом наступает апатия. Ты не способен ничего изменить, и от этого опускаются руки. Даже представить не можешь, Егор, как невыносимо ощущать себя лишним! От скуки еще можно спастись, ускользнуть в виртуалку, жить в киберпространстве, захлебываясь грезами, но наступает час неизбежного возвращения в реальный мир, выбираешься из кресла «Вирком», бросаешь случайный взгляд в зеркало и становится тошно… так тошно, что хочется покончить с собой!

Малехов вдруг замолчал, на минуту погрузился в мрачные воспоминания, но через минуту продолжил прерванную мысль:

– Я видел в зеркале отражение жалкого, исхудавшего, питающегося внутривенно существа, которое блуждает в грезах, гадит под себя! Это не жизнь, Егор! Просто поверь мне на слово, если не способен представить. Я ведь получил прекрасное образование, чувствовал, что могу и хочу работать, но хоть голову расшиби о стену, *ты никому не нужен*! Глобальное одиночество внутри человеческого муравейника! – Малехов безнадежно махнул рукой. – Дни, месяцы, годы прозябания!.. Постепенно пришло равнодушие. И вдруг, внезапно, ни с того ни с сего – звонок в дверь. Открываю, а там приятного вида молодой человек в безукоризненном деловом костюме. Первая мысль – ошибся кварткапсулой, а в душе – зависть, по всему видно – он успешен, нужен,

востребован! У него взгляд не потухший, глаза живые, держится уверенно.

Егор не заметил, как попал под гипнотическое, вязкое давление. Реальность Пандоры на время отступила, он погрузился в мир, который считал эталоном цивилизации, но хриплый голос Малехова заставил его заглянуть за ширму внешнего лоска огромных городов.

– И кем он оказался? – спросил Бестужев. Ему хотелось услышать продолжение, снова проникнуться незнакомыми, тяжелыми, но захватывающими воображение эмоциями.

– Эмиссаром Русанова.

– Представителем корпорации?

Роман Степанович кивнул.

– Ты не думай, я не жалею ни о чем! Лишь годы спустя, оглядываясь назад, я понял, по какой схеме действовал Русанов. Он просеивал личные данные населения, не сам конечно, – первое, весьма грубое приближение для него составляли экспертные нейросетевые машины, затем список талантливых людей, оказавшихся на обочине жизни, проходил через целый каскад анализирующих программ. Нас распределяли по группам, используя психологические профили, подбирая ключики, – кого-то брали с помощью чистой логики, кому-то обещали деньги, иным предлагали интересную работу и абсолютную защиту, безнаказанность, ведь корпорация, по сути, стояла над законами, она, – Малехов запнулся, – как бы тебе объяснить? Она стала системообразующим элементом, без «Сибири» экономика России – страны, где я родился и жил, – попросту бы разрушилась, и потому Русанову многое сходило с рук. Ему на девяносто процентов принадлежал самый крупный мегаполис страны. Доходы корпорации только от сдачи внаем кварткапсул исчислялись триллионами…

Малехов не заметил, что уклонился в сторону от им же поднятой темы.

– Я не завидую, просто излагаю факты, – спохватившись, он почему-то извинился.

– Тот, человек, что пришел к тебе…

– Его звали Аркадием. Фамилия – Нетленников. Первое впечатление часто обманчиво. На самом деле он оказался мелкой сошкой

в корпоративной иерархии, но в тот день Аркаша имел на меня сильнейшее влияние. Словно нож в масло, вошел в мою жизнь! Перечислил изобретения, о которых я и сам уже начал забывать, несколько раз, между делом, назвал гением, посетовал на засилье машин, на недальновидность государства, не ценящего такие кадры, а затем ненавязчиво соскользнул на тему корпорации, открывающихся перспектив, спросил, как я отношусь к идее колонизации иных миров, дальним межзвездным перелетам, и вдруг без причины заторопился, собрался уходить, но попросил подумать, – в общем, оставил меня в состоянии полной растерянности, шока. Я сутки не спал. Мне казалось, что мир перевернулся, что я вытащил счастливый билет в абсолютно безнадежной лотерее, но ни на следующий день, ни через неделю ко мне больше никто не пришел! Понимаешь?!

– Нет, – честно ответил Егор.

– Русанов – отличный психолог. Для него люди, как глина. На себе испытал. Через месяц, окончательно измученный, я начал понемногу втягиваться в прежний уклад жизни, как вдруг опять, словно гром среди ясного неба – электронное письмо с приглашением прийти на собеседование в ближайшее представительство корпорации. Снова ночь не спал. Места себе не находил. Хотел даже отказаться, думал, это чья-то злая шутка. Но к утру не выдержал, засобирался.

– Тяжело было попасть в проект «Прометей»?

– Нет. Все решалось заранее. Человеку с улицы попасть в ряды сотрудников корпорации вообще нереально. Если кого-то приглашают, то со вполне определенными планами. Но это уже закулисье. Сначала дают глотнуть чистого воздуха, почувствовать себя личностью – идет проверка, тщательная, дотошная. Пять лет я провел на Земле. Затем – Эрида, карликовая планета на окраине Солнечной системы. Маленькие шаги вперед, постоянная борьба – Русанов поощрял правила естественного отбора среди сотрудников. Нас распределяли по научным и техническим группам, постепенно формируя небольшие анклавы внутри корпорации. Спроси любого, истории у всех схожие. Разнятся лишь методы воздействия. Кто-то попал в тепличные условия, кто-то

работал ровно, без мечты, но за деньги. Третьим приходилось драться, постоянно доказывая свое право на место в проекте.

– Ты понимал, что вами манипулируют, и не ушел?!

– Куда, Егор? Назад в кварткапсулу? К прозябанию? Не-ет! Капкан захлопнулся. «Прометей» стал делом жизни!

– Значит, единство корпорации – вздор?

– Да нет ее больше, Егор, пойми ты, наконец! Она осталась там, в сотнях световых лет отсюда!

– Почему же вы не дали Андрею Игоревичу восстановить ее?!

– Нечего было восстанавливать! – отрезал Роман Степанович. Похоже, он выговорился, выплеснул скопившиеся эмоции, замолчал.

Бестужева охватила досада. Он не воспринимал Русанова как идола! Андрей Игоревич говорил и делал понятные, правильные вещи! Он стоял на стороне людей, а эти, – он снова ощутил острую неприязнь к Малехову, – всячески мешали, кричали о какой-то свободе, порывались наладить отношения с эшрангами и хонди, от которых Егор видел лишь зло!

Думы Малехова текли в ином направлении. Воспоминания разбередили душу. Мысли о прошлом тесно переплетались с сегодняшним, прямо сказать, отчаянным положением дел. Почему мы оказались бессильны? Ведь Бестужев во многом прав! Взять хотя бы Эриду – планету с низкой гравитацией, скованную метановым льдом. Мы выстроили там город! Выжили! Переоснастили старый космический корабль, превратили его в мощный колониальный транспорт!

В чем была наша сила? В стремлении пройти путь от прозябания к свободе? Отчасти – он редко спорил сам с собой, но если внутренний голос просыпался, ставил вопросы, то Малехов отвечал на них.

Техносфера. Сумма знаний и технологий. Новая среда обитания, мир машин, способный создать приемлемые для человека условия жизни. Даже по самым грубым подсчетам, на той же Эриде денно и нощно трудились десятки тысяч сервов, ими управляли независимые кибернетические системы, не требующие постоянного внимания со стороны людей.

А что мы имеем сейчас? Подтопленный уровень старого колониального убежища, который превратился в воздушную линзу. Шлюзовые ворота еще сдерживают напор воды, но мы отрезаны от поверхности. У нас нет сервов. Нет энергии, компьютеров, остались лишь импланты, несколько персональных нанокомпов и детали разобранной планетарной машины. Люди обессилели от голода и лишений. Но даже если найдем способ вырваться из ловушки, выберемся на поверхность, это ничего не изменит. Наверху – библейский потоп. Нет укрытий. Даже костер развести не из чего. Тупик. Абсолютный тупик. Сегодняшняя находка тоже ничего не проясняет, не добавляет шансов, разве что заработает молекулярный синтезатор, сможем хоть как-то накормить людей…

– Почему вы не поддержали Русанова? – вопрос Бестужева разорвал круг тяжелых мыслей, вызвал раздражение.

– Он попусту начал тратить и без того скудные ресурсы, – нехотя ответил Роман Степанович. – Совершал ошибку за ошибкой.

– Поясни!

Малехов, кряхтя, выпрямился. Спина затекла. Ноги застыли в холодной воде.

– Зачем он пробудил весь состав научных групп? – Роман Степанович не стал дожидаться возражений со стороны Егора, продолжил: – Почему он не воспользовался резервом планетарной техники из грузовых отсеков криогенных модулей, не подготовил для людей элементарные условия? Он даже не задумался, где разместить, как накормить пятьсот человек!

– Но вы отказались ему помочь!

– После полувека криогенного сна даже ходить трудно! – грубо ответил Роман Степанович. – Уж ему ли не знать?

– Русанов пришел в себя достаточно быстро. Уже через сутки после пробуждения он был на ногах. Может, криокапсула найденного нами спасательного сегмента отличается по конструкции?

– Нет, все криокамеры одинаковы. Он раздавить нас хотел! Поставить в невыносимые условия. Так легче управлять людьми. Русанов действовал в своем стиле. Голодный, изможденный человек не станет

задаваться лишними вопросами, он жить хочет, кушать, ему крыша нужна над головой, да и сил для бунта нет.

– А мы?

– А вам он сказал именно то, что вы, ребята, хотели услышать. Уж извини за прямоту. Понимаю, горя хлебнули, родителей потеряли, вот он и вывел формулу лозунга, понятного пандорианцам – «Смерть чужим»! Каково звучит, а? Бред, но вы-то его подхватили!

– Не понимаю, зачем он так поступил? – Егор с трудом понимал логику Малехова.

– Власть хотел сохранить. Пока люди слабы, выяснить, кто и о чем думает! У него не осталось прежних рычагов давления. Реальность Пандоры слишком резко отличается от прогнозов. Никто не ожидал встретить тут кладбища космической техники на орбите, планету, покрытую ледниками, анклавы иных существ, обломки их кораблей, вмерзшие в лед! Русанов уверенно обещал нам свободный, пригодный для колонизации мир. А что вышло? На Эриде он постоянно спрашивал: что ты готов сделать ради свободы, ради нового мира? Интересно, как бы он теперь перефразировал вопрос? Что мы готовы совершить, на какие жертвы пойти ради куска пищевого концентрата?

– Ради выживания, – поправил Егор.

– Называй, как хочешь, – махнул рукой Роман Степанович. – Смысл тот же. Людей пробуждать следовало небольшими группами, весь резерв техники бросить на разведку и добычу полезных ископаемых, организацию первичных производств! Машины должны создавать себе подобные механизмы, только так можно быстро восполнить утраченный парк планетарной техники! А Русанов вместо этого пробудил всех! Зачем?!

– Ты рисуешь Андрея Игоревича полным уродом, дегенератом! А он таким не был! Возможно, нам не понять его замыслов?

– Слушай, Егор, может, хватит? Надоело уже!

– Да, оставайся при своем мнении, – Бестужев махнул рукой. – Но я уверен, Русанов нашел бы выход!

– Упрямый ты.

– Он заботился о людях! По-своему, но заботился! Хотел сохранить власть? Пусть так. Но при нем не умерло ни одного человека!

Их спор, готовый разгореться с новой силой, нарушил отдаленный стрекот.

Под сводом тоннеля вдруг брызнул сноп искр, затем мигнул и включился осветительный сегмент потолка.

– Дима запустил генератор! – Малехов немного приободрился. На миг вернулась надежда, промелькнула мысль: может, выстоим? Нам бы продержаться, пока наверху не закончатся дожди, не схлынет вода! – Ты куда? – он заметил, что Егор направляется к дверям лаборатории.

– Хочу все внимательно осмотреть.

– Значит, не услышал меня? По-прежнему веришь в мифический план Русанова?! – со злой ухмылкой спросил Малехов.

– Роман Степанович, ты жить хочешь? – Бестужев остановился. – Просто ответь, да или нет?

Глупый вопрос.

Жить он хотел. Каждой клеточкой, каждым нервом. Страх перед неотвратимо близящейся смертью уже начисто обглодал душу, сожрал тонкую плоть моральных ценностей, так называемой цивилизованности, и теперь принялся за костяк, с хрустом перегрызая тот стержень, что принято называть волей.

Больше всего Малехов боялся долгой и мучительной агонии. Он знал, что не сможет покончить с собой. Уже пытался. Он имел доступ в оружейный отсек. После гибели Русанова, охваченный черной, бездонной тоской, пришел туда, схватил первый попавшийся под руку автомат, сунул ствол себе в рот, потянулся пальцем к сенсорной гашетке и…

Его жег стыд. Он не смог выстрелить, только обслюнявил электромагнитный компенсатор «Шторма», а потом долго, бессильно сидел у стены, давясь слезами.

– Хочу… – выдавил он, отгоняя неприятные воспоминания.

– Тогда просто помоги разобраться! – попросил Егор, отпирая дверь.

Глава 3

Дальний космос потребует от первопроходцев не просто мужества и профессионализма, он уведет нас за грань любых, самых смелых гипотез, заставит искать способы выживания, находящиеся за чертой естественной адаптивности человеческой психики…

Андрей Игоревич Русанов.

Проект «Прометей»

Колониальное убежище. Биологическая лаборатория…

Несмотря на включившуюся систему вентиляции, в отсеке по-прежнему воняло.

Многие не замеченные в темноте детали обстановки теперь бросались в глаза. Вдоль стен выстроились блоки кибернетических систем. Просторное помещение делилось на три рабочих зоны. Биореконструктивные камеры располагались по центру, в дальней части Егор увидел стенд – такие обычно применялись при сборке и тестировании сервомеханизмов.

«Из мастерской», – промелькнула мысль. Для пандорианца он неплохо разбирался в робототехнике, умел водить планетарные машины, ремонтировать аграрные механизмы, если поломка не затрагивала сложные кибернетические цепи.

Ближе к входу у стены возвышались фрагменты хондийского корабля. Часть переборки с живым шлюзом, образованным двумя мембранами, пара совершенно незнакомых постов управления – коричневато-серые выросты, усеянные отверстиями, по форме и расположению соответствующие конечностям хонди.

В средней части лаборатории три обособленных терминала компьютерной сети окружали высокие прозрачные шкафы из пластика. На полках в емкостях, до половины заполненных желтоватой жидкостью, плавали непонятные детали устройств, сочетающих живую ткань и кибернетические компоненты.

Роман Степанович замер, вытянул шею.

– Здесь работали как минимум четыре специалиста. Кроме Метелина, – выдавил он.

– Кибернетика, экзобиология, биокибернетика, инженерия? – вопросительно уточнил Егор.

– Верно. Кандидатов – хоть отбавляй.

На пороге появился Щедрин. Разбрызгивая воду, он подошел к ближайшему компьютерному терминалу, что-то проверил, коснулся сочетания сенсоров, сокрушенно покачал головой:

– Не работает. Хорошо, если накопители информации уцелели.

– Что генератор? В каком он состоянии?

– Установка мощная. Собирал ее очень хороший специалист. Получше нас, вместе взятых, не в обиду будет сказано. Выжал из водородного двигателя все, даже я бы так не сумел!

– Дробышев? – предположил Роман Степанович.

– Больше некому, – кивнул Щедрин, морщась от неприятного запаха. – Сходить, поискать его?

– Останься, – попросил Бестужев. – Сейчас Родион Метелина приведет, у него все узнаем.

Малехов лишь сумрачно усмехнулся. Свое мнение он уже высказал.

– А ты, Роман Степанович, к какой категории относился?

– Не понял? – он уставился на Бестужева.

– Ну, по негласному корпоративному делению. Не в смысле иерархии. Тепличных условий для тебя не создавали?

– Нет, – буркнул Малехов. – Мы с Димой русановского «естественного отбора» хлебнули по полной программе.

– Кстати, заметно. А много таких, как вы?

– Да уж хватает. Считай половина из выживших. А что?

– Интересно стало, – ушел от прямого ответа Егор.

– Ты только понятия не путай, – усмехнулся Роман Степанович. – Мы же не кулаками махали. Отбор подразумевал интеллектуальные схватки, и в основном, кстати, заочные. Никто лицом к лицу конкурентов не ставил. Выводы делались по эффективности работы создаваемых нами устройств.

Егор подошел к камере с гибридным кибернетическим организмом. Теперь при сносном освещении стали видны некоторые особенности «проекта». Анатомию хонди Бестужев не изучал, но опыт схваток с ними из памяти не вычеркнешь. Нервные ткани и железы внешней секреции он узнал безошибочно, по цвету волокон и строению.

– Зачем соединять искусственную нейросеть андроида с нервной системой хонди?

– Понятия не имею, – Щедрин даже не обернулся, он вскрывал терминал в надежде добраться до накопителей информации.

В коридоре раздался шум, чей-то вскрик, затем в открытый дверной проем кубарем вкатился низкорослый человек. Он плюхнулся в воду, тут же вскочил, озираясь, размазывая кровь по обвисшим, словно у бульдога, щекам.

До погружения в криогенный сон Метелин явно страдал избыточным весом. Об этом ясно свидетельствовали дряблые складки кожи на лице, шее, руках.

Вслед за ним в лабораторию вошел Бутов, массируя разбитые костяшки пальцев на правой руке.

– Не хотел идти, – скупо сообщил он.

Метелин затравленно осмотрелся. Помещение лаборатории он узнал – поверх смертельной бледности на его лице вдруг выступил нездоровый румянец.

– Вадим Федорович? Вы тут работали? – Бестужев ударом ноги отправил к нему вращающееся кресло. – Присаживайтесь, есть разговор.

Метелин мгновенно напрягся. Обстановка ему явно не понравилась.

– Я ничего не скажу! – Он уселся, попытался изобразить полное безразличие, но мелкая дрожь пальцев выдавала его с головой.

Боится – Егор почувствовал страх Метелина так же остро, как запах хондийского токсина.

– Думаю, всякая секретность потеряла смысл, – произнес Малехов. – Тебе, Вадим Федорович, лучше все рассказать как на духу. Ты тут работал по личному поручению Русанова?

– Допустим.

– В чем суть экспериментов? – Роман Степанович решил взять инициативу на себя, но Метелин лишь презрительно окинул его взглядом.

– Я ничего не скажу!

– А если так? – Родион коротко заехал ему в челюсть. От удара стул опрокинулся. – Речь идет о нашем выживании, понял?! – Бутов схватил Метелина за ворот одежды, рывком приподнял, поставил на ноги, выдохнул в лицо: – Уговаривать не буду! Егор, – он обернулся, – кресло! Вот так, – он усадил Метелина, аккуратно поправил ворот его куртки, стряхнул капли воды. – Кто с тобой работал, какие эксперименты тут проводили? Их цель?

Метелин на первый взгляд показался крепким орешком. Несмотря на бледность и явный страх перед физической болью, он молчал, страшась чего-то более существенного, чем возможные побои.

– У вас нет права меня судить! – неожиданно выкрикнул он.

– Судить? А есть за что? – Бутов привык действовать решительно, никаких комплексов по поводу применения силы не испытывал. – Ладно, – он резко крутанул кресло, развернул Метелина лицом к полуразложившемуся объекту исследований.

– Я изучал хондийский язык! – не выдержав, заверещал тот.

– Врешь, – спокойно произнес Родион. – Мы когда-то торговали с хонди. И неплохо понимали друг друга. Я пандорианец, не заметил?!

Нервы у Метелина сдали.

– Мне нужны… – он судорожно сглотнул, – гарантии. И привилегии! – тут же вороватой скороговоркой добавил он. – Лучшие условия, чем у других. Я требую!..

– Привилегии?! – Малехов, молча наблюдавший за развитием событий, не выдержал, побагровел. – Ты, Вадим Федорович, ничего не попутал? Привилегии за что? Вот за это? – Он окончательно сорвался, схватил Метелина, резко его приподнял, ткнул лицом в останки разумного хонди. – За бесчеловечность? За опыты над разумными существами?!

Егор и Родион переглянулись. Такая трактовка никогда не пришла бы им в голову, но воздействие оказалось сокрушительным, достигло цели!

– Я виноват! Я понимаю!.. – Вадим Федорович вдруг вывернулся, обхватил колени Малехова. – Я не хотел! Не хотел!.. Русанов меня заставил!.. Боже мой… Вы же знаете, он мог!

Малехов попытался вырваться, разорвать кольцо дрожащих, цепких рук, но Метелин не отпускал, выл:

– Я не хотел!.. Не убивайте меня!.. Я не хотел!..

Родион влепил ему пощечину, затем присел на корточки, поймал полубезумный взгляд, тихо сказал:

– Замолчи. Никто тебя не тронет. Ну? Давай. Успокойся. Расскажи нам, в чем суть эксперимента? Почему тела соединены с кибернетическими блоками? Вот, хорошо, – он разговаривал с ним, как с ребенком, вытирал слезы, медленно приводил в чувство. – Зачем тут фрагменты хондийских кораблей? Только не вздумай снова врать. Каждый пандорианец знает универсальный язык. Мы успешно общались с хонди. Ты меня понял?!

Метелин часто закивал.

– Коммуникация, – хрипло выдавил он. – Их коммуникация основана на феромонах! Это такие летучие соединения, хемосигналы, управляющие многими процессами…[4]

– Знаем, можешь пропустить, – прервал его Егор. – Разные запахи. В чем суть?

– Русанов поручил мне выяснить, каким образом устроены их железы! Еще его интересовало, какой именно процесс нервной деятельности продуцирует феромоны – осознанное мысленное усилие или рефлекс?

– Выяснил?

– Да! Еще на Земле я изучал насекомых, а первые опыты проводил в лабораториях Эриды. Над образцами нашей фауны, разумеется. Со мной работал Нарушев, из отдела кибернетических технологий. У нас уже имелся некоторый опыт, и дела здесь пошли довольно быстро!

– По существу. Без пространных пояснений! – потребовал Родион.

– Мы использовали адаптер, созданный еще на Эриде. Я вырастил хондийский нерв, Нарушев модернизировал устройство, дополнил его искусственной нейросетью и программами модуляции хондийских нейронных импульсов. В целом адаптер получился совместимым

с нашими имплантами… Искусственная нейросеть обучалась распознаванию человеческих мысленных образов и преобразовала их в импульсы, передаваемые на хондийский нерв. Тот в свою очередь воздействовал на железы, побуждая их выделять определенный феромон!

– Вы разрабатывали оружие подчинения?! – похолодев, уточнил Малехов.

– Нет. Цель была другой. Русанов хотел знать, можно ли после усовершенствования наших имплантов читать маркеры пути, ориентироваться на борту хондийских кораблей, а в перспективе – управлять ими.

– Чего реально удалось достичь? – заинтересовался Родион.

– Многого! – Метелина вновь охватило лихорадочное возбуждение. – Здесь, в лаборатории, есть фрагмент переборки с мембранной дверью и приборные панели с их корабля, – он оглянулся, заметил, что все перечисленное на месте. – Мы научились открывать и закрывать живую перегородку, считывать и даже менять маршрутные маркеры, расшифровали, а затем симулировали некоторые простейшие команды, поняли, что без хондийского нерва невозможно перехватить контроль над сложными функциями, например, пилотировать корабль!

– Значит, исследование зашло в тупик?

– Нет. Но его развитие… поймите, есть черта… – он явно лукавил, но никто уже не обращал внимания на попытки Метелина вывернуться из неприятной ситуации. – Я говорил Русанову, но он не слушал, хотел найти добровольца для имплантации нерва, но потом изменил решение, велел экспериментировать на андроиде.

– Почему свернули эксперимент?

– Мы работали постоянно! В изоляции. Даже не знали, что происходит вокруг, пока этот сектор не начало подтапливать. Компьютерная сеть рухнула, генератор заглох, терминалы повредило водой. Мы попытались отыскать Русанова, но он исчез.

– Кто еще входил в вашу группу?

– Нарушев и Шульгин!

– Имплантация нерва, управление хондийской техникой – это вообще возможно? – тихо спросил Бестужев.

– Вполне, – снова закивал Метелин.

– А как же чуждая семантика? – с сомнением спросил Малехов.

– Не такая она и чуждая, раз существует универсальный язык межрасового общения, – ответил Метелин.

– Короче, феромоны – ключ? – Родиона интересовала только практическая сторона вопроса. – Код доступа к мнемоническому интерфейсу?

– Да! Но мы не можем им воспользоваться. Интерфейс совершенно не изучен. В процессе управления передаются и считываются запахи, нервные импульсы. Их сочетания очень сложны.

– Должно существовать решение! Почему здесь три особи? Иерархия? Выяснили, кто на самом деле управляет системами, разумный хонди, рабочий или боец?

– Мы не успели. Но мне кажется, иерархия играет важную роль! Когда в лабораторию доставили фрагмент переборки, то с выростом, похожим на пульт, был соединен хондийский рабочий! Он буквально сросся с постом управления!

– А генетический материал для нерва брали от разумной особи?

Метелин кивнул.

– Значит, разумный хонди в процессе управления отдает рабочему простую, односложную команду? – Родион размышлял вслух. – Иначе такая система потеряет эффективность, например, при пилотировании или в бою!

– Вопрос: насколько простую?

– Односложную! – повторил Родион. – Лети в таком-то направлении. Включи или выключи. Стреляй. Что-то типа этого.

– А рабочий такой умный, да? Управляет сложными системами?!

– Он – нейрокомпьютер. Не больше и не меньше. Биологическая подсистема, узкоспециализированная, заранее обученная эффективно работать с определенным оборудованием!

– В этом есть смысл, – подумав, подтвердил Метелин. – Например, тем же шлюзом управляет фрагмент нервной ткани, реагирующий на

определенный запах.

– Значит, в теории, мы можем захватить их корабль?! – спросил Бестужев.

– Только в теории, – нахохлился Метелин. Страх отпустил. Он видел заинтересованность окружающих и уже перестал опасаться за свою жизнь. – Эксперименты с андроидом, на основе которого мы постепенно создавали киборга, прерваны. Все созданные материалы безнадежно испорчены.

– Но информация уцелела, – Щедрин, разбиравший терминал кибернетической системы, показал горсть микрочипов. – Все тут, верно?

– Данные исследований? Матрицы для клонирования? Да. Но не понимаю...

– Тебе пока незачем понимать, – грубо оборвал его Бутов. – Роман Степанович. На пару слов. Надо поговорить.

* * *

Они вышли в коридор.

– Ну? Что вам?

– Лабораторию придется восстановить. Группу Метелина собрать в прежнем составе, – угрюмо и категорично потребовал Бестужев.

– Ты с ума сошел? – Малехов хотел уйти, но Бутов встал на пути.

– Я не сошел с ума! – Егор не собирался отступать. Одним из качеств, позволившим пандорианцам выжить, была решимость всегда и во всем идти до конца. Не терзаться сомнениями, если видишь шанс победить, выжить. – Эксперимент нужно продолжить! – Бестужев сейчас внушал Роману Степановичу невольный ужас своей мрачной непреклонностью. – С андроидом у нас теперь явно ничего не получится. Значит, придется Метелину работать с человеком! Добровольцем... – уже тише добавил он.

– И не заикайся даже! Не позволю! Ишь, придумал!

– Доброволец я, – тихо, но напряженно произнес Егор.

– Нет, ты просто не понимаешь, о чем говоришь!

– Понимаю! Хватит уже! И ты все понимаешь! Русанова с нами нет, решения теперь принимать нам! Будем сомневаться, спорить, и через неделю люди начнут умирать от голода! Здесь нечего обсуждать! Теперь план Русанова более или менее понятен!

– Что?!

– Он планировал захватить хондийский корабль! За этим отправлял МаРЗы на разведку!

– Мы не сможем!

– Хотя бы попробуем!

– Люди на ногах не стоят!

– Ничего. Имплантация нерва потребует времени. Успеешь подготовить ударную группу?

– Люди слабы!

– На пару дней включим второй генератор в общую сеть, дадим отработать молекулярному синтезатору! – произнес Родион.

– У нас все равно нет биомассы! – Малехов цеплялся за малейшие отговорки, лишь бы не принимать жуткого, с его точки зрения, решения.

– Есть. В биолаборатории полно останков!

– Егор, я не хочу с тобой говорить! Уйди с дороги!

Бестужев не шевельнулся.

– Здесь не Земля, Роман Степанович. Пандора. И мы все на волосок от смерти! Пойми, кому-то эти решения придется принимать! Ты готов превратить убежище в братскую могилу?!

– Даже если я соглашусь, люди не притронутся к синтезированной пище! К такой пище! – добавил он.

– Мы им не скажем.

– Егор, ты не соображаешь, что несешь!

– Он соображает! – выкрикнул Бутов. – Скажу тебе прямо, кроме землян, тут и пандорианцы! Младшие! – Его голос внезапно дрогнул. – Мы не дадим им умереть! Так что решай, либо сам несешь этот груз, либо…

– Пристрелишь меня?

– Если придется.

– Да вы оба не в своем уме! – Роман Степанович прислонился к стене. – Это… – он запнулся, – бесчеловечно!

– А у тебя есть «человечный» вариант?! – в лицо ему выкрикнул Егор. – Кем ты себя назовешь, когда дети начнут умирать от голода?

Малехов обхватил голову руками, тихо взвыл.

Черта практически стерта. Мы перестаем быть людьми… Или пищевой концентрат, похожий на кусок ржаного хлеба, синтезированный на молекулярном уровне, полностью обезличен?

Да какая разница? Главное – молчать. Знать, молчать, выть, но беззвучно!

– Русанов бы спросил: на что мы пойдем ради выживания? Твои же слова!

– Я не смогу с этим жить!

– Сможешь. Возглавишь колонию! У нас нет ни времени, ни выбора! Научись принимать решения!

– А что дальше, ребята?! – Малехов вскинул взгляд. – Синтезируем, раздадим «хлеб». Ну, хорошо, протянем еще две-три недели! А потом начнем убивать слабейших? Или ждать, как стервятники, пока кто-то умрет, чтобы запихнуть его тело в синтезатор? И опять жить?

– Ты угомонись! Хонди для нас – чужие. А синтезатору действительно без разницы, на какой биомассе работать! Сегодня прибегнем к крайней мере! Один раз! За пару недель Метелин вырастит нерв, подготовит имплантацию. – Егор с силой сжал плечо Малехова, наклонился, шепнул ему на ухо: – Когда вулканический пепел уничтожил урожай, наши родители получали биомассу от хонди. Это было еще до набега мутантов, уничтоживших их поселения. Что в этой массе – без понятия, я маленький был, но синтезатор работал на ней безотказно. Мы выживем. Все. Больше никто не умрет, по крайней мере, от голода!

– Егор, ты бредишь? Нам на поверхность-то не выбраться, а ты говоришь о торговле с хонди! Где ты найдешь хоть одно их поселение?!

– Мне имплантируют нерв! – яростно повторил Бестужев. – В затопленной части бункера остались три планетарные машины. Мы с Родькой до них доберемся!

– Под водой?

– Да! – резко ответил Егор. – Это уже не твоя забота! – добавил он. – Если не вернемся, тогда уж поступай, как хочешь!

Роман Степанович молчал. Казалось, он постарел лет на десять за пару минут разговора.

* * *

Колониальное убежище. Сектор биолабораторий. Две недели спустя…

– Как прошло? – Бестужев открыл глаза.

Метелин и Шульгин бросили дела, обернулись.

– Он пришел в сознание, – шепоток Егору не понравился.

Он попытался привстать, почувствовал, что зафиксирован ремнями, рванулся, но без толку.

Запахи.

Они обрели объем и форму! Взгляд обежал знакомое помещение. Нет, зрение тут ни при чем!

Скулы моментально свело. Удушливый, острый, режущий обоняние запах человеческого тела нес яркий букет выделяемых с потом веществ.

Страх.

Возбуждение.

Неприязнь.

Надежда.

Запахи концентрировались двумя облаками, движение воздуха, создаваемое системой вентиляции, вытягивало их шлейфами.

С закрытыми глазами, без участия зрения, Егор мог с точностью определить, где именно сейчас находятся люди, почувствовать всплеск эмоционального напряжения, вызванный его фразой.

Сложнейшие процессы протекали в нервной системе Бестужева. Имплантированный хондийский нерв, кибернетический расширитель сознания, метаболический корректор, нейросетевой адаптер, распознающий мысленные образы, и, наконец, обонятельные рецепторы сейчас, в эти секунды, стремительно налаживали взаимодействие, образовывали новые связи, мозг обрабатывал данные на уровне

подсознания, объединял разрозненные элементы в рамках новой, несвойственной для человека сенсорики восприятия.

Обмен данными протекал стремительно и не поддавался осмысленному контролю. В сознание Егора поступали лишь конечные результаты. На миг промелькнула мысль: я ощущаю и идентифицирую мгновенные метаболические реакции, вернее, их остаточные продукты, успевшие выделиться с потом…

Рассудок тонул в новых ощущениях. Удушливый букет запахов, частично распознанный, эмоционально окрашенный, полоснул острым чувством опасности. Они меня боятся!

Хондийский нерв будто взбесился.

Хомо… Два хомо приближались к нему с разных сторон! Они истекали страхом и ненавистью!

Открыть глаза!

Тусклый свет. Участливое, заботливое выражение лиц. Немного оторопи, опаски. Это и понятно…

Нет! – чуждое мироощущение пробуждало совершенно иные эмоции.

Защищайся! Убей! Парализуй! Вырвись!

Хрустнули суставы. Егор, не контролируя себя, вывернул запястья, но даже не почувствовал боли, хондийские железы, сформированные на ладонях, вдруг запульсировали: два плевка токсичного вещества ударили точно по глазам людей.

– Силен, однако! – Метелин взял тампон, аккуратно стер пятнышко токсина с мягкой, прозрачной защитной маски. – Он себе запястья вывихнул! Саша, почему метаболический корректор не сгладил шоковую реакцию?!

– Программное обеспечение работает нормально, – ответил Шульгин. – Нерв сейчас успокоится!

– Егор, ты меня слышишь? – Метелин склонился над ним.

«Если б не сковывающие движения ремни…» – мучительно подумал Бестужев.

– Смотри на меня! Узнаешь?! Дави чужое мироощущение! Бери его под контроль! Егор, вспомни, ради чего ты пошел на риск имплантации!

Запах.

Тело билось в конвульсиях.

Все человеческое гасло.

Запах.

Тонкий, знакомый, едва уловимый…

Как он проник сюда? Бестужев закрыл глаза. Едва различимая паутинка струилась в воздухе.

Еще один хомо… Далеко. Во тьме. В холоде.

Их слишком много. Ты не справишься. Убьешь лишь нескольких.

Дрожащие, искаженные черты. Сознание потянулось за ниточкой ускользающего запаха, конвульсии прекратились, хондийский нерв внезапно притих, на свободу вырвались мысли, принадлежащие Егору Бестужеву.

Холод. Серый лед, впитавший осадки вулканического пепла. Купол защитного поля. Отроги скал, торчащие, будто клыки, на входе в ледовое ущелье.

Родька и Пашка ушли вперед, а он сбавил шаг, оглянулся.

Одинокая, хрупкая фигурка замерла на краю обрыва. Он не различал черт лица, слишком велико расстояние, но знал, кто провожает их теплым, тревожным взглядом.

Настя.

Она из младших. Ей тогда было всего семнадцать. Они редко встречались, почти никогда не разговаривали, но Настя всегда знала, когда трое ребят уйдут во льды, выполнять очередное смертельно опасное поручение эшранга.

Она приходила на край плато и провожала их, но Егору казалось, что теплый взгляд предназначен только ему.

Паутинка запаха почти исчезла, но образ исхудавшей, повзрослевшей девушки на секунду окреп.

– Настя… – едва слышный шепот сорвался с потрескавшихся губ.

– Он успокоился! – удивился Шульгин. – Практически подавил обратную связь с нервом!

– Отлично. Такого быстрого результата я не ожидал! Силен, однако! – повторил Метелин. – Свяжись с Родионом Бутовым. Узнай, есть ли среди пандорианцев девушка по имени Настя?

– Зачем?

– Он только что выдохнул ее имя. Едва слышно.

– Бредит, наверное. Такое эмоциональное напряжение…

– Делай, что сказано! – Метелин повысил голос. – Бредит или нет – разберемся. Нам нужно быстро поставить Егора на ноги, он должен обуздать хондийский нерв! Тут любые стимулы хороши!

Сознание искажалось, выкидывало жуткие ассоциации.

Нерв снова звенел от напряжения. Задавленные, нерастраченные чувства полыхнули, чуждые рефлексы гипертрофировали их, усилили до степени помешательства, абсурда.

Образ исказился. Черты Насти таяли, вместо губ проступила жвала, глаза выпучились, приняли миндалевидную форму, узкий, вытянутый, ребристый лоб, покрытый бурыми крапинками, источал острый повелевающий запах, кожа ее щек отвердела, превратилась в хитин, наискось перечеркнутый влажными пульсирующими дыхательными прорезями.

Тонко, тревожно, настойчиво заверещали несколько сигналов.

– Постой! Сработал газоанализатор!

– Нерв снова активен!

– Записывай! У нас получилось! Смотри, его железы выделяют летучие соединения. Вот! Вот пошла расшифровка их формул!

– У меня повышенная активность искусственной нейросети! Буфер между хондийским нервом и мозгом Бестужева перегружен!

– Снимай показания! Нужна запись всех импульсов!

– Есть идентификация по базе данных! Маркер размножения! Маркер защиты! Маркер безусловного приоритета в питании! Откуда они взялись?!

– Хондийский нерв! Он воспринимает образ из сознания Бестужева!

– Ну и что? Почему железы заработали?

– Саша, да он действительно бредит! Маркирует мифический образ! Присваивает ему феромоны, модификаторы поведения!

– Не понимаю!

– Он видит несуществующий образ, что тут непонятного?! Маркирует его запахом, чтобы придать достоверность!

– Бестужев сам будет выполнять эти команды?

– Наверное, попытается!

– Надо прервать процесс! Дать успокоительное!

– Нет! Записывай показания! Образ очень сильный! Хемосигналы мощные, безусловные! Если Егор не справится сам – останется рабом запахов, понимаешь? Потеряется в собственном бреду! Продолжит выделять феромоны и сам же будет считывать их, исполнять приказы!

Бестужев рванулся. Ремни едва выдержали.

Глаза Егора выкатились из орбит. Напряженные мышцы дрожали. Оскал изуродовал лицо. Сквозь плотно сжатые зубы вырывались звуки, похожие на скрежет жвал насекомого.

Образ перед глазами требовал действовать. Убить хомо! Освободить ее!

Липкие капли выступили на узком хитиновом лбу. Хрустнули суставы. Чуждые инстинкты в клочья рвали человеческое сознание.

– Ты отправил запрос?

– Нет!

– Свяжись с Бутовым! Срочно! Если он вырвется нам несдобровать!

– Он раньше прикончит себя! Надо действовать медикаментозно!

– Заткнись!

Щелкнул переключатель.

– Родион, бегом в лабораторию! Да, проблемы! Он очнулся! Среди пандорианцев есть девушка по имени Настя? Да?! Хватай ее, и сюда! Оружие не забудь! Он совершенно озверел!

Егор уже ничего не воспринимал. Сознание погрузилось в сумерки, телом управляли рефлексы. Железы истекали токсином.

– Блокировать лабораторию! Автономная вентиляция!

– Вадим, ты садист! – Шульгин невольно попятился. – Он же переломает себе кости, разорвет связки!

– Ему имплантирован метаболический корректор!

– Да не справляется он! Не видишь?!

– Корректору нужен импульс! Команда рассудка!

– Мы же дублировали наборы команд, запрограммировали их!

– Расширитель сознания не может нормально ими оперировать! Единственный шанс – Егор сам обуздает нерв!

– Он не справится!

– Посмотрим!

– Пока ты смотришь, он умрет!

Огромные, миндалевидные фасетчатые глаза.

Ласковое и требовательное прикосновение жвал. Сигнал к размножению.

Отвращение пронзило его, словно удар током.

Тонкие гибкие усики осязали Егора. Он не мог противиться их сладкому, манящему прикосновению.

Он почти сдался. Реальность окончательно потонула в сумеречных полутонах. Влажное тепло омывало тело.

Удар.

Звон.

ЗАПАХ.

Отдаленно-знакомый голос:

– Метелин, прочь!

Запах друга. Образ. Ледяной тоннель. Трещины по своду. Орда тварей, несущаяся по пятам. Тяжелое дыхание Родьки. Его плечо. Отрывистый, звонкий лай автоматных очередей. Горячие гильзы, мгновенно втаивающие в лед.

– Егор, очнись! Ты человек! Слышишь! ТЫ ЧЕЛОВЕК!

Убить хомо!

Мучительная радость. Резкий взмах средней конечности, усеянной острыми хитиновыми наростами, рассечет его горло, выпустит запах крови.

Друг.

Самка.

Любовь.

Одинокая фигура на краю обрыва.

Чужой образ вдруг исказился. Миндалевидные глаза стали уменьшаться в размерах, в них появились зрачки – расширенные, испуганные, бездонные.

И снова запах. Теплый, не несущий хемосигналов, – запах человека.

Боль пронзила. Она нашла приют в каждой клеточке измученного тела.

Нерв пылал.

Разорванная реальность приобрела вид мозаики. Некоторые ее фрагменты начали складываться, подходить друг к другу.

– Корректор заработал! Он гасит активность нерва!

«Я человек…» – мысль промелькнула бессильная, опустошенная.

– Железы прекратили выделять токсин! Концентрация феромонов тоже падает!

– Искусственная нейросеть отсекает сознание от хондийского нерва! Она обучилась! Сейчас сигналы проходят только в одном направлении – от мозга Бестужева к нерву!

– Появилось еще одно химическое соединение! Анализирую! Аналогов в базе данных нет!

– Записал?

– Да! Вещество синтезировано по команде человеческого рассудка! Это точно!

– Реакция?

– Нерв засыпает! Егор подавил его!

– Невероятно!

Губы шевельнулись. Сиплый шепот не расслышал никто, но чуткие микрофоны уловили звуки речи, очистили их от помех и искажений, усилили голос:

– Запах примирения… Я помню его… Мы как-то столкнулись с хонди… В детстве… на леднике… Он так пах…

– Егор, ты меня видишь? Слышишь?

Смутное пятно появилось в поле зрения. Медленно проступили черты.

– Родька…

– Узнал! Молодец!.. Так, все вон из лаборатории! Мы с Настей остаемся!

– Ему нужна помощь! Медицинская помощь! Немедленно!

– Метелин, я сказал – вон!

Хлопнула дверь. Прошипела пневматика.

Дикая боль полыхала в запястьях. Хруст. Давление ремней ослабело. Пальцы покалывало, к ним медленно возвращалась чувствительность.

Мягкое прикосновение.

– Егор, я вправил вывихи. Ты как?

– Лучше.

Одинокая фигурка приблизилась, обрела узнаваемые черты.

Она сидела рядом, бледная, растерянная, напряженная, ничего не понимающая.

– Кто это сделал? Хонди?

– Нет, – скупо, в своей манере ответил Бутов. – Егор сам пошел на имплантацию.

– Зачем?! – вскрикнула она.

– Ради нас.

– Почему ты позвал меня? – Настя потупилась. – Егор никогда не замечал моих…

– Он каждый раз оглядывался, уходя на ледник. Думал, мы с Пашкой ничего не видим. Просто посиди рядом. Дай ему время.

* * *

Колониальное убежище. Информационный центр. Трое суток спустя…

– Почему Русанов выбрал именно технику хонди, а не эшрангов, ц’остов или армахонтов? – Егор сидел в кресле, двигался он с трудом, но участие в совещании решил принять непременно.

– Армахонты – миф, – пренебрежительно ответил Павел Стременков.

– Исследования обломков космических кораблей и руин сооружений говорят об обратном, – возразил Малехов. – Существа гуманоидного типа, похожие на нас, колонизировали Пандору и жили тут, когда люди еще находились на первобытном уровне развития.

– Факты? – спросил Родион.

– Мы немногое успели, но, – Роман Степанович легко пошел на дискуссию, привычно отстаивая свою точку зрения, – информация, доставленная МаРЗами, многое проясняет. Из сотен активных

энергоматриц, зафиксированных зондами, выводы следуют вполне определенные, достоверные. Взгляните, – он коснулся сенсора, передавая устройству воспроизведения заранее подготовленные данные. – Как вы понимаете, из энергоматрицы любого техногенного объекта можно выделить сигнатуры отдельных подсистем.

В сфере голографического монитора сформировались модели космических кораблей, орбитальной станции и огромного города.

Егор слушал внимательно, стараясь не пропустить ни одной детали. Сохранять концентрацию стоило немалых усилий, постоянный самоконтроль держал в напряжении, чуждая для человека сенсорика давала о себе знать, искажая восприятие.

«Мне с этим жить», – ожесточенно думал он, рассматривая изображения.

– Первое – источники питания, – Роман Степанович говорил коротко, по существу. Видимо, такой стиль общения был ему привычен. Движением руки он сместил энергоматрицы объектов, расположив их ниже, выделил схожие зоны, совпадающие по конфигурации и характеристикам. – Как видите, они идентичны. Мы реконструировали модели космической техники, используя файлы сканирования, собранные аппаратами разведки «Прометея». Большинство активных энергоматриц МаРЗы обнаружили среди колец обломков на орбитах Пандоры.

– Считалось, что копий нет, а первичная информация со сканеров «Прометея» утрачена!

– После «случайного» обнаружения лаборатории я провел тщательный обыск некоторых помещений, – пояснил Роман Степанович. – Вот чипы, можете взглянуть на маркировку.

– Где ты их нашел?! – искренне удивился Родион.

– В комнате Русанова. Вместе с его кибстеком. – Малехов снял с запястья браслет нанокомпа, положил его рядом с другими устройствами. – Я могу продолжить?

– Валяй.

– Итак, «Прометей» сканировал кольца обломков, окружающие планету. Система анализа обрабатывала данные, воссоздавала облик

и внутреннее наполнение инопланетных объектов, группируя обломки по характерным, совпадающим признакам. Эти сведения бесценны для нас. Картина вырисовывается следующая: на орбитах Пандоры располагались сотни станций. Планета обладала биосферой, к которой армахонты относились очень бережно. Система дорог, поднятая на высоту двадцати-тридцати метров, парящие в небе города, использующие антигравитацию, и сотни других признаков говорят: они старались нанести как можно меньше ущерба природе.

– Мы уклонились от темы!

– Источники энергии идентичны. – Малехов вернулся к схемам и моделям. – Армада хонди, экспедиционный флот эшрангов, станции Н-болг, где всем заправляют ц'осты, и, наконец, города армахонтов получали энергопитание от стандартизированных элементов, которые мы, за неимением лучшего сравнения, условно называем «реакторами». О чем говорит унификация?

– О единой техносфере?

– Смелое предположение. Но я его опровергну. Лишь некоторые подсистемы идентичны. Я бы сказал – заимствованы. Армахонты использовали более сложную, продвинутую технику, чем другие цивилизации. Но отдельные элементы их технологий получили широкое распространение. О чем это говорит?

– По слухам, армахонты правили всей обозримой Вселенной, – произнес Егор. – Я слышал об этом от хонди.

– Верно. Армахонты стояли намного выше в техническом развитии, чем другие известные нам цивилизации. Но они передали лишь некоторые из своих технологий другим космическим расам. Источники энергии, антигравитационные планетарные двигатели, системы стасиса, защищающие экипаж при крушении или аварии на борту, а также стандартизированные навигационные устройства, главным компонентом которых являются Алгиты – колонии разумных кристаллов, – вот список идентичных, повторяющихся бортовых систем. В остальном корабли и станции разнятся по конструктивным материалам, вооружению, защите, автономным устройствам, таким, как планетарная и аэрокосмическая техника.

– Интересно, конечно, но мы постоянно отвлекаемся, – одернул его Родион. – Армахонты исчезли! Они потерпели поражение!

– Да, но из последствий их исчезновения нужно сделать выводы! – резко возразил Роман Степанович. – Лично у меня возникает вопрос: почему эшранги, хонди, ц'осты и другие, еще неизвестные нам расы влачат жалкое существование на обломках битвы?

– Они по большей части находятся в стасисе, – неприязненно заметил Родион. – Им все равно, что творится вокруг!

– Многие, но не все! – Малехов упорно гнул свою линию. – Данные с «Прометея», дополненные опытом и знаниями полувековой истории колонизации Пандоры, говорят нам о неспособности «младших» цивилизаций воссоздать технологии армахонтов! Что мы видим? Любой корабль, получивший критические повреждения, скован полем стасиса, неважно, рухнул он на планету или дрейфует в космосе. Уникальная технология останавливает время, «консервирует» сложный материальный объект. Очевидное назначение системы – спасение жизней членов экипажа. По логике стасис работает до прибытия спасательных групп, то есть генераторы поля оснащены устройствами внешнего управления – его можно отключить!

– Отлично! – буркнул Родион. – Тварям не поздоровится, когда мы разберемся со своими проблемами!

– Почему ты так агрессивно настроен?

– Они изуродовали планету, разрушили все, до чего только смогли дотянуться! Наши беды – следствие их непонятной войны! Этого мало? Добавь в список «Прометей», вспомни о целом поколении пандорианцев, о наших родителях – они погибли, защищая город, когда орды всякой нечисти начали мигрировать в поисках пропитания с приходом Весны!

– Да, прости. Мне понятно твое ожесточение. Но в истории Пандоры есть примеры мирного сосуществования людей и хонди, ведь так?

– Что было, то прошло! Они теперь в подчинении у эшрангов!

– Согласен, проблем очень много. Но их придется неизбежно решать!

– Не в этой жизни! – отрезал Родион. – И знаешь почему? Все больше устройств стасиса отказывает из-за катастрофы! Корабли смещает

потоками воды, разбивает, а существа, – он с трудом удержался, чтобы не сказать «твари», – толком ничего не понимают! Секунду назад был бой, поражение, край пропасти… Они психи, уничтожившие все из ненависти к армахонтам! Добавь сюда климатическую катастрофу, голод, и сам поймешь, как эти уроды станут действовать! Мы враги, по определению! Дадим слабину – умрем или снова будем на побегушках у эшрангов!

– Родион прав! – поддержал друга Егор. – Мы ничего не добьемся путем переговоров. Сначала нужно выжить, а уж потом решим – воевать или сосуществовать! Хотя сразу скажу: нерв постоянно пробуждает во мне агрессию!

– Давайте вернемся к технике.

– Нечего было и уходить от темы! – Родион злился.

– Русанов понимал: нам не восстановить утраченные планетарные машины, не обеспечить увеличившееся население всем необходимым, – продолжил Малехов. – Он рассматривал возможность захвата крупного инопланетного корабля. На примете есть несколько почти не поврежденных объектов. В технологиях армахонтов с ходу не разберешься, но их вполне можно эксплуатировать. Нам необходимо надежное укрытие, источник энергии и пища – вот минимум, дающий шанс пережить климатическую катастрофу. Выбор Русанова остановился на хондийском корабле по нескольким причинам. Во-первых, как показали исследования, система коммуникации хонди нам доступна. Во-вторых, корабли с органической броней хорошо противостоят экстремальным климатическим условиям. И, наконец, в-третьих, их система управления достаточно примитивна. Человек с имплантированным нервом способен отдавать простые и безусловные приказы рабочим особям, которых хонди используют в качестве нейрокомпьютеров.

– Выбор понятен. Хондийский корабль – хорошее укрытие, – согласился Егор. – Но сможем ли мы задать параметры жизнеобеспечения?

– Потребуются дополнительные исследования. Но укрытие и источник пищи мы получим! – ответил Малехов. – Биомасса, которой, как вы

говорите, торговали хонди, вполне подойдет для работы наших синтезаторов, энергия, каким бы способом она ни была получена, остается энергией – мы подключимся к бортовой сети корабля, а затем постепенно начнем интегрировать в его структуры нашу технику – регенераторы воздуха, контроллеры состава атмосферы – все оборудование убежища, которое сейчас не работает, мы переместим на борт!

– Звучит неплохо. Дело за малым? Найти подходящий хондийский корабль, отключить стасис, перебить всех тварей на борту, оставив только тех, кто сросся с переборками и терминалами управления?

– Грубо, но верно. Уговаривать вас бесполезно, так?

– Уговаривать? Мы готовы действовать!

– Я не о том. Оставить в живых экипаж, изолировать его...

– Роман Степанович, замолчи! Где изолировать? Как его охранять? Чем кормить? Мы не миссионеры, нам самим бы выжить!

– Ладно, – вздохнул Малехов, – вопрос снят.

– И больше не поднимай его!

– Ну, все! Закрыли тему! – Егор повысил голос. – Родька, ты тоже на рожон постоянно не лезь, ладно?

* * *

Эмоции все же не улеглись.

– Паша, твоя очередь.

Стременков кивнул. Выглядел он неважно, хоть и успел отдохнуть после опасных экспериментов с собственным рассудком. Чтобы снова не подвергать его риску, Малехов собрал личные нанокомпы, сконструировал из них достаточно мощную систему, подключил ее к стационарному источнику питания.

– Мы оперируем информацией двухнедельной давности, – Павел сразу перешел к делу. – Вернулись еще три МаРЗа. – Он запустил видео.

Один из фрагментов карты увеличился, пополнился деталями. Пелену непрекращающегося ливня отсеяли программные фильтры, появилось

изображение трех транспортных кораблей. Они двигались над бурлящей водной поверхностью, кружили над определенным ее участком, сопротивляясь ураганным порывам ветра.

– А это что? – Родион указал на два бледных пятна. – Энергоматрицы?

– Да, на глубине трехсот метров, – ответил Малехов. – Два крейсера, с работающими установками стасиса на борту. Один хондийский, второй принадлежит эшрангам.

Скорость воспроизведения увеличилась. От хондийских транспортных кораблей отделились каплевидные модули. Девять спускаемых аппаратов ушли в пучину, сигнатура крейсера эшрангов вдруг стала четче, а вскоре исполин появился над бушующей поверхностью – его подняли из глубин!

Стылое чувство застарелой ненависти всколыхнулось в груди Егора.

Огромный корабль покачивался на волнах, из пробоин в его корпусе низвергалась вода. Один из хондийских транспортов снизился над ним, вниз соскользнули крохотные фигурки. Десант.

Энергоматрица, обозначающая работу установок стасиса, внезапно погасла, в одной из пробоин показались крохотные точки.

Павел остановил воспроизведение, максимально увеличил кадр, позволяя отчетливо рассмотреть силуэты эшрангов.

– Чужие объединяются, – высказал свое мнение Стременков. – Они поднимают корабли. Этот крейсер после отключения стасиса затопили, он слишком сильно поврежден. А вот хондийский корабль цел, анализ его сигнатуры указывает лишь на незначительные повреждения основных двигательных секций. – Изображение отдалилось, детали исчезли, вновь сформировалась карта полушарий Пандоры. – Так происходит повсюду, что неудивительно. Хонди и эшранги – союзники в давней войне против армахонтов. В прошлом их атака превратила планету в безжизненную пустыню. Теперь они довершат начатое, захватят Пандору.

– И мы не в силах это остановить… – подавленно произнес Малехов.

– Льды еще не полностью растаяли. Климатическая катастрофа только набирает силу. Еще посмотрим, кто выживет, а кто сгинет, – мрачно

предрек Бестужев. – Ясно одно: действовать надо без промедления. Хондийский крейсер недалеко, всего в сотне километров отсюда.

– Но мы еще не готовы!

– У нас есть сутки. Не больше, – отрезал Егор, мысленно прикинув: ускоренное воспроизведение событий заняло несколько минут, но на самом деле хонди потребовалось три недели, чтобы поднять корабль эшрангов. Значит, они сейчас на финальной стадии работ. Еще пара дней, и хондийский крейсер поднимут на поверхность. Более удачного момента для атаки у нас не будет. – Что с тестом планетарных машин? – спросил он.

– Я установил связь с ними, – ответил Павел. – Удалось наметить маршрут движения через затопленные тоннели. Все три БПМ герметичны и исправны, но сигнал слаб и неустойчив для дистанционного управления. Сегменты антигравитационной платформы на запрос не ответили – их использование пока под вопросом. Также остается неясным, как добраться до планетарных машин.

– Пойду я и Родион.

– Под водой?

– Да через затопленные тоннели и вентиляционные шахты.

– Егор, тебе нельзя рисковать! Ты слишком слаб!

– Возражения не принимаются. Я буду готов. Скажем, через восемь часов. Нужно выспаться. Родион, проверь состав штурмовых групп, проинструктируй людей. Кто покажется тебе негодным, отстраняй сразу. Вопросы?

Малехов лишь покачал головой.

Родион молча кивнул.

– Я подготовлю МаРЗы. – Павел встал. – Буду наблюдать за вами, снабжать информацией.

– В таком случае – решено. Через восемь часов начинаем! – Егор с усилием встал. – Не смотрите на меня так! Высплюсь, буду в норме! Да, вот еще что. Метелину передайте: пусть подготовит препарат, нейтрализующий нерв. Мне нужно оставаться человеком, пока не доберемся до крейсера.

С Бестужевым явно происходило что-то неладное. Он вдруг заспешил, не оборачиваясь пошел к выходу.

В коридоре он чуть не столкнулся с Настей.

– Егор, – она хотела подойти, но он грубо ее оттолкнул и ринулся дальше.

* * *

Колониальное убежище. Два часа спустя…

– Егор, не спишь? – Бутов вошел в отсек, осмотрелся. – Что происходит? Почему не отдыхаешь?

– Все нормально – Бестужев перевернул карандашный набросок изображением вниз.

– Врешь – Родион уселся напротив. – Настю зачем обидел? Скажешь, не нарочно? Она к тебе со всей душой, а ты?

– Так лучше для нее! И закроем тему!

– По совести поступил?! – возмутился Бутов. – Странные у тебя понятия!

– Нормальные! – резко ответил Егор.

Боль глодала изнутри. Он не ощущал себя человеком. Чуждое восприятие прорывалось даже в мелочах, о сильных чувствах и говорить нечего.

Родион хмурился, молчал. Их дружба явно дала трещину, а ведь казалась незыблемой!

– Не лезь ко мне, – тихо, но твердо произнес Егор.

– Это все из-за хондийского нерва, да? Ну, признайся? Я помогу! Мы все поможем!

– Ты меня не понимаешь. Поверь, я не хочу ссориться. Просто оставь меня в покое!

– Ладно. Я тут кое-что узнал. Поговорил с Метелиным и Малеховым. Думаю, тебе нужно знать…

– Давай, только коротко, – хмуро кивнул Егор.

– Еще пятерых добровольцев решено подготовить к имплантации. Я в их числе, – неожиданно сообщил Родион.

– Не смей! – Бестужев сидел сгорбленный, напряженный, карандаш в его пальцах вдруг хрустнул, переломился. – Не смей! Ты *должен* остаться человеком!

– А ты кто?! Вздор несешь!

– Родька, пойми, даже если я полностью обуздаю нерв, прежним уже не стану никогда!

– Покажешь рисунок?

– Нет!

Бутов потянулся к листу пластбумаги. Егор успел перехватить его за запястье, сжал, но проиграл в секундной борьбе. Родион взглянул на изображение, вздрогнул.

Малехова и Русанова он узнал мгновенно. Одно лицо плавно перетекало в другое. У двуликого существа Егор прорисовал лишь черты, тело он изобразил схематично в виде смутного контура неясных очертаний.

Фоном служил плохо освещенный тоннель. За спиной двуликого существа виднелась нестройная толпа людей, бредущих следом. В их глазах пылала надежда. Среди серых лиц он заметил себя, затем Настю – ее черты застыли, окаменели, лоб девушки вытянулся, на щеках косыми штрихами проступали дыхательные щели, словно у хонди!

– Отпусти. Больно.

– Сам нарвался. – Бестужев с трудом разжал пальцы.

– Егор, извини меня.

Слова ничего не значили. В сравнении с рисунком они прозвучали, как блеклая дежурная фраза.

– Настолько плохо?

– Нет. Нормально. Сказал же – справляюсь!

– А это? – Родька, не отрываясь, смотрел на жуткий набросок.

– Так вижу мир. Сам ведь знаешь, я никогда не рисовал чего-то вымышленного.

– Среди землян есть психологи.

– Родька, прошу, заткнись! Чем они способны помочь?! Я смотрю на Малехова, а его лицо искажается! Это не сбой в сознании, поверь!

– Метелин обещал удалить нерв, когда все закончится!

Бестужев усмехнулся, аккуратно положил обломки карандаша поверх рисунка.

– Ничего он не сделает. Техникой хонди надо управлять.

– Почему меня ты нарисовал без искажений?

– Так вижу, – упрямо повторил Егор. – Ты не пойдешь на имплантацию. Кто-то из нас должен остаться человеком! Пообещай – если все зайдет слишком далеко…

– Не говори ерунду! – резко осадил его Бутов.

– Там, – Бестужев указал на схемы чужих кораблей, – я окажусь лицом к лицу с хонди. Не перебивай! Да, убивал их раньше, но теперь все изменилось! Я уже ни в чем не уверен, понимаешь?! – Егор не выдержал, встал. Ходьба по отсеку немного успокаивала его, но со стороны выглядела так, словно Бестужев метался в клетке, – Бутову мгновенно вспомнились пленные хондийские бойцы, они вели себя точно так же!

– Ты Настю оттолкнул из-за этого? – он коснулся изображения.

– Да! – Бестужев резко замер. В каждом его движении читалась неестественная для человека работа мышц. – Родька, прошу, уходи. Я правда никого не хочу видеть! Мне нужно отдохнуть!

Бутов остался. Он сидел, упрямо глядя на рисунок, не понимая, что ноша Егора не становится легче, если ее разделить на двоих.

– И часто ты видишь Русанова? – спросил он.

– Один раз. На совещании. Лицо Малехова исказилось, но никто не заметил. Наверное, ты прав, это вот тут! – Егор зло постучал костяшками пальцев по своей голове.

– Я вот тоже постоянно вспоминаю Андрея Игоревича. Словно он с нами. Ведет по намеченному пути. Ты серьезно насчет нерва? Думаешь, тебе придется и дальше жить с ним?!

– Родька, прошу, не тупи! – Егор очень быстро терял самообладание. – Взгляни на землян! На что они годятся? Видел лицо

Щедрина, когда я предложил ему нырнуть в затопленный тоннель? Помнишь, что он ответил?

– Начал мямлить что-то про гидрокостюм. Словно бредил от страха. Да, я понимаю тебя, Егор! Они будут выдвигать теории, что-то конструировать, терять время, спорить, пока не сдохнут от голода! А надо действовать!

– Они другие! – мрачно подытожил Бестужев. – Вот ответь, есть толк от имплантированных тебе знаний?

– Пока – нет, – признался Родька. – Каша в голове.

– Вот и у меня – каша, – вздохнул Егор. – Зато Пашка держится нормально, но заметил, какой он стал молчаливый, осторожный?

– Пройдет.

– Не думаю. Каждый из нас на своем месте. Щедрин не может нырнуть под воду, вряд ли способен всадить пулю в чужого. Зато мы можем! А дадим энергию, и все изменится!

– Ты к чему? – не понял Родион.

– От землян будет польза. И немалая. Нужно лишь создать им условия. Я много думал. Мы с тобой – как два последних патрона в обойме. Пашка сейчас не в счет. Каждый хорош на своем месте, – повторил он.

Егор сильно изменился. Не повзрослел, а скорее постарел за последние дни.

Родион внимательно слушал друга, понимал правоту его слов, а в глубине души ныло, скреблось чувство жалости, приходило секундное омерзение, затем жег стыд – он уже не мог воспринимать Егора таким, как раньше. Он видел в нем повадки хонди, временами ощущал острые запахи, невольно выделял и подчеркивал каждое угловатое движение. Его пальцы сжимались в кулак, немели.

– Я после совещания задержался, поговорил с Романом Степановичем, – Бутов с трудом вырвался из-под пресса эмоций. – Они с Пашкой взломали кибстек Русанова.

– И?

– Андрей Игоревич планировал захватить не один, а десятки, сотни кораблей! Сколько сможем.

– Зачем?

– Ресурсы. Энергия. Технологии. А главное – системы стасиса. Он придумал, как использовать их для защиты колонии! Я в технических подробностях не разбираюсь, но видел бы ты Малехова! Он с головой погрузился в заметки. Дважды назвал Русанова злым гением.

– Типа обидел?

– Нет, он восхищался и боялся. Дерзость Русанова его пугает. Я мало понял. Речь в заметках о каком-то периметре и репликантах.

Незнакомые слова оставили Егора равнодушным. Постоянная внутренняя борьба то утихала, то разгоралась с новой силой, и желания вникать в новости не было. Бессмысленно. Любой перспективный план разбивался о сегодняшнее положение дел.

– Метелин уже начал растить хондийские нервы для имплантаций. Сейчас изучает список добровольцев, – Родион вновь коснулся болезненной темы.

– Их много?

– Человек пятнадцать.

– Когда операции?

– Говорит, на днях.

– Значит, через пару недель я буду не один? Пока вживит, пока люди адаптируются... – Егор размышлял вслух. – Времени мало. Они не успеют. Не справятся. Земляне слабее нас. Во всех смыслах.

– Метелин так и сказал. А Роман Степанович уперся. Он вообще сильно изменился. Решительнее стал, что ли? Сам на себя не похож, с тех пор как прочитал заметки Русанова.

– В каком смысле «уперся»?

– Настаивает на имплантации.

– Только людей погубит.

– Он рассчитывает на тебя.

Егор вопросительно вскинул бровь.

– Генетический материал для нервов Метелин взял от боевых и рабочих особей. Теперь понял?

– Нет.

– Твой нерв взят от разумного хонди. Ну, соображай!

– Иерархия? – догадался Егор. – Добровольцы мне подчинятся?

– Таков план.

– За Малеховым надо присматривать. Не кажется тебе, что он немного тронулся умом? Вживить человеку нерв боевой или рабочей особи – это нормально?

– А почему нет?!

– А если они так и останутся… зомби?

Родион пожал плечами.

– Ты думал о последствиях, когда согласился на операцию?

– Я не знал, какие будут последствия! А теперь Метелин с Малеховым все отлично понимают!

– Егор, у нас по любому нет бойцов! Ты да я? Пашка сейчас не в счет, сам сказал. Есть еще Юрген, он вызвался управлять третьей БПМ. Говорят, неплохой водитель. Работал испытателем, на полигонах Эриды.

Лед между ними постепенно таял. Егор немного успокоился, его рисунок так и остался лежать среди чертежей хондийских кораблей.

Бутов нет-нет да поглядывал на жуткое изображение, словно хотел примирить свой рассудок с изменившимся мировосприятием друга.

Настю жалко. Любит она Егора. Давно любит. Но и Егорку можно понять. Что с нами станет завтра – неизвестно. Она же из младших. К ним особое отношение. Он ее оттолкнул, потому что не уверен в себе. Если так ее лицо на рисунке… изменил, значит, не контролирует себя, вполне может сорваться в любой момент.

Бестужев тем временем углубился в изучение чертежей. Смены его настроения, ход мыслей стали резкими, непредсказуемыми, он не стремился поделиться ими, как бывало раньше, полностью замкнулся, сам вел борьбу.

– Пашка на совещании сказал: эшранги теперь попытаются колонизировать Пандору. – Егор поднял взгляд. – Ты тоже так думаешь?

– Угу, – кивнул Родион. – Другого выхода у них нет. Не зря же они поднимают хондийские корабли. Переждут всемирный потоп и начнут экспансию. Хонди у них теперь как расхожий материал. Только непонятно, почему они подчиняются птицам?

Егор пожал плечами.

– Тоже ничего не понимаю. Почему бы им не отремонтировать корабли? Помнишь Ошра? Он всеми силами стремился покинуть планету!

– Ну, они, конечно, попробуют, да без толку. Информация со сканеров «Прометея» и личные записи Русанова многое прояснили.

– Например? Он утаивал важные сведения? Не поделился ими с другими колонистами?

– Русанов знал об армахонтах и твердо верил, что они – не миф.

– Откуда он взял сведения?

– От Алгитов.

– Разумные кристаллы? – Егор прекрасно понял, о чем идет речь. Последнее задание эшранга по имени Ошр как раз было связано с колонией разумных кристаллов. Трое ребят должны были отыскать их в недрах подледных пещер и тоннелей. Так получилось, что в ходе опасной вылазки они приняли сигнал аварийного маяка, отыскали аварийно-спасательный сегмент «Прометея», на борту которого криогенный модуль все еще поддерживал жизнь Русанова. Собственно, с тех событий началась новая история развития человеческого поселения.

Мысли промелькнули единым воспоминанием.

– Алгиты – навигационная система, верно?

– Угу. Но из них можно выжать и другую информацию. На кораблях «младших рас» нет установки мобильного гиперпривода. А стационарное устройство этой звездной системы разрушено.

– Понятно. – Егор быстро сообразил, какими последствиями чревата возникшая ситуация. Ремонт кораблей ничего не даст. Допустим, эшранги вырвутся с Пандоры, и что? Куда они полетят? Других пригодных для жизни планет в этой звездной системе они не найдут. Орбитальные станции разрушены. Единственный шанс – обживаться тут. Зная эшрангов, нетрудно догадаться – они не станут налаживать добрососедские отношения, а попытаются уничтожить или подчинить людей.

Выбора у нас нет. Выжить сейчас – только одна из задач. И Русанов это понимал. Он не допускал иллюзий.

Что мы отдадим ради выживания? Сколько принесем жертв? В кого превратимся?

Он хмурился, молчал, и Родион не выдержал, нарушил воцарившуюся в отсеке тишину:

– Роман Степанович, кажется, не такой уж и плохой мужик. Поскулил, конечно, читая записи, но потом приободрился. Сказал, что идея с репликантами – наш шанс.

– А кто они такие?

– Искусственные люди.

– Клоны?

– Нет. Что-то другое. Я так понял, их выращивают в камерах биореконструкции. Создают генетическую матрицу и с нее делают копии. На выходе получаются взрослые люди.

– Подожди. А личность? Знания? Жизненный опыт?

– Инсталлируются.

– Биороботы, значит?

– Ну, я в таких тонкостях не разбираюсь. А Роман Степанович в подробности не вдавался. В общих чертах объяснил. Сказал: репликанты помогут нам выжить. Остаться людьми. Егор, нам не все равно? Сервы, репликанты или еще какие-то технологии? Вот увидишь – добудем источник энергии, и все наладится! Я лично заставлю Метелина удалить из тебя хондийский нерв, вырезать их поганые железы! У вас с Настей еще детишки родятся! Жить начнем, наконец!

Егор сумрачно кивнул.

«Поганые» железы едва не прыснули в лицо Родиону порцией токсина. Сердце замерло, дыхание остановилось – схватка с нервом продолжалась пару секунд, не больше, но Егор едва удержал сознание.

– Ты чего?!

– Сейчас пройдет… – Бестужев пошатнулся, сглотнул. – Тебе пора. Уходи.

– Да что я сказал такого?!

– Просто уходи!

– Ладно, не психуй. Ушел.

– Встретимся через шесть часов, как договаривались! – крикнул Егор вслед Бутову. – Я буду в норме, обещаю!

– Поживем – увидим! – голос удалялся. Похоже, Родион так ничего и не понял, обиделся.

Глава 4

В условиях дальнего космоса решающее значение имеют две составляющие успеха: надежность техники и человеческий фактор. Они неразрывны. В проекте «Прометей» мы пошли дальше, используя все, в том числе и запрещенные, непризнанные на Земле технологии.

Знания цивилизации – основа эффективного выживания. Знания, имплантированные в мозг человека, хранящиеся там, всегда под рукой. Мы сузили постоянно растущую пропасть между человеком и машиной. Мнемонический интерфейс, разработанный для управления кибернетическими механизмами, интуитивен, удобен и прост. При крайнем стечении обстоятельств любой из жителей колонии может использовать свой разум, волю, опыт для мгновенного формирования мысленных команд. Они будут распознаны исполнительными системами – таким образом, даже ребенок сможет управлять сложнейшей колониальной техникой, использовать не только исправные, но и поврежденные механизмы, востребовать их сохранившиеся функции.

Андрей Русанов. Проект «Прометей»

Колониальное убежище. Затопленные уровни…

По темной глади воды перекатывались ленивые волны.

Егор присел на корточки. Препарат, синтезированный Метелиным, действовал. Нерв заткнулся. В мыслях ничего лишнего, лишь схема составленного Стременковым маршрута. Нырнуть, проплыть пятнадцать метров, всплыть в воздушном кармане, отдышаться и снова под воду. Начало простое.

Родион часто дышал, насыщая кровь кислородом. На бледном лице друга появились пунцовые пятна – верный признак волнения.

– Готов?

Родька кивнул.

Егор соскользнул в воду. Холод обжег, темные глубины казались бездонными, возможности ориентироваться нет, на миг пришла паника, он сделал несколько судорожных движений, но тут же опомнился, нащупал рукой стену, поплыл вдоль нее.

Родион двигался следом. На его спине ремнями закрепили нехитрое устройство, с которого разматывался трос. Когда они достигнут цели, подадут условный сигнал, пространство затопленного уровня должны преодолеть еще пятнадцать человек.

В груди Егора появилась резь. Он сжал зубы, но пузырьки воздуха все равно вырывались изо рта, устремлялись вверх.

Скоба! Над ней еще одна!

Он всплыл слишком резко, ударился головой о низкий потолок.

Судорожный вдох. Шум в ушах. По телу, несмотря на холод, пробежала испарина.

Рядом раздался плеск. Родион вынырнул!

– Хоть бы один фонарь на двоих! – Он отдышался, ослабил трос, протянул Егору скользящий карабин: – Закрепи за скобу!

Есть. Первый отрезок пройден. От холода покалывало кожу, мурашки пробегали ознобом.

– Оставайся тут. – Егор набрал воздуха, нырнул, стараясь погружаться вертикально. В чернильной тьме нет ориентиров. Он постоянно ощупывал рукой шероховатый бетон, пока пальцы не наткнулись на решетчатую крышку воздуховода.

Найти фиксаторы. Отщелкнуть. Не поддается! Сколько же их? Не четыре, а шесть? Точно.

Крышка отскочила, канула в глубину.

Наверх. Только не сбиться с пути, иначе захлебнусь.

Скоба. На ней карабин, туго натянутый отрезок троса уходит вверх.

Дышать… Легкие разрывались. Холод немного притупился.

– Родька, ныряй. Там есть проушина. Попробуй защелкнуть карабин.

Тихий всплеск сменила напряженная тишина ожидания. Темно. Зубы лязгают. Дрожь не унять.

Что-то холодное коснулось ноги.

Всплеск.

– Закрепил… – Частое, прерывистое дыхание друга придало сил. – Теперь прорвемся. Затопленный воздуховод длинный, но прямой, а вот за ним – неизвестность. Пашка особо предупредил: на воздушный карман не надейтесь.

Холод быстро отнимал силы. Нельзя задерживаться.

– Родька, ты сразу за мной. Только не тормози!

Внутри затопленной системы вентиляции ощущалось слабое встречное течение. Пространства не хватало, движения получались неловкими.

Егора вновь охватил приступ паники. Нет! Только не останавливаться и не суетиться!

Он вытянул руки, коснулся дна трубы, перебирая ладонями, поплыл вперед.

Встречный напор воды внезапно исчез. Руки провалились в пустоту. Технический бокс!

Нырять или попробовать всплыть?

Егора неодолимо тянуло вверх. Казалось, что под потолком затопленного помещения обязательно должен быть воздух.

Он не смог удержаться, начал всплывать.

Есть!

Ноги свело судорогой. Мышцы онемели. Рядом раздался шумный всплеск.

Егор пошарил рукой по изгибающемуся аркой рифленому своду. Осветительная панель! Болтается на одном креплении. Долой ее. Пусть тонет.

– Родька, тут кронштейн! Карабин зацепи!

Родион ничего не ответил. Тонет?!

Точно! Ушел под воду! Егор набрал воздуха, нырнул, успел схватить его за волосы, потащил вверх.

– Дыши!

Родька не отвечал. Потерял сознание?! Что делать? Егор боялся отпустить его. Трос! Зацепить за кронштейн. Получилось. Теперь рука свободна. Он врезал Родиону пару пощечин.

Зашевелился. Закашлялся. Молодец! Живой!

Онемение мышц все сильнее. Нужно нырять. Сейчас. Сразу!

– Ты как?

– Нормально…

– Ремни расстегни. Катушку отдай. Как только подергаю за трос – ныряй следом! У меня воздуха останется мало, ты понял?

– Угу…

И снова – чернильная тьма. Вода сопротивляется, выталкивает тело. Груз бы какой-нибудь! Высота бокса метров шесть, не меньше. Но и планетарная машина не игрушечная!

Уши заложило. Егор тщетно пытался что-то разглядеть в кромешной тьме. Ну, еще немного!

Рука коснулась осклизлой брони. Воздуха нет… Не справлюсь…

Он доплыл до кормы БПМ, нашел буксировочный крюк, судорожными движениями обмотал вокруг него трос.

Снова вверх. Сознание гасло. На фоне тьмы мельтешили разноцветные искры.

Родька сообразил, что к чему, нырять не стал. На этот раз ему пришлось вытаскивать Егора, приводить его в чувство.

Дышали молча, взахлеб. Сил на разговоры не осталось.

Ничего. Прорвемся…

– Ну? Готов?

Родька коснулся его плеча: поплыли!

Погрузились почти одновременно. Перебирая руками по тросу, быстро добрались до кормы планетарной машины, затем вдоль борта к шлюзу.

Паша молодец, все предусмотрел. Понимал: времени у них будет очень мало. Умудрился отключить коды доступа – это при такой скверной связи! Наверняка последние сутки не спал, опять использовал свой рассудок на всю катушку.

Внешний люк открылся, как только Егор сдвинул предохранительную заслонку и коснулся ладонью сенсорной пластины.

Пузырь воздуха вырвался наружу, вода с гулом ворвалась в тесный шлюз.

Нормально. Удержались. Теперь внутрь!

Люк скользнул на место, с легкой вибрацией заработали насосы. Воздух! Теплый воздух и тусклый свет!

Мышцы не слушались. Они вползли в десантный отсек, некоторое время лежали без сил.

Родион первым пришел в себя, привстал, цепляясь за поручни, выпрямился в полный рост, коснулся сенсора на выступе ребра жесткости. Сегмент облицовки скользнул в сторону, открывая нишу с бронескафандром. Он даже не смог улыбнуться. Посиневшие от холода губы лишь исказились в подобии усмешки.

Живем!

* * *

Трос, протянутый через затопленный уровень, был изготовлен из оптического волокна в толстой прочной оплетке и одновременно служил кабелем связи.

Егор занял кресло водителя. Из спинки и подлокотников выдвинулись механические приспособления, надежно зафиксировали скафандр, тонкие оснащенные сервоприводами шлейфы изогнулись, нашли ответные гнезда в экипировке, защелкнулись.

Включение боевого кибернетического комплекса похоже на вспышку света. Границы восприятия мгновенно расширились, сканирующее излучение пробилось сквозь толщу воды, очертило в глубинах затопленного ангара контуры остроугольных сегментов грузовой антигравитационной платформы.

Еще две БПМ стояли неподалеку, к одной из них медленно продвигалась фигура в бронескафандре.

– Родька? Как слышишь меня?

– Отчетливо. Только голова кружится. И никак не согреться.

– Ты не кисни. СиМБ[5] справится! Жду телеметрию, понял?

– Угу… – Родион так и не признал сухих лаконичных, полных технических терминов фраз, принятых у военных специалистов. Ничто не повлияло на него, даже имплантация.

– БПМ-1, вызываю убежище, – Егор приступил к проверке подсистем.

– Рад слышать тебя, сынок! – ответ Малехова немного согрел душу. – Докладывай!

«Сейчас все население бункера собралось подле тактического комплекса. Ловят каждое мое слово».

Егор испытал острое, не поддающееся описанию чувство.

Все офицеры корпоративных сил безопасности, входившие в штатный экипаж колониального транспорта «Прометей», либо погибли, либо пропали без вести. Среди инженеров и ученых нашлось бы немало специалистов, способных управлять планетарными машинами, но справиться с боевой задачей, вырвать победу можем только мы…

Мысли путались. Сознание вновь раздваивалось, но теперь уже не под влиянием хондийского нерва.

Сколько ударов способна выдержать человеческая психика?

Егор закрыл глаза, переживая момент перерождения, чувствуя, как мысли смешиваются с отчетами подсистем. Кибернетическое ядро боевой планетарной машины установило постоянную связь с пилотом на уровне прямого нейросенсорного контакта, и теперь информационный пресс грозил смять рассудок…

Прошлый опыт, связанный с ремонтом и эксплуатацией простейших аграрных механизмов, не помогал. Навыки ручного управления сервами не шли ни в какое сравнение с невероятными возможностями интерфейса мысленных команд!..

Малехов терпеливо ждал, пока Бестужев адаптируется, не пытался вмешаться, ободрить или подстегнуть его.

Первая информационная волна схлынула. Егор сосредоточился на восприятии окружающего пространства. Нагрузка на разум стала значительно меньше.

Он осторожно открыл глаза.

– Бестужев на связи. Докладываю, реактивация БПМ-1 успешна! Завершен тест ядра кибернетической системы и силовой установки! БСК[6] включился без сбоев, антиграв работает!

– Молодец! Опиши, что видишь?

– Уровень ангаров полностью затоплен. Установлена связь с сегментами антигравитационной грузовой платформы, – ощущения по-

прежнему смешивались, на вопрос «что видишь?» Егор не смог бы дать однозначного, исчерпывающего ответа. Мрак истаял, вода больше не служила помехой, он воспринимал не только детали интерьеров огромного помещения, но и его техническое наполнение: медленно разгорались энергоматрицы механизмов, БПМ-2 источала неяркое сияние, водородный двигатель планетарной машины уже заработал, а через мгновенье тонкая визуализированная сознанием нить соединила две кибернетические системы, два рассудка.

– Егор, я на борту! Принимаешь телеметрию?

– Да!

– Бестужев, я задал вопрос. Не отвлекайся! Что с сегментами грузовой платформы? – вновь напомнил о себе Малехов.

– Отклик получен от четырех устройств из пяти.

– Плохо! Стыковка четырех сегментов не даст нужной мощности и аэродинамики! Приготовься, я направляю к тебе группу техников!

– Принял, – Егор мысленно разделил каналы связи, вызвал Родиона:

– У?

– Осваиваешься?

– Понемногу. Я же тренировался на симуляторах, помнишь?

– Нет, но не важно. Справишься с управлением?

– Угу. Егор, у меня сомнения насчет Юргена.

– Ты же говорил: хороший пилот!

– Все так. Но он шарахается от своей тени! Может, все же потребуем, чтобы Пашка пошел с нами?

– Нет.

– Егор, этот Юрген в обморок упадет, как только увидит хонди! Отвечаю!

– У тебя было время на решение всех вопросов! Теперь менять состав групп некогда!

– Ладно, не злись! Я же не о себе беспокоюсь! Нам платформу прикрывать, не забыл? Второй попытки не будет!

– Если Юрген сдрейфит, перехвачу управление его машиной! – запальчиво отрезал Бестужев. – Все, мне некогда! – он заметил силуэт

человека, медленно плывущего вдоль троса, включил прожектор, движением луча указал направление на шлюз третьей БПМ.

* * *

Время текло медленно. Десантные группы уже разместились в отсеках планетарных машин. Для участия в операции Малехов отобрал пятнадцать лучших специалистов, знакомых с технологиями хонди. В их число, к удивлению Егора, попал и Щедрин.

«Я бы его оставил в бункере», – он наблюдал, как четверо техников, облаченных в бронескафандры, медленно перемещают неисправный сегмент антигравитационной платформы к боксу БПМ-3.

– Юрген?

– На связи, – без особого энтузиазма откликнулся тот.

– Докладывай!

– Все системы в норме, – вялый, апатичный ответ только разозлил Егора.

– Вооружение проверил?

– Я же сказал: все работает! Только не пойму зачем? Наверху – всемирный потоп. Наш враг – погода.

– Много болтаешь!

– Слушай, я в добровольцы не рвался! – не выдержав, огрызнулся Юрген. – БПМ водить умею, что тебе еще от меня надо?

Егор побагровел от злости.

Вот урод! Прав Родька, в бою от него толка не будет.

– Ты должен выполнять мои приказы!

– Понял. Командуй, не стесняйся. Наверху посмотрим, кто выживет, а кто нет.

Егор скрипнул зубами. Хотелось ответить резко, наорать, вспылить, но толку, если этот долговязый технарь ни разу не видел крови?

– Думаешь, будет бой? – вдруг бесцветно поинтересовался Юрген. Коммуникатор передал не только слова, но и его частое, прерывистое дыхание.

«Трусит».

Злоба мгновенно схлынула. Егор вдруг остро вспомнил себя. Мальчишку, мечтавшего о путешествиях, приключениях, исследовании бескрайних ледников Пандоры. Вспомнил, как мутант стоял на крыльце школы, на улице стая тварей рвала серва, а он оцепенел, впал в ступор, обвешанный оружием, но беспомощный, раздавленный, ни на что не годный.

Нужно что-то ответить, как-то ободрить парня, но слов Егор не нашел. Свою ненависть через коммуникатор не передашь. А без нее лицом к лицу с чужими не выжить.

Неловкую паузу нарушил вызов на общем канале связи:

– Отремонтировать сегмент не смогли. Под водой нельзя нарушать герметизацию. Крепим его к корме БПМ-3. Разберемся наверху.

– В десантном отсеке – приготовиться! Начинаем движение! – Егор не узнал своего голоса. Он вдруг отчетливо понял: за чертой шлюзовых ворот они останутся одни. А пятьсот человек будут ждать. Надеяться и ждать до последнего.

* * *

Уровень воды постепенно понижался. Огромные литые колеса планетарных машин держали сцепление с бетонной поверхностью, вариаторы силы тяготения автоматически компенсировали плавучесть, они же помогут преодолеть сложные формы рельефа.

По воздуху БПМ, конечно, не полетит, но антиграв – бесценное дополнение к мощному водородному двигателю. Регулируемый клиренс и изменяемая нагрузка позволяли уверенно управлять машиной на зыбкой напитанной влагой почве, форсировать водные преграды, преодолевать крутые склоны.

Тоннель вел к главным шлюзовым воротам колониального убежища.

Вода плескалась подле самых створов. Егор остановил БПМ, включил прожектор.

– Техники – вперед!

Четыре фигуры появились в поле зрения. Сервоусилители мускулатуры позволяли истощенным людям двигаться быстро.

Двое несли герметичный кофр с энергоблоком. Хотят подключить питание?

Нет – Егор разглядел детали механического приспособления. Дима Щедрин – мастер на все руки. Он командует техническим отделением.

Пока техники возились подле ворот, он попробовал выйти на связь с убежищем, но тщетно. Коммуникатор ответил лишь треском помех.

Снаружи раздался гул, затем скрежет. Лобовой скат брони окатило излучением, пискнули датчики.

– Бестужев, сдай на пару метров назад! Не дай бог, ворота рухнут!

Правый створ дрогнул, начал поддаваться. Сверху вдруг посыпался угловатый бетонный щебень, лязгнул металл, по стенам тоннеля прокатилась вибрация, в паре мест с треском образовались вертикальные разломы, сквозь них тут же хлынула вода.

Шлюзовые ворота смещались медленно, по сантиметру.

– Достаточно!

– Еще немного! – ответил Щедрин. – Терпение!

Наконец гул стих. Внешние микрофоны теперь транслировали лишь плеск воды.

Техническое отделение скрылось в шлюзе.

Внешние ворота поддались значительно быстрее. Вода в наклонном тоннеле прибывала. Мрак подземелья разрезала узкая полоска блеклого дневного света.

– Щедрин, что у тебя? – не выдержал Егор.

– Путь свободен. Дождь хлещет. Города считай что нет!

– Начинаю движение!

* * *

По улицам города неслись бурные потоки воды.

Дождь хлестал по броне планетарных машин, мгла смыкалась, видимость не превышала одного метра, в стремнине потока катились

угловатые камни, глухо били в борта.

Из кабины управления реальность воспринималась иначе.

– Егор, ты как? – планетарную машину Бутова медленно смещало мощным течением в сторону пропасти, постепенно разворачивая поперек дороги.

Бестужев молчал. Образы, возникшие в его сознании, парализовали рассудок. Он слышал голос Родиона, но не мог выдавить ни звука в ответ, лишь железы на тыльной стороне запястий вдруг испустили смрад.

Действие принятого препарата завершилось внезапно и, как казалось, в самый неподходящий момент. Принимать еще нельзя. Метелин так и не сумел точно рассчитать время действия. А вдруг организм отреагирует иначе, и, когда понадобятся мои способности, я не смогу ими воспользоваться?!

Нет. Больше никакой химии. Справлюсь сам.

Нерв тем временем резко проявил себя. Приборные панели расплывались перед глазами, казались чужими, незнакомыми. Метаболический корректор сжигал остатки сил. Дыхание замедлилось. Мышцы лица свело судорогой, все человеческое гасло, на смену приходили неуместные желания. Хотелось разорвать страховочные ремни, вырваться из кресла – он зажмурился, представив, как будет удобно бежать на четвереньках, как быстро он доберется до кормового отсека, окунется в блаженный жар, истекающий от работающего двигателя, и замрет, наслаждаясь теплом.

На экранах мгла сменилась четким изображением. Взгляд Бестужева зацепился за согнутую решетчатую конструкцию радиовышки, обрывки тросов, раскачивающиеся на ветру. Сполохи человеческих воспоминаний разорвали сумерки сознания.

Техники уже закончили осмотр и мелкий ремонт пятого сегмента антигравитационной платформы. Сбой в сознании, показавшийся коротким, едва ли не секундным, на самом деле длился достаточно долго.

Датчик вызова настойчиво мигал на коммуникационной панели.

– На связи… – выдавил Егор и тут же стиснул зубы. Язык казался разбухшим, нерв пытался им управлять, воспроизвести резкие скрежещущие фонемы чужой речи.

– Перестраиваемся! – Родион догадался, какого рода проблемы возникли у Бестужева, переключился на закрытый коммуникационный канал. – Егор, я приму командование, поведу колонну. Ты, главное, держись, повторяй мои маневры! Юрген замыкающий, он тебя подстрахует! Ответь, если понял!

– Да… ш… – выцедил Егор сквозь сжатые зубы. Ответ больше походил на шипение. – Сшпрафлюшьсь… – он больно прикусил язык.

– Давай тебя сменит Щедрин?

– Нетфс… Сам… – всплеск злобы парализовал хондийский нерв, ненадолго вернул нормальное человеческое восприятие. Егор едва не задохнулся от сконцентрировавшегося в рубке смрада.

Рот наполняла кровь. Язык действительно разбух. Фантомные ощущения стремительно таяли, он больше не чувствовал несуществующей пары конечностей, лишь в области живота остался зуд, такой сильный, что хотелось рвать кожу…

– Я в порядке… Следом за тобой… – фразы дались тяжело, но прозвучали без искажений. Родион облегченно вздохнул.

Машина Бутова отработала антигравом, кибернетическая система увеличила нагрузку на оси, две другие БПМ повторили действия ведущего в автоматическом режиме.

Дышать стало легче. Запахи постепенно улетучивались, лишь датчик контроля воздушной смеси тревожно сигналил, докладывая о наличии токсинов, но Егор не обольщался по поводу одержанной «победы». Неизвестно, как поведет себя нерв в бою.

Бестужев никогда не задавался вопросом, едина ли цивилизация хонди? Есть ли у них деление на соперничающие группировки, как, например, у эшрангов?

Скудость, неполнота знаний о существах, с которыми жил бок о бок, вызывала запоздалое, да и неуместное сейчас чувство досады.

Головная БПМ медленно двинулась вперед, придерживаясь центральной улицы разрушенного, фактически стертого с лица Пандоры

города, и Егор полностью сосредоточился на управлении. Расширитель сознания снова включился в бортовую сеть, но теперь он сузил границы восприятия, отсек все источники тепла, опасаясь спровоцировать реакцию нерва.

Беречь силы.

Машина рывком увеличила скорость, едва не врезалась в головную БПМ.

Спокойнее.

Пальцы дрожали. На обзорных экранах проступали очертания полуразрушенных домов. Вода, несущаяся с гор, полностью затопила город. Повсюду возвышались груды камней, слышался неровный гул, пенистые брызги перехлестывали через созданные течением пороги.

Знакомые очертания скалы появились по левому борту. За ней на небольшой площадке когда-то стоял дом Бестужевых.

Острые, ранящие воспоминания внезапно помогли. Чуждые ощущения окончательно схлынули, имплантированный нерв притих, попав под пресс человеческих эмоций.

Окраина города. Несколько мутных потоков воды сливались здесь воедино, рушились вниз с обрыва, образуя дугу водопада.

Рев стал слишком громким, Егор понизил чувствительность внешних микрофонов, уже намного увереннее повторил маневр ведущего, плавно вошел в первое закругление серпантина. Дорога, вырезанная в скалах, соединяла три плато – верхнее, срединное и нижнее.

«Многие мифы стали реальностью за последний год. Взять хотя бы легенду об армахонтах, – он специально будил впечатления, воспоминания, давил ими любые попытки хондийского нерва вновь перехватить инициативу. – Их считали мифическими существами, но внезапное потепление вдруг обнажило скрытые в толще ледников тщательно спланированные инфраструктуры, связывающие между собой руины городов.

Древние коммуникации – наш шанс. Они приподняты над поверхностью на высоту двадцати метров, их мощные опоры и прочное покрытие не смогли разрушить удары плазмы, транспортная сеть армахонтов выдержала медленное, но постоянное смещение льдов, да

и сейчас путепроводы стойко сопротивлялись стремительному движению воды. Трудно представить, какие технологии применялись при строительстве, но цивилизация, создавшая подобную инфраструктуру, достойна уважения…»

Огромная каменная глыба с грохотом обрушилась, едва не раздавив БПМ.

Бестужев отреагировал машинально, расширитель сознания, связанный с датчиками машины, зафиксировал падающий обломок скалы, когда тот еще только откалывался от отвесной стены. Все произошло мгновенно, на уровне подсознания. Резкое торможение, реверс, глухой удар, фонтаны осколков, окатившие лобовой скат брони, тонкий писк датчиков, встревоженный голос в коммуникаторе:

– Цел?!

– Да, – лаконичный ответ прозвучал сухо, односложно, и лишь мгновением позже по телу рванула дрожь.

– Осторожнее! – голос принадлежал Щедрину. – Предупреждать надо!

– Заткнись, – Егор все еще смотрел на огромную, расколовшуюся глыбу, преградившую путь. – Сказано было – не вставать из кресел!

Он взглянул на экран заднего вида. Замыкающую БПМ развернуло поперек дороги.

– Юрген, ты там спишь, что ли?! – Бутов нервничал, колонна прошла всего пару километров и уже едва не потеряли машину!

– Отказали электромагнитные тормоза по правому борту! – огрызнулся Юрген. – Я тут ни при чем!

– Родька, не заводись, – хмуро обронил Егор. – БПМ полвека простояли на консервации.

Из пелены давящих облаков спикировал остроугольный сегмент платформы. Многотонный обломок скалы приподняло в поле пониженной гравитации. Сильный боковой ветер тут же спровоцировал неуправляемый дрейф, заверещали датчики, серая угловатая масса едва не зацепила машину Бутова, прежде чем кануть в пелене дождя.

Начало пути не обнадеживало. «На злости и нервах не пройдем, – подумал Егор. – Маловато практики в дистанционном управлении».

Он вышел на связь с десантным отсеком.

– Щедрин, прими контроль над сегментами платформы.

– Понял. Сразу бы так!

Егор уже не обращал внимания на такие мелочи, как мстительные, торжествующие интонации, проскользнувшие в голосе Щедрина. После короткой вспышки чужого мироощущения любое проявление человеческих эмоций согревало душу.

* * *

Срединное плато встретило колонну безрадостными картинами.

Почву с полей давно смыло. Постройки агротехнических ферм снесло стремительными потоками, посадочные капониры отделяемых криогенных модулей «Прометея» доверху завалило камнями, и они снова напоминали «Курганы Спящих», только теперь их облик сформировала стихия.

Под ребристыми колесами БПМ дробились обломки горных пород. Машины то и дело попадали в ямы, погружались по самые борта или вовсе уходили под воду, но тут же выкарабкивались из природных ловушек.

Вспоминалось многое. Первые лучи солнца, проглянувшие из-за туч, ласковое тепло недолгой весны, – тогда никто еще не подозревал, что потепление обернется климатической катастрофой.

Нерв встрепенулся. Память выталкивала не только образы безмятежной юности, и Бестужев впился взглядом в экраны, но мысль уже сорвалась в пропасть. Сводящий с ума калейдоскоп событий накладывался на угрюмую панораму окрестностей. Набег мутантов. Гибель взрослых. Сбой в работе защитного поля – он вдруг отчетливо увидел призрачно-серый купол, накапливающий пепел извергавшихся неподалеку вулканов.

Скрипнув зубами, он оттолкнул призрачные силуэты родных.

«Не время сейчас».

А когда оно у тебя будет? – внутренний голос работал на врага. Он манил в черный бездонный омут. Обещал провести дорогой утрат, ненависти, разочарований.

Дробный звук камней под колесами, вибрации корпуса, а впереди – он сконцентрировался на показаниях расширителя сознания – впереди нижнее плато, тонкие, извивающиеся по краю полоски траншей, вырезанных в скальном основании, остовы боевых сервов, вплавленные в камень.

Мысль скользнула по кривой тропке ассоциативного мышления.

Сколько хондийских бойцов нашли свою смерть на подступах к древним укреплениям?

Скулы свело. Мир вокруг выцвел, исчезли и без того скупые краски, зрение стало монохромным, зато контур ведущей БПМ ярко очертила дрожащая аура теплого воздуха.

Вот так воспринимают мир хондийские бойцы?!

Невольно возник давний, безответный вопрос: почему они безропотно подчиняются эшрангам?

Внезапный ответ ошеломил Егора. Не мы первые встали на скользкий и опасный путь?! Птицы давно и успешно используют запахи для контроля насекомоподобных существ?

Да, но они действуют примитивно.

Образ эшранга возник перед мысленным взором. Нелетающую птицу окружало облако односложного запаха. Неужели так примитивно? Простой мотиватор поведения, маркер, помечающий эшранга как объект для защиты?

Желание следовать за призрачным, воображаемым образом, вновь и вновь ощущать этот запах, уничтожать любого, кто посягнет на источник феромонов, полностью поглотило все иные помыслы. Эшранги использовали древнейший, сильнейший хондийский инстинкт, который активируется уникальным химическим соединением.

Егор вдруг нервно рассмеялся.

– В чем дело? – тут же вышел на связь Родион.

– Нерв невольно ответил мне на давний вопрос, – Бестужев чувствовал, что пока справляется с ситуацией. – Родька, ты не поверишь!

Сколько мы ломали головы, все думали, почему хонди оберегают эшрангов?

– Ну?

– Они тоже использовали запах!

– Да брось! Птицы никогда не имплантировали бы себе чужие железы! – усомнился Бутов.

– Верно. Но что мешало им создать синтетический феромон?

– Думаешь?

– Уверен! Эшранги использовали его… как духи! – Егор запнулся, подбирая наиболее точное определение. – Запах, видимо, воздействует только на бойцов, заставляет их забыть обо всем и следовать за источником, защищать его любой ценой! Наверное, это древнейший инстинкт, утративший значение, когда главным инструментом выживания стал разум!

– Сможешь синтезировать маркер?

– Понятия не имею. Метаболический корректор не знает формулы такого соединения. А экспериментировать с нервом сейчас не время.

– Жаль.

– А мне – нет. Хонди не глупы. Трудно не заметить, что эшранги при каждом посещении уводили за собой часть бойцов. Хонди должны были обеспокоиться, выработать защиту!

– Сомневаюсь. Если помнишь, почти все хондийские поселения за последние годы перешли под контроль птиц! – напомнил Родион.

Разговор прервался.

Машины, двигавшиеся по бездорожью, вышли к границе срединного плато, и перед ними возникло неожиданное препятствие – широкий, образовавшийся в результате землетрясения разлом преграждал путь.

«Метров пятнадцать, – мысленно прикинул Родион. – С ходу на антиграве перескочить можно, но сколько энергии истратим?»

Впереди клубился туман. Граница ледника отступила километров на тридцать. Сеть древних дорог пока не сканировалась.

Использовать сегменты грузовой платформы?

Тоже не вариант. Их энергоресурс ограничен. Если растратим его по мелочам, как будем транспортировать хондийский корабль? Не факт, что

Егор сможет перехватить управление, использовать планетарные двигатели.

На выручку пришел Юрген.

– Я могу попробовать! – куда подевался его блеклый голос.

– БПМ весит шестьдесят тонн! Площадка на той стороне узкая! Разве не видишь, за разломом поворот дороги? С одной стороны скала, с другой – обрыв!

– Справлюсь!

– Откуда такая уверенность? – скептически переспросил Родион.

– На Эриде, где реконструировали «Прометей», сила тяжести в три раза меньше, чем на Пандоре. Там сложный рельеф, много похожих разломов. Да и площадки попадались поуже. Если перескочу – передам точные данные для автопилотов!

– Хорошо. Действуй.

* * *

БПМ-3 медленно сдавала назад.

Прыжок планетарной машины с использованием антиграва казался делом рискованным. Шквалистый боковой ветер серьезно осложнял расчеты, но Юрген не полагался на автоматику, он принимал к сведению рекомендации бортовой киберсистемы, действуя по-своему.

На самом деле условия Эриды были намного мягче. Планета, лишенная атмосферы, не создавала и половины помех, с которыми ему пришлось столкнуться сейчас.

Ладони взмокли. Он полностью перешел на ручное управление, зная, что в ином случае система машины заблокирует его намерения. По мнению автопилота, человек подвергал себя неоправданному риску.

Он взглянул на показания дальномера. Достаточно для разгона. Бурлящий водный поток остался правее. Слева, чуть в стороне от дороги, виднелся пологий выступ скал. То, что нужно.

БПМ-3 резко рванула с места, набрала скорость.

Все затаили дыхание. Тяжелая планетарная машина на мгновенье скрылась в пелене проливного дождя, затем чуткие микрофоны выделили глухой, сопровождаемый скрежетом удар, а через секунду по связи раздался голос Юргена:

– Чуть не снесло порывом ветра. Данные переданы. Включайте автопилоты.

Егор коснулся сенсора.

Двигатель взревел, его БПМ сдала назад, замерла и вдруг рванулась вперед под управлением кибернетической системы.

Пологий выступ скалы. Обрыв. Рев водопада. Мгновенное ощущение невесомости, и тут же – сокрушительный удар, скрежет брони о камень.

– Десантный?

– Все целы! Тряхнуло не по-детски!

БПМ уже двигалась вперед, освобождая площадку приземления для машины Бутова. Над колонной барражировали сегменты антигравитационной платформы. Сеть кибернетических устройств формировала цифровое пространство, сотни различных параметров транслировались с датчиков, но рассудок уже адаптировался, воспринимал лишь критически важные данные.

– Есть! – в возгласе Родиона прозвучали азартные нотки. – Юрген, отлично сработано!

Колонна возобновила движение.

Вскоре нижнее плато скрылось за кормой боевых машин. Вновь началось бездорожье.

Егор не узнавал местность. Ледник отступил, на его месте образовались бескрайние грязевые пустоши. Потоки, несущиеся с гор, теряли стремительность, разливались озерами, над которыми клубился пар.

Нагромождения каменных глыб попадались все реже, они выглядели островами среди бесконечных топей.

– Сворачиваем с маршрута! – Родион передал новое направление.

Вскоре боевые машины выползли на отлогий берег одного из таких «островов». Жидкая грязь стекала с брони.

– Дима, стыкуй платформу! – вынужденно распорядился Бутов.

«Через вязкие бездонные грязевые топи нам не прорваться, – думал он. – Только по воздуху, иначе никак».

Пять остроугольных сегментов появились из пелены дождя, соединились, образуя грузовую платформу диаметром в двадцать метров.

Мощные механические захваты, оснащенные дополнительными системами электромагнитных держателей, зафиксировали БПМ. Работа антигравитационного двигателя сформировала грязевой вал, окруживший каменистый островок.

– Щедрин, веди нас к следующей точке маршрута!

Платформа медленно поднялась в воздух и, сопротивляясь напору ветра, легла на курс.

Егор, пользуясь короткой передышкой, внимательно осмотрелся. Программные фильтры отсеивали помехи, но, куда ни посмотри, везде одна и та же унылая картина – бесконечные, курящиеся паром пустоши. Слой грязи глубиной в десятки метров полностью скрыл предгорья. Лишь кое-где виднелись глубокие овраги, прорезанные стремительными потоками воды.

Вскоре в поле зрения появился край ледника.

Ледовый панцирь заметно истончился, его пересекали бесчисленные ущелья, во многих местах образовались бездонные озера, мощные течения увлекали за собой вереницы айсбергов.

Егору стало страшно. Только сейчас, взглянув на общую картину, составленную по показаниям датчиков боевой машины, он осознал масштаб климатической катастрофы, охватившей Пандору.

Миллиарды тонн воды двигались в одном направлении, туда, где сейчас образовывались океаны планеты.

* * *

К участку древней дороги добрались без поломок и потерь.

Грузовая платформа снизилась, вновь заработали механические приспособления, колеса БПМ коснулись искусственно созданной тверди.

Восемьдесят километров пути пройдены. Впереди их ждала самая трудная часть операции.

Дождь по-прежнему хлестал, как из ведра. Мокрое глянцевито-черное полотно древнего путепровода пересекали трещины, во многих местах потоки воды перехлестывали через невысокие ограждения, угрожая снести многотонные машины, увлечь их в пучину.

Егор полностью сосредоточился на мысленном управлении.

Еще одна ипостась измененного рассудка проявила себя в схватке со стихией. Ощущения ошеломляющие, но не гибельные. Мнемоническое слияние с кибернетическими системами не травмировало разум, не искажало сознание, оно открывало приемлемую для человеческой психики грань восприятия.

Он ощущал сцепление колес с потрескавшимся покрытием, чувствовал мощь двигателя, осязал фонтаны мутной воды, бьющие в борт. Зрение, усиленное и дополненное сканерами, проникало сквозь пелену проливного дождя.

Реальность Пандоры воспринималась теперь с иного ракурса. Стихия по-прежнему неистовствовала: мощные течения заставляли вибрировать неохватные опоры, любое закругление дорожного полотна таило смертельную опасность, но, отождествляя себя с машиной, Егор действовал смелее, увереннее.

Хондийский нерв как будто парализовало. Он притих, даже не напоминая о себе.

Вода повсюду.

БПМ сбросила скорость. Вариатор локальной силы тяготения резко увеличил нагрузку – впереди плавное понижение древней дороги пересекал мутный, пенящийся поток. Сильное течение попыталось столкнуть машину, увлечь за собой, но техника не подвела. Вода ударила в борт, перехлестнула через неожиданное препятствие. Егор ощутил, как двигатель выдал максимальную мощность, на миг стало страшно, мир потускнел, сузился, но через пару секунд скат лобовой брони уже показался над поверхностью стремнины, вокруг мгновенно просветлело, сканеры вновь цепко и уверенно захватили ориентиры.

– Первый, прошел! – он с трудом узнал собственный голос.

– Третий Первому, тратишь много энергии!

– Второй, прошел!

Цель приближалась. Этот участок древней транспортной сети был хорошо изучен благодаря данным, полученным от разведывательных зондов.

– Начинаем!

Незримая черта пройдена.

Машина Бестужева свернула на полуразрушенной дорожной развязке, поднялась на десять метров выше, бурлящая поверхность воды отдалилась и уже не несла столь явной угрозы.

Взгляд по сторонам.

Чисто. Лишь темная масса сканируется прямо по курсу.

Город армахонтов?!

Да. Вернее, руины города. На протяжении веков их скрывал многокилометровый панцирь льда, но теперь фрагменты исполинской платформы превратились в цепь островов среди кипящих, беснующихся течений.

Тревожные трели вплетались в мысли. Крохотные точки появились на пределе восприятия.

Хондийские транспорты!

– Контакт на сканерах! – Юрген первым отреагировал на показания БСК.

Нерв встрепенулся.

– Вижу, – сквозь зубы выцедил Егор. Восприятие реальности мгновенно изменилось. Три наслаивающихся друг на друга мироощущения конфликтовали, ломали психику.

Впереди начинался более или менее безопасный отрезок дороги, оканчивающийся полуразрушенной площадкой. Вероятно, причальное приспособление, стыковочный узел для платформы города.

– Включаю автопилот! – сознание Бестужева надламывалось, он терял контроль над машиной, кибернетическая система неадекватно обрабатывала мысленные образы, искаженные влиянием хондийского нерва.

– Держись! – голос Родиона прорвался через помехи. – Мы рядом!

Зеленый индикатор зажегся на приборной панели. Теперь БПМ автоматически придерживалась маршрута.

Егор коснулся сенсора, включая систему маскировки. Мысленный интерфейс теперь бесполезен, придется действовать вручную. Гасить активность нерва нельзя!

Еще одна дорожная развязка вынырнула из пелены непогоды. Автопилот вел машину Бестужева к огромной стыковочной площадке – в ее центре возвышался корпус поднятого из глубин хондийского крейсера. Вторая и третья машины свернули в разные стороны – им предстояло принять первый удар, отвлечь противника.

– Десять километров до цели! В десантном отсеке – приготовиться! – он машинально выталкивал сухие формулировки фраз, ведя отчаянную внутреннюю борьбу.

БПМ неслась по прямому участку дороги. Дождь усилился, низкие облака цеплялись за иззубренные вершины полуразрушенных зданий. Город, когда-то изящный, светлый, парящий в небесах, теперь выглядел угрюмо. Его платформа врезалась в землю, подломила край стыковочной площадки, раскололась на три неравные части.

Взгляд впитывал подробности. Впервые Бестужев видел деревья. Их почерневшие осклизлые заросли заполняли пространства между зданиями, ветви переплетались, кое-где в кронах виднелись прорехи.

Лед на протяжении веков хранил подробности внезапно остановившейся жизни, но теперь следы цивилизации армахонтов окончательно исчезнут, их смоет вода, орды бездомных существ, когда-то атаковавших планету, а теперь вышедших из стасиса, станут искать убежище от непогоды, они населят руины города, переиначат их, приспособят под свои сиюминутные нужды.

Мысли Егора тонули в чужих ощущениях.

Хондийский крейсер выглядел почти неповрежденным. Он надежен. Внутри – теплая мгла. Маркеры запахов. Единство. Порядок.

Среди клокастых туч промелькнули контуры аэрокосмических машин, похожих на толстые древесные пни с разветвленными корневищами. Они двигались на антигравитационной тяге, плавно и свободно меняли курс, словно насмехаясь над законами аэродинамики.

Фаттахи! – сочетание звуков скребануло по нервам, и тут же пришло понимание: в разрыве облачности он увидел бионические машины. На миг Егор четко представил рубку фаттаха: узкое осклизлое пространство, заполненное множеством пульсирующих «жил», соединяющих системы истребителя с плотью пилота.

Кибернетическая система вцепилась в новый мысленный образ, автоматически запечатлела его, передала по каналу связи, – Родион и Юрген получили не только визуализацию цели, но и слепок ощущений Егора.

Вой пробился сквозь шум воды и монотонный шелест дождя, перешел в гаснущий на высоких нотах визг, и снова в сознании возник образ – на этот раз стремительный, обтекаемый, каплевидный.

Эмширы – истребители эшрангов. Их базовый корабль – атлак – где-то неподалеку!

– Принял! – голос Бутова проник в сознание. – Не факт, что этот атлак поблизости! Действуем по плану!

Бестужева трясло. Он ничего не ответил Родиону. Чувство отвращения к грязным, шумным, неудобным машинам эшрангов промелькнуло вспышкой давней межрасовой неприязни. Нерв все острее проявлял себя, внедряя в сознание человека образы, присущие мышлению хонди.

БПМ преодолевала плавный затяжной подъем. Когда-то дорога соединялась с причальной платформой, но сейчас полотно древней автострады обрывалось метрах в пяти от изломанного края огромной площадки.

Автопилот действовал уверенно и точно. На информационном экране промелькнули расчеты для прыжка – машина оперировала недавно полученным опытом, искусственные нейросети, входящие в ядро системы, обучались по ходу движения.

В голове стало тесно от противоречивых мыслей, ощущений.

Хондийский нерв пытался парализовать волю человека. Он четко воспринимал намерения Егора, отвечал жестко, пробуждая рефлекторное неприятие ситуации.

«Ты не можешь, не сделаешь этого!»

Собственный рассудок предавал Бестужева.

Нерв – лишь раздражитель, мысли формирует мой мозг, он *интерпретирует* чуждые инстинкты! – Егор отчаянно боролся с раздвоением личности, понимая: если верх возьмут хондийские рефлексы, он погибнет сам и погубит остальных!

На секунду ему удалось сконцентрировать волю, взглянуть на приближающийся хондийский крейсер глазами человека, оттолкнуть призрак блаженного тепла, уюта, почувствовать, насколько мерзка и чужеродна эта конструкция.

Кибернетическая система поймала проблеск сконцентрированного сознания, мгновенно передала данные. На борту чужого корабля сканировались энергоматрицы. Реактор и множество связанных с ним устройств образовывали сложную трехмерную паутину. Каждый ее узелок – это локальное поле стасиса! Сколько же хонди на борту? Тысячи?

«Отключать системы стасиса – безумие! – промелькнула мысль. – Если чужие все разом выйдут из оцепенения, нам не справиться с ними! Но зачистить корабль необходимо! Его антигравитационные двигатели сейчас лишены энергии, вся мощность реактора уходит на поддержание защиты!»

Снаружи раздался раскатистый грохот.

В небе вдруг блеснула ослепительная зарница, из густой облачности посыпались пылающие обломки – они падали в воду, гасли, их тут же уносило стремительное течение.

«Где же выход?! Как теперь действовать?!»

Родион и Юрген уже вступили в бой. Хондийские транспорты отреагировали на их нападение, прекратили барражировать над городскими руинами, устремились к западу.

Боевая машина взяла разгон. На секунду пришло ощущение невесомости, затем удар о стыковочную платформу перетряхнул кости, гулко отработали курсовые орудия, расчищая путь, корпус хондийского крейсера стремительно приближался, вырастал в размерах, закрывая панораму руин, – он был огромен!

Главный шлюз закрыт. На броне видны незначительные повреждения.

С небес накатился визг.

Звено эмширов пикировало, их пилоты обнаружили БПМ-1 и ринулись в атаку.

Зенитное орудие заговорило короткими очередями. Мимо. Опять мимо. Лазерные разряды впились в платформу, выбили всплески пламени.

Не задели!

– Щедрин?

– Мы целы!

– Не справляюсь… – очередной приступ иного мировоззрения прервал фразу, но Егор, переведя дыхание, все же завершил начатую мысль: – Прими управление огнем!..

Тщательно продуманный план трещал по швам. Он был достаточно прост. Вернувшийся с разведки МаРЗ принес информацию о четырех хондийских транспортах, осуществлявших подъем затонувших космических кораблей.

Их нужно сбить. Задача сложная, но выполнимая. Затем, когда скованный стасисом крейсер останется без защиты, можно приступить ко второй фазе операции – тут главной фигурой становился Егор. Он должен проникнуть на борт инопланетного корабля и, используя возможности хондийского нерва, добраться до поста управления антигравитационными двигателями.

Реальность предлагала совершенно иной расклад сил.

Никто не ожидал, что корабль эшрангов окажется поблизости, да и истребители, патрулирующие небеса, оказались неприятным сюрпризом.

Зенитные орудия вновь заработали. Звено эмширов разворачивалось для повторной атаки. Внезапно один из истребителей окутался облаком взрыва, начал распадаться на части. Егор на долю секунд ощутил торжество – молодец, Щедрин, все-таки сбил! Сбил!..

Сегменты антигравитационной платформы вступили в бой. В густой облачности, над кипящими водами, сходились в скоротечных схватках машины трех цивилизаций. Здесь и сейчас начался новый эпизод непримиримой борьбы за выживание.

Атлак – боевой корабль эшрангов – прорезался сквозь мглу, резко пошел на снижение, сминая реальность ревом двигателей. Его лазерные батареи били часто, но неэффективно – проливной дождь стал невольным союзником горстки людей.

БПМ Родиона и Юргена стремительно двигались по древним дорогам, сворачивали на развязках, кружили, приковывая к себе внимание, скупо огрызались из импульсных орудий.

– Родька, Юрген – к платформе! – выкрикнул Егор, надеясь, что его услышат.

Атлак пронесся над хондийским крейсером, начал удаляться.

Щедрин не дал ему безнаказанно уйти. Орудия кормой полусферы ударили длинными очередями, БПМ покачнулась, чужой корабль покрылся всплесками разрывов, от него отваливались фрагменты, из пробоин в корпусе начал высачиваться дым – еще секунда, и он потерял управление, напоролся на руины зданий, врезался в древний город, исчез из вида, лишь оглушительный грохот теперь доносился со стороны полуразрушенных кварталов.

Что с хондийскими транспортами?!

Егор взглянул на датчики машины. Бой разгорался. Один из хондийских кораблей был сбит сегментами антигравитационной платформы, второй, получив серьезные повреждения, удалялся, два других преследовали БПМ Родиона и Юргена.

Впереди появился охваченный огнем контур фаттаха. Поврежденный истребитель кренился, маневрировал, стремясь дотянуть до вакуумного дока крейсера.

Неужели часть подсистем чужого корабля уже задействована?! Откуда вообще взялись фаттахи?! Хондийские транспорты не оснащены истребителями!

«Крейсер в процессе реактивации! – промелькнула леденящая догадка. – Точно! Сигнатуры стасиса в районе главного шлюза больше не сканируются, зато датчики фиксируют перераспределение энергии! Еще минута промедления, и заработают батареи исполинского корабля!»

Егор на ходу изменил тактику. Он увидел медленно открывающийся в броне крейсера сегмент обшивки.

«Не упустить шанс!» – билась в голове воспаленная мысль.

Боевая машина устремилась вслед за охваченным пламенем, роняющим капли расплавленной органики истребителем.

– Родька, Юрген, прорывайтесь за мной! Внутрь крейсера, иначе нам крышка!

Он не услышал ответа. В небесах мельтешили отсветы ослепительных вспышек, древние конструкции причальной платформы передавали глухие удары и вибрации.

Охваченный пламенем фаттах, кренясь на один борт, все же вписался в проем шлюза.

Следом! Быстрее!

Органические бронеплиты начали обратное движение, но БПМ уже перевалила через низкий массивный порог, ворвалась в сумеречное пространство, где к чужому истребителю тянулись похожие на лианы бионические устройства. Белесая мгла ударила струями, сбила пламя.

– В десантном приготовиться! – Егор разрядил курсовые орудия, в клочья разнес фаттах, разорвал органическое кружево, пытавшееся объять поврежденную машину.

Грохот орудий. Стробоскопические вспышки, рвущие тьму. Внутренние ворота шлюза покрылись оспинами разрывов, не выдержали, надломились, раскалываясь на куски.

– Кормовая полусфера! Орудиям огонь! – выкрикнул он в коммуникатор.

Дима Щедрин и на этот раз не подвел! Внешние ворота не успели сомкнуться, их разнесло залпом! Теперь доступ внутрь крейсера открыт! Только бы Родька и Юрген сумели добраться сюда!

– Два сегмента грузовой платформы сбиты! – прорвался в сознание чей-то возглас.

Егор коснулся сенсора, отдавая последний приказ кибернетическим системам.

Режим – полный автомат. Распознавание и уничтожение целей.

Он сорвал гермоперчатки, поднял забрало боевого шлема, отстегнул страховочные ремни, встал, машинально выхватил импульсный «Шторм» из расположенного подле кресла оружейного захвата.

Мой выход…

* * *

Теплая, липкая тьма окутала его.

Десантировавшиеся следом люди воспринимались лишь краем сознания. Их массивные фигуры в бронескафандрах казались чудовищными, отвратительными.

Егор, не оглядываясь, пошел вперед. Секунда промедления могла сейчас стоить десятков жизней!

Сзади послышался рокот двигателя БПМ. Кому-то все же удалось прорваться!

Родька или Юрген?!

Коммуникатор молчал. Кибернетические модули импланта ушли в сбой.

Он перешагнул порог шлюза, оказался в просторном, плавно изгибающемся сумеречном коридоре.

– Егор, через пятнадцать метров ближайшая сигнатура стасиса!

– Ищите секцию антигравитационных двигателей! Постоянно передавайте информацию. Мои сканеры сбоят!

– Понял тебя! Мы уже работаем! Распечатывай стасис, нужна дополнительная энергия!

Коридор плавно уводил вверх. Там концентрировалось зеленоватое сияние. Огромный отсек, похожий на сводчатую пещеру, открылся взгляду по левую руку.

Бестужев остановился подле выроста приборной панели. Все выглядело чужим, незнакомым, но на уровне интуиции, подсознания его не покидала уверенность: отсюда можно отключить защитное поле!

Сияние, похожее на зеленое стекло, заточило внутри себя с десяток хонди. Рабочие у терминалов управления не в счет. Главное сейчас – это разумные особи. Они замерли, скованные стасисом, не завершив начатых движений. Глубже и дальше смутно просматривалась группа хондийский бойцов.

Егор прикоснулся ладонями к выросту, думая об отключении защиты.

Ощущения тепла и уюта сменились могильным холодом.

Все равно – отключить!

Раздался треск. Плоть коридора исказилась в конвульсии.

Проклятье! Внутренняя обшивка крейсера – живая! – мысль тут же истончилась, погасла под напором новых событий: зеленоватое сияние вдруг начало меркнуть, ближайший хонди шевельнулся, едва не упал, с трудом устояв на ногах, заметил Егора и тут же ринулся к нему.

Оружие!

Сколько раз он совершал простое, отработанное до полного автоматизма движение, но сейчас не смог: облако запаха оглушило его, руки мгновенно ослабели, а хонди уже был рядом, сбитый с толку, дезориентированный, удивленный.

Лицом к лицу.

Жвала насекомого шевельнулись. Егор машинально поднял руки, развернул их ладонями к хонди, отчаянным усилием попытался синтезировать повелевающий запах, но не вышло – он сам внезапно попал под контроль, ноги медленно подкашивались, тело отказывалось повиноваться.

Бестужев медленно опустился на колени. Тонкие усики выхлестнулись в его сторону, коснулись желез.

Отвратительное, сладкое, упоительное чувство.

Хонди осязал его.

Егор тонул в блаженном, извращенном наслаждении.

Ты наш?

Ты чужой?

Кто ты?

Он не нашел сил сопротивляться. Его окружили хонди. Они тянулись к нему в немом изумлении.

Кто ты?!

Группа бойцов не двигалась. Они не получили приказа и проявляли полное равнодушие к развитию событий.

Сознание уже не раздваивалось.

Я вернулся. Я свой. Снаружи вода и холод. Пустите меня в тепло!

Хонди не расступились, наоборот они подходили все ближе, каждый из них хотел осязать причудливое создание, понять, что оно такое?!

Тот, первый, держал его в плену запаха. Он понимал: происходит нечто необычное. Как и говорил Родион, сознание очнувшихся хонди оперировало гибельными ощущениями боя, отгремевшего столетия назад. Возможно, они думали, что корабль с поврежденными маршевыми двигателями только что совершил аварийную посадку?

– Егор, мы сканируем энергосеть! Не можем найти, где тут распределитель питания?!

Голос Щедрина на миг разорвал жуткое наваждение.

Бестужев поймал проблеск человеческого мышления. Искра, осветившая рассудок, заставила его вздрогнуть, губы шевельнулись, звуки универсального языка разбили напряженную тишину:

– Распределитель питания. Где он?!

– Что ты такое?! – в ответ проскрежетал хонди.

– Неважно! Поля стасиса перегружены. Возможен взрыв!

Хонди прямолинейны. В их семантике нет места лжи. Способы коммуникации разумных насекомых не подразумевают таких понятий, как «обман».

– Ты пришел от имени армахонтов? Они готовы сдаться?

– Если ты перераспределишь энергию.

– Зачем? – теперь хонди недоумевал.

– Взрыв уничтожит все вокруг. Армахонты хотят избежать этого, – Егор отчаянно импровизировал. – Я их посланник!

– Ты что-то другое!

Группа боевых особей пришла в движение.

Усики скользили по ладоням Егора. Он внезапно потерял способность мыслить самостоятельно, независимо. Запахи окончательно помутили рассудок. Наслаждение и боль. Ему предлагали умереть. Тихо и добровольно.

Он не выстоял. Все напрасно. Нас – множество. Ты один.

– Проклятье, Егор, тут везде тупики! Отсеки запечатаны стасисом! Ответь! Ты меня слышишь?

– Кто они?! – вопросительно проскрежетал хонди.

Язык онемел и распух.

Запахи не несут информации. Они никогда не поймут, кто я и зачем я тут! Повелевать… Повелевать! Повелевать!!!

Расширитель сознания уловил и распознал односложную мысль, метаболический корректор воздействовал на имплантированный нерв, и ладони Егора внезапно исторгли летучие химические соединения.

Хонди инстинктивно отшатнулся, словно вдруг увидел нечто немыслимое, невозможное!

Егор действовал на грани потери рассудка, удерживая в памяти лишь миг первого пробуждения после операции и сбивчивые пояснения Метелина, натолкнувшие его на интуитивное решение:

> *Он маркирует несуществующий здесь образ! Присваивает ему определенные запахи, модификаторы поведения, добиваясь достоверности!*

Самка.

Егор выделял летучие химические соединения, маркируя ими самого себя!

Я самка! Я несу жизнь! Ты обязан подчиниться!

Он отчаянно рисковал, не имея ни малейшего понятия об истинной иерархии хонди, но других вариантов не было!

Егор боролся, используя две грани своего сознания одновременно. Фоном служил запах, подчиняющий, безусловный, – хонди попали под его несомненное влияние и уже не осознавали, что информация им передается вербально!

– Где распределитель энергии?! – хриплые, надорванные звуки универсального языка заставили разумных хонди указать на вырост одного из многочисленных пультов управления.

– Энергию на антигравитационный двигатель! Поднять крейсер в воздух! – уже увереннее приказал Бестужев.

Сознание меркло.

Сил не хватало. Метаболический корректор стремительно истощал организм, поставляя имплантированным железам необходимые вещества. Повелевать!

Хонди безропотно подчинились. Они восприняли команду на универсальном языке!

– Егор, поля стасиса отключаются! Вторая БПМ на борту! Господи! – ударили автоматные очереди. – Их здесь сотни!

Корпус крейсера вдруг завибрировал.

В коридоре показались фигуры в бронескафандрах.

– Егор!

– Назад! – прохрипел Бестужев. – Сдерживайте их. Не дайте другим хонди проникнуть в этот отсек!

Крейсер оторвался от посадочной платформы, начал медленно подниматься в воздух.

– Юрген погиб! Третья БПМ уничтожена! Мы потеряли все сегменты…

– Родион, прочь! – заорал Егор, страшась потерять концентрацию воли.

– Отойди, я пристрелю их!

– Не смей! – силы таяли, но корабль уже парил над бушующими водами.

Больше не могу. Все кончено…

Запах, источаемый железами, терял насыщенность.

Голова разламывалась от боли. Если хонди сейчас очнутся от наваждения, прекратят манипуляции с бортовыми системами, мы погибнем!

Автоматные очереди били уже совсем близко. Бой шел в соседних коридорах и отсеках.

– Прекратить отключение полей стасиса!

Разорванное сознание то угасало, то возвращалось.

Он терял ощущение времени.

Темнота. Вспышки выстрелов. Крики.

Повелевать… – летучие химические соединения по-прежнему сочились из ладоней, окутывали Егора.

– Кто-нибудь, кто слышит… Живо ко мне… – выдохнул он в коммуникатор.

Темная фигура метнулась к Бестужеву.

Щедрин…

– Опиши, что происходит… – Егор не мог самостоятельно подключиться к датчикам, оценить обстановку.

– Корабль парит над стыковочной платформой! Мы едва сдерживаем хонди! Половина наших погибла! Сделай что-нибудь!

– Туда! – Егор указал на посты управления, подле которых разумные хонди ожидали его команд. – Карту! Голографическую карту! – потребовал он.

Железы на ладонях продолжали испускать повелевающий запах.

Тот хонди, что едва не убил его, покорно ждал распоряжений, видя в Егоре доминантное существо.

– Смотри! – Егор едва выдавливал слова. – Смотри! – он указал на маркер. – Лететь сюда! Совершить посадку!

Несколько секунд ничего не происходило, затем вдруг плавное ускорение едва не сбило Щедрина и Бестужева с ног.

Хондийский крейсер начал медленно разворачиваться, ложась на указанный курс.

Егор схватился за выступ стены. Он поседел. Глаза сочились безумием.

– Этот отсек… Загерметизировать… В остальные пустить отравляющий газ!

Он помнил, как сладострастно впитывал чужие запахи, изнывал от удовольствия, стоя на коленях.

«Я вас ненавижу…

Всех…»

Его вырвало.

Крейсер, сопротивляясь порывам ураганного ветра, скользил в пелене дождя, двигаясь в сторону гор, туда, где пятьсот человек ожидали их возвращения в полузатопленном колониальном убежище.

Глава 5

Хондийский нерв – это навсегда.

Я почти не помню дней, наступивших после захвата крейсера.

Ни проблеска надежды, ни сил. Каждая минута – борьба. Повсюду – запахи, искажающие сознание.

Нерв развивается. Он становится сильнее. Пишу урывками, в редкие минуты покоя, когда ощущаю себя человеком.

С дрожью думаю о будущем. Вернее, считаю, что его нет…

Егор Бестужев. Неопубликованное…

Борт хондийского крейсера. Месяц спустя…

Вслед за посадкой наступил Ад.

День за днем спешно сформированные боевые группы зачищали отсеки. Одно за другим отключали поля стасиса и тут же вступали в бой с мгновенно очнувшимися существами.

Егор принимал участие в каждой вылазке, но больше не пытался маркировать сам себя, подчинять разумных хонди – он инстинктивно их убивал.

Рассудок Бестужева не выдерживал постоянной, калейдоскопической, стремительной смены ощущений. Он испытывал жгучую ненависть к тварям, боялся их и одновременно переживал боль, сострадание при каждом убийстве.

Ситуация лишь усугублялась. Каждый новый успех отнимал частицу человеческой сущности, выжигал кусочек души Бестужева.

Он постепенно сходил с ума, терял рассудок.

* * *

В очередном отсеке царил сумрак. После отключения поля стасиса отбушевала короткая, беспощадная схватка. Люди, изможденные,

остервеневшие от крови, уволокли трупы чужих к молекулярному синтезатору.

Егор бессильно присел у стены.

Успехи мизерны. Жертвы несоизмеримы.

Что делать? Захватить корабль оказалось проще, чем контролировать его!.. Слишком мало мы знаем о чуждых, бионических системах.

Он видел, как люди постепенно звереют от крови. Метелин, будь он проклят, провалил имплантации. Генетический материал, взятый от боевых и рабочих особей, не прижился. Ни один из добровольцев так и не пришел в себя после операций. Пятеро человек утратили способность самостоятельно дышать, они до сих пор находятся в коме, на искусственной вентиляции легких, безо всякой надежды на благополучный исход…

…Родион Бутов осмотрел отсек, выволок из укрытия случайно выжившего хонди, вскинул автомат.

– Подожди! – Егор встрепенулся.

«Дальше так нельзя, – со страхом и тоской подумал он. – Нам нужна передышка. Иначе не выдержим».

– Чего церемониться? – зло спросил Родион.

Все постепенно сходили с ума.

– Сказал, подожди! – Егор собрал остаток сил, встал, подошел ближе, не отрывая взгляда от разумного хонди. – Держи его под прицелом! Если я не справлюсь – убей!

– Что ты задумал?

– Хочу допросить.

– На тему? – Бутов отступил на шаг, вскинул оружие.

– Пора прекращать вакханалию, – блекло ответил Егор. – Жизненного пространства и энергии уже достаточно.

– Но биомасса… – напомнил Родион, – мы так и не нашли ее источник! Не знаем, как нужно управлять подсистемами…

– Заткнись уже! Не отвлекай! – Егор вплотную приблизился к пленнику. Тот даже не попытался напасть.

Бестужев закрыл глаза. Модифицированный кибернетический модуль, недавно разработанный группой Шульгина, в сочетании с расширителем

сознания и имплантированным нервом позволял воспринимать простейшие мысленные образы, считывать и распознавать микроскопические сигнатуры, сопровождающие процессы высшей нервной деятельности у разумных хонди.

Егор еще ни разу не применял новый аппаратный комплекс на практике, но сегодня решил: рискну.

Он сконцентрировался. Привычным, болезненным усилием подавил обратную связь, приглушил влияние нерва, затем отдал ему осмысленный, четкий приказ, сформировал вокруг себя облако запаха, маркирующего его как друга, и обратился к хонди на универсальном языке общения:

– Крушение. Стасис не сработал. Мы на планете, – он говорил короткими фразами, сознательно задавая некие условия. – Как выжить? Еда?

Чужие мысли постепенно вторглись в сознание, окатили отвращением, дрожью.

Серая муть всколыхнулась на фоне смеженных век.

– Крушение. Стасис не сработал. Как выжить? Еда, – Егор монотонно повторял одни и те же слова.

Мгла начала принимать очертания, концентрироваться в формы объектов.

Он воспринял тусклый мысленный образ. Контур крейсера. Скалы. Бьющая из трещин вода.

– Точнее!

Долгое время мысленная картинка не менялась.

Затем он увидел себя. Мертвого. Истощенного.

Смех? Нет… Насмешливый скрежет!

Ты умрешь от голода, нечто…

Злоба мгновенно вспыхнула, но он с трудом подавил ее. Еще одна попытка. Придется снова пойти на это…

Железы испустили знакомый до отвращения запах самки.

Хонди вздрогнул, отшатнулся, затем вдруг покорно сник – попал под влияние древнейшего из инстинктов.

Бестужев ненавидел себя. «Я же клялся, что больше не пойду на такое!..» – одинокая, тоскливая мысль билась в помутившемся сознании.

Он и сам попал под воздействие, изнывал от терзающих разум извращенных порывов.

– Егор?! – голос Бутова проник в сознание, его рука легла на плечо. – Ты в порядке?

Наиглупейший вопрос!

– Нет!.. – яростно просипел Бестужев, слегка повернув голову, изнывая от желания одним ударом снести голову дерзкого хомо, посмевшего к нему прикоснуться!..

Родион не отступил. Он поймал взгляд Егора, цепко, бесстрашно удержал его.

Наваждение медленно отступало.

– Допрос, – коротко напомнил Бутов.

Бестужев с усилием сглотнул. Верно. Все – морок, иллюзия. Здесь нет хондийской самки. Только ее запах.

Хонди застыл в ожидании приказов.

– Еда? – выкарабкиваясь из плена запахов, упрямо и повелительно повторил Егор.

Очертания крейсера расплылись перед мысленным взором, стали нечеткими, зыбкими, затем вернулась острота восприятия. Он детально увидел подробности процесса: в днище пришли в движение сегменты органических бронеплит, из чрева космического корабля появилось нечто, отдаленно напоминающее корневую систему растения!

Новообразование росло, вытягивалось, ветвилось, впивалось в трещины, впитывало воду, проникало вглубь, постепенно отыскивая необходимые химические элементы и их соединения.

– Где? – дрожащим голосом спросил Егор. Он едва выдерживал напряжение ментального контакта, понимал: еще немного, и хонди выйдет из-под контроля, очнется от наваждения, перестанет отвечать, попытается убить!

Контур крейсера приобрел туманную прозрачность. Сквозь дымку проступили очертания трех расположенных на нижней палубе отсеков.

Он запомнил их, но не открыл глаза, не остановил допрос.

Губы дрожали от напряжения.

– Как управлять системой жизнеобеспечения?

Хонди дернулся всем телом.

– Отвечай! – железы на ладонях исторгли новую порцию феромонов. – Я хочу сохранить жизнь пленным хомо! Как перенастроить систему?!

Хонди не выдержал, ответил, но образы, возникшие в рассудке Бестужева, не несли смысла. Он видел лишь бесконечную череду постов управления и рабочих, сросшихся с ними.

– Выражайся яснее!

Плоть. Кусочки плоти. Хитиновые жвала, растирающие их.

– Накормить рабочих?! Мясом хомо?!

Хонди одобрительно заскрежетал.

– Все… – едва слышно выдавил Егор. – Я понял… Родька… Я ПОНЯЛ!

Бутов вскинул автомат. Сухо ударила короткая очередь.

Егор едва дышал. Спазм сдавил грудь. Мощные хемосигналы еще витали в воздухе. Нерв захлебывался ими, яростно давил на сознание. Плотина из кибермодулей едва сдерживала его натиск, но однажды она тоже не выдержит, рухнет…

– Узнал что-нибудь?

Бестужев с усилием кивнул, согнулся в судорожном кашле:

– Родька, в нагрудном кармане капсула с препаратом!.. Скорее!..

Через минуту стало легче. Медленно возвращалось человеческое мироощущение.

– Отведи меня к Метелину. – Егор еще корчился на полу, его били судороги. – Собери боевую группу!.. – он говорил хрипло, торопливо. – Нужно отключить стасис и зачистить три отсека на нижней палубе!.. Запомни: чтобы перенастроить систему жизнеобеспечения, нужно дать рабочим образец человеческой ДНК!..

– Как это – дать?! Зачем?!

– Они проанализируют наш метаболизм… Запомни… Номера отсеков… Там посты управления…

– Э, нет, брат! – Родион вогнал ему еще одну дозу «антихондийского» препарата. – Сам все сделаешь. Рано помирать собрался! Слышишь

меня?!

Сознание медленно прояснялось.

Нерв корчился.

Мстительное удовольствие. Жаль, что короткое…

– Руку!

Бутов помог ему встать.

– Сначала к Метелину!.. – Егор дрожал от перевозбуждения, не хотел терять ни секунды. – Затем на нижнюю палубу. Сам все поймешь!

* * *

С того памятного дня жизнь на борту крейсера начала постепенно меняться к лучшему.

Для всех, кроме Егора Бестужева.

Прошло полтора месяца. Дожди не прекратились. Климатическая катастрофа по-прежнему набирала мощь, но теперь у людей появился шанс, и первым о грядущем заговорил Малехов.

Совещание в узком кругу – обычное дело, но сегодня Роман Степанович вдруг затронул тему техносферы.

– Я, пожалуй, пойду, – Бестужев встал. Фантазии на тему величия человеческой цивилизации его уже не интересовали. Он стал реалистом.

– Задержись. Ты действительно не веришь в силу земных технологий? – Малехов укоризненно взглянул на Егора.

– Нет, – прямолинейно ответил Бестужев.

– Почему?

– Разве непонятно? Оглянись вокруг, Роман Степанович!

– Да, ты прав: мы на борту хондийского корабля. Очевидный намек, хотя несправедливый.

– Что ж тут обидного? – поддержал друга Родион. – Голая реальность. Технику мы потеряли.

– Верно, – присоединился к общему мнению Павел Стременков. – Нужно продолжать исследовать крейсер, а не мечтать о несбыточном. Благодаря Егору корабль пустил корни, закрепился на скалах,

самостоятельно извлекает химические элементы, вырабатывает биомассу! Теперь мы выживем, но воссоздать технологическую базу не сможем! Это же очевидно!

– Вы, трое, мыслите слишком узко! – запальчиво возразил Малехов. – Будь у нас достаточное количество сервов и другого оборудования – все сложилось бы иначе!

– Какой вообще смысл говорить о том, чего нет?! – глухо спросил Егор. Разговор его раздражал, казался пустой тратой времени.

– Нет, но будет! Очень скоро! – с непонятной уверенностью ответил Роман Степанович. – Павел прав: мы получили источник энергии, пищу, надежное укрытие. Пора двигаться дальше! Стихия пока что на нашей стороне! Вряд ли эшранги или хонди решатся сейчас на ответный удар. Нужно с толком использовать полученные преимущества!

Егор с усилием сглотнул. В словах Малехова звучала безрадостная перспектива. Учитывая пять провальных имплантаций, мне придется управлять кораблем в одиночку, контролировать множество параметров. Об удалении нерва уже и речи не идет!..

– Да, Егор, тебе придется несладко, – Роман Степанович по выражению лица понял, о чем сейчас думает Бестужев, – но, поверь, не все так мрачно и безысходно!

Бестужев сидел, не поднимая взгляд. Ему хотелось поскорее уйти, оказаться в одиночестве, так легче контролировать нерв. В присутствии людей приходилось постоянно обуздывать двойственность восприятия. Всплески чуждых инстинктов становились все чаще. Нерв одерживал маленькие победы – борьба с ним шла на пределе психологической устойчивости.

– Команда Метелина работает над усовершенствованием кибернетического адаптера. Данные, полученные от твоего импланта, уже проанализированы. Влияние нерва велико, но Вадим обещает существенно ограничить обратную связь, снизить воздействие чуждых инстинктов.

– Хотелось бы…

– Ты обязательно вскоре получишь усовершенствованный чип! Но я хотел бы поговорить не о текущих трудностях, а о перспективах

нашего развития.

В душе Егора мгновенно всколыхнулась злоба, граничащая с ненавистью. Все чаще возникало неодолимое желание наброситься на Малехова, придушить его! Текущие трудности… Влез бы в мою шкуру…

– Почему только мы трое? – резонно спросил Родион. – Если говорим о перспективах, где руководители научных групп?

– Они получат конкретные исследовательские и технические задания, – Малехов ответил небрежно, словно отмахнулся от вопроса. – Людям нужна передышка. Они побывали на краю гибели, в ситуациях, к которым не были готовы. А вы справились, да и меня встряхнули, заставили действовать, когда руки, честно говоря, уже опустились! Я умею признавать слабости и ошибки. Мое противостояние с Андреем Игоревичем едва не погубило всех. Когда Русанов погиб, ситуация вообще вышла из-под контроля, все развалилось, словно карточный домик! Он был прав: у нас нет выбора! Только интеллектуальная мощь, сжатая в кулак, даст нам шанс пережить климатическую катастрофу и развиваться дальше!

– Мы при чем? – не унимался Родион.

– Не понимаешь? Ладно. Отвечу прямо: возрождение корпорации потребует жестких мер, решительных действий. Кто поддержит меня?

– Разве мало мотивации? – удивился Стременков. – Все поддержат!

– Желания жить – мало, как показала практика! Вспомни, что происходило пару месяцев назад? Расползлись по углам, смирились! Суицидники! – презрительно обронил он и тут же добавил: – Я и себя включил в список! Мы разучились бороться за жизнь, но вы – другие.

– Ладно, допустим, – грубая лесть подействовала на Родиона.

– У вас тоже есть один недостаток, – Роман Степанович присел на край черного глянцевитого выступа. Отсеки хондийского корабля еще предстояло приспособить под нужды людей. – Недоверие к машинам, пренебрежительное отношение к технологиям и знаниям. Поэтому мы сегодня и собрались в узком кругу. Хочу поделиться некоторыми соображениями, открытиями – да не удивляйтесь, я сделал ряд ошеломляющих открытий, анализируя информацию, собранную Русановым еще до нашего пробуждения. Вы должны меня выслушать.

Слепой веры не потребую, но, надеюсь, скептицизма у вас поубавится. Готовы?

– Говори уже, – процедил Бестужев. – Не тяни.

– Ладно, к делу, – Малехов включил информационную систему. – Мы должны овладеть технологией стасиса, – неожиданно заявил он.

– Для чего? – спросил Родион.

Малехов порывисто встал. Он заметно нервничал, был возбужден, в его голове роились планы, но их воплощение требовало сломить недоверие, скептицизм троих друзей. «Они – моя единственная опора, по крайней мере, сейчас, – думал Роман Степанович. – Но без веры или хотя бы уверенности в конечном результате они меня не поддержат». Ему приходилось нелегко, ведь нужно подобрать слова, понятные пандорианцам, привести доводы, которые они воспримут.

– Эшранги, хонди, ц'осты и другие, так называемые «младшие, расы» полностью заслуживают уничижительного обобщения, – он начал издалека. – Простое любопытство, свойственное людям, напрочь у них отсутствует! Только подумайте – имея на борту кораблей уникальнейшее оборудование, способное локально остановить время, они не экспериментировали с ним!

– Может, причина в строгом запрете? Я слышал, армахонты категорически запрещали любые исследования в области пространства-времени, – высказался Стременков.

– Оберегая свое господство! – запальчиво уточнил Малехов.

– Разгадать технологию стасиса нам не под силу, – угрюмо произнес Бестужев.

– Во-первых, не разгадать, а изучить! Во-вторых, нет необходимости воспроизводить устройства, их можно демонтировать с хондийских кораблей, благо обломков вокруг в избытке! И, в-третьих, кто мешает нам использовать уникальную технологию в сочетании с нашими собственными достижениями? Да, я согласен, на изучение принципа действия установок уйдут десятилетия, если не века! Но, – он взглянул на Егора, – Бестужев не даст соврать – запустить процесс стасиса нам под силу!

– Верно, – Бестужев кивнул. – У генераторов есть режим ручного управления. На случай отказа автоматической системы. Но все равно не понимаю, что нам даст локальная остановка времени?!

– Бескрайние возможности! – воскликнул Малехов.

Родион с подозрением покосился на него. Похоже, Роман Степанович сегодня не в себе?

– Я полностью изучил данные, хранившиеся в кибстеке Русанова. Там есть один прелюбопытный файл: фрагмент бортового журнала хондийского корабля! Не знаю, как он его достал и перевел, но изложенные факты просто ошеломляют!

Трое пандорианцев внимательно слушали.

– Корабль, о котором идет речь в записях, был выращен на планете, поднят в космос, затем отправлен по внепространственной сети на одну из удаленных баз армахонтов для установки систем стасиса. Когда хонди получили его обратно, то при ходовых испытаниях произошла поломка, и несколько отсеков подверглись воздействию стасиса. Внимание Русанова привлек тот факт, что хонди, оказавшиеся в поврежденных отсеках, не выжили! Когда установки защиты отключили, часть корабля выглядела состарившейся, практически разрушенной, а члены экипажа были мертвы! Отчет о состоянии их тел наводит на мысль о стремительном старении их организмов! Крейсер пришлось вернуть на реконструкцию. Как вы думаете, о чем свидетельствует запись?!

Родион лишь недоуменно пожал плечами, а вот Павел встрепенулся:

– Время в поврежденных отсеках ускорилось? – предположил он. – Генераторы превратились в ускорители темпорального потока?!

– Верно! – Малехов возбужденно расхаживал по отсеку. – Следуя логике, каждое устройство должно проходить многократные испытания, то есть причина сбоя не в настройках, она более проста, тривиальна!

– Ошибка при подключении к бортовой сети? – предположил Павел. – Что-то типа случайной смены полярности?

– Да! Халатность при монтаже! Самое простое объяснение!

– Все равно не понимаю! – Егор снова злился. – Остановка или ускорение времени, нам-то что?

– Объясню. – Малехов вернулся к комплексу информатория. – Я тут подготовил наглядную демонстрацию. Допустим, мы демонтируем генераторы защиты из нескольких отсеков крейсера. Устанавливаем их вот тут, – он отметил на голографической модели трех плоскогорий старую, так и не введенную в эксплуатацию шахту. – При строительстве первичного убежища сервы обнаружили полезные ископаемые, которыми никто еще не воспользовался. В нашем распоряжении имеются молекулярные синтезаторы, а также точные чертежи высокотехнологичных машин. Кроме того, уцелели девять аграрных роботизированных комплексов! По сути, их специализация не важна. Любая из планетарных машин универсальна, ее можно переоснастить, к примеру, установить промышленные модули, благо различной поврежденной или полуразобранной техники у нас в избытке! Мы перепрофилируем имеющиеся аграрные механизмы – такая задача потребует времени, энергии, вылазок на поверхность, но она решаема! В итоге, по моим подсчетам, мы сможем собрать пять автоматических индустриальных комплексов и две рудодобывающие машины. Добавим к ним один молекулярный синтезатор, объединим все перечисленные компоненты в единую систему, введем техническую задачу, а затем разместим их в шахте и запустим установки, которые ускорят течение времени в локальном объеме пространства, захватывающем рудник и прилегающие территории!

– Время ускорится лишь для машин? – спросил Родион.

Малехов торжествующе кивнул.

– Чтобы жить и развиваться дальше, не став заложниками хондийского корабля, нам катастрофически не хватает планетарных механизмов! Говоря проще – необходим очаг техносферы! И сервы создадут ее! Главный принцип, сформулированный для колониальной техники, звучит очень просто: «Машины должны производиться машинами!» Ускорив время, мы получим ошеломляющий результат за достаточно короткий период! Десяток сервов произведут сотню себе подобных, те, в свою очередь, приступят к организации более сложных производств!

– Сколько времени пройдет для нас? – спросил Егор.

– Не знаю. Пока не знаю! – Малехов эмоционально жестикулировал, его заводила сама идея, возможность осуществить невероятный прорыв, вернуть ту техническую мощь, что погибла вместе с колониальным транспортом. – Это мы сможем выяснить только путем экспериментов!

– Опасно. – Родион в такие моменты часто проявлял осторожность. – Может быть, армахонты не зря строго запрещали любые манипуляции с пространством и временем?

– Волков бояться – в лес не ходить! – Роман Степанович не желал слушать возражений, он даже не заметил, как недоуменно переглянулись пандорианцы, услышав совершенно непонятное для них выражение. – Развиваясь обычными темпами, мы не переживем климатическую катастрофу! Более того, хонди и эшранги не оставят нас в покое! Мы напали на них. Захватили крейсер. Продемонстрировали свое превосходство! Да и горный участок местности с удобно расположенными плоскогорьями, пригодными для организации безопасного поселения – лакомый кусочек, верно?

– В покое нас не оставят, это точно, – согласился Родион. – Эшранги мстительны. Они не прощают нападений.

– Нужно учитывать, что климатическая катастрофа обострила конфликт. При медленном развитии нам грозит неизбежная гибель. Любой риск сейчас оправдан. Хуже не будет, поверьте!

– Нас-то зачем убеждать?

– Выжившая часть экипажа примет мою логику. Но для успеха крайне важно, чтобы все без исключения действовали сообща! Вы – безусловные лидеры. После захвата крейсера не только пандорианцы признают это, но и земляне! Я хочу, чтобы вы поверили – мы не просто выживем, а добьемся тотального превосходства над эшрангами и хонди! Здесь, – Малехов указал на компьютерную модель трех безжизненных плато, – здесь мы возведем город, создадим очаг техносферы в синтезе с природой Земли!

Его слова захватывали воображение. Даже Бестужев ожил, стряхнул непосильный груз постоянной борьбы с хондийским нервом.

Каждый видел разные картины вероятного будущего, но все сходились в одном: Роман Степанович не фантазировал, он предлагал реальный,

хоть и сопряженный с немалым риском путь!

– Егор способен управлять подсистемами крейсера, – Малехов ненавязчиво перешел к распределению обязанностей. – Родион на сегодняшний момент единственный, кто может грамотно организовать и возглавить оборону поселения. И, наконец, ты, – он перевел взгляд на Стременкова, – ты показал удивительный результат имплантации, не спасовал, когда мы все расписались в бессилии. Хочу попросить: возглавь исследование установок стасиса!

– Не справлюсь. – Павлу, конечно, льстило доверие, но…

– Справишься. У тебя нет комплексов. В твоем распоряжении знания и опыт, накопленные учеными корпорации!

– А какие комплексы? – удивился Стременков.

– Специалистов нужного профиля осталось лишь двое, – объяснил Роман Степанович. – Оба хорошие ученые, но их взгляд на технологии, пока непостижимые для человеческого разума, скован, ограничен рамками известных исследований, существующих теорий. Уверен, они станут осторожничать, ходить вокруг да около, а нам необходим результат! И как можно быстрее!

– Хорошо, попробую. – Павел выглядел растерянным, но Малехов интуитивно подчеркнул главное – он не боялся. Непостижимость конструкции установок стасиса, да и сам факт предполагаемых манипуляций со временем не вызывали у него панического страха.

– Родион, что скажешь?

– Я-то не против. Хотя вопросов много. Для организации обороны потребуется техника и люди!

– Ну, с людьми у тебя проблем не возникнет. Многие проявили себя в боях при зачистке отсеков корабля. К тому же не забывай: они ученые, с их помощью ты сможешь разобраться в устройстве плазмогенераторов и лазерных излучателей крейсера!

– А управлять ими? – спросил Егор.

– Понимаю твое беспокойство. Но мы тебя не бросим один на один с чужим кораблем! Учитывая неудачные имплантации, я бы сейчас сделал ставку на разработку кибернетических устройств, которыми мы

продублируем наиболее важные хондийские системы. Обещаю: скоро нам станет значительно легче! Ну, как?! Принимаете назначения?

– Мне деваться некуда, – хмуро ответил Бестужев.

Родион кивнул, Павел тоже. Выбора все равно нет. Да и идея возрождения техносферы выглядела многообещающей.

«Малехов чем-то неуловимо стал похож на Русанова», – подумал Егор, заметив в глазах Романа Степановича азартный, торжествующий блеск.

* * *

На практике все происходило намного тяжелее и медленнее, чем предрекал Малехов.

Исследования установок стасиса продвигались трудно, и Егор попрежнему оставался один на один с подсистемами чужого корабля.

Внутри хондийского крейсера царил теплый сумрак, рев бушующей стихии глох за толстой обшивкой, сюда не проникала вода, лишь частые камнепады давали знать о себе сериями коротких вибраций.

Повсюду виднелись следы затянувшейся реконструкции. По стенам замысловато изгибающихся коридоров были протянуты кабели, вместо кожистых мембран доступ в некоторые отсеки преграждали двери из металлопластика. Люди задались целью превратить чуждый объект в гибридное сооружение, но острая нехватка оборудования и материалов существенно замедляла процесс.

С хондийскими системами пришлось смириться. Они доминировали. Под сводами помещений пульсировали, издавая сиплые звуки, бионические устройства жизнеобеспечения, на первый взгляд отвратительные, похожие на внутренности, но эффективные и пока незаменимые. Корабль дышал, но каждый его вздох так или иначе контролировал Егор Бестужев.

Он изменился, осунулся, стал еще более нелюдимым, чем прежде.

Перемены его не радовали. Постепенно налаживающаяся жизнь проходила мимо, он наблюдал ее лишь краешком сознания.

Люди сторонились Бестужева, хотя многие даже не подозревали, как именно он контролирует подсистемы хондийского крейсера.

– Что со мной не так? – однажды спросил Егор у Родьки.

– Выражение лица, – прямо ответил Бутов.

Бестужев подошел к тактическому комплексу, поймал свое отражение в глубине погашенного экрана.

Худой. Небритый. Не выспавшийся. Что здесь такого? Земляне выглядят не лучше, после длительного криогенного сна и тягот, перенесенных в убежище, они все еще изможденны, остролицы, нервны.

– Не красавец, конечно, но чего пугаться-то? – Он провел ладонью по многодневной щетине на подбородке.

– Выражение лица, – повторил Родион.

Бестужев хмыкнул.

– Ты себя со стороны не видишь. Лицо, как маска.

– Серьезно?

– Мимики нет. Взгляд тяжелый. Тут любой посторонится, дорогу уступит, – Бутов подключил к датчикам крейсера только что доставленный из ремонтных мастерских кибернетический комплекс, взглянул на оживший экран, запустил программу тестирования. – Ходишь, как призрак, вечно в себе, меня и то через раз замечаешь.

Бестужев мгновенно разозлился.

– Я контролирую систему жизнеобеспечения, не забыл?!

– Не психуй. Помню, – Бутов развернул кресло. – Жить начинай, Егор, – посоветовал он. – Хондийских рабочих мы для чего пощадили? Ты слишком много на себя взвалил! Им ведь заданы параметры? Они выполняют твои приказы?

– Да.

– Вот и не загружайся. К Насте зайди. Она постоянно о тебе спрашивает.

«Он тоже ничего не понимает», – устало, уже без злобы подумал Егор.

Хондийский крейсер огромен и сложен. Пятьсот человек словно растворились в нем. Каюты экипажа удалось расположить компактно, а вот рабочие места разбросаны по разным помещениям, многие, добираясь до своих лабораторий, проделывают путь в несколько

километров по извилистым, переплетающимся коридорам. И все «обжитые» отсеки приходится контролировать, проверять ежесуточно!

«Не загружайся…» – слова Родиона прозвучали, как злая насмешка! Егор с трудом удержался, чтобы снова не вспылить.

– Как Паша? – он сменил тему в попытке сохранить самообладание.

– С головой в исследованиях, – Бутов, видимо, пошутил, намекая на явные злоупотребления прямым нейросенсорным контактом. – Я, кстати, вчера вечером к тебе заходил, но не застал. Почему ты перестал рисовать, Егор?

– Пойду я, – неуклюжее участие Родиона выводило из себя.

– Эй, ну подожди!

Живая мембрана чавкнула за спиной Бестужева.

Оказавшись в коридоре, он прислонился к бугристой стене, часто и тяжело дыша.

Вспышки ненависти обычно заканчивались отвращением к самому себе, дрожью, липким потом, чувством бессилия.

Стена едва заметно пульсировала. Она источала сложный, но неуловимый для обычного человеческого обоняния букет запахов, несущий вполне определенную информацию.

Корабль жил. Жил самостоятельно, воспринимая людей, как букашек, забравшихся в его чрево. Родька ничего не понимает! Никто не понимает! Ни шлюзы, ни фильтры, ни датчики не помогут, если крейсер вдруг решит избавиться от чуждых биологических форм! Егор отчетливо представлял, как именно все может произойти.

«Я, пожалуй, выживу», – приступ иного мировоззрения медленно отпускал.

Стена вдруг начала вспучиваться. На поверхности выступили капельки жидкости.

Егор боролся несколько секунд, затем не выдержал, метнулся взглядом по сторонам.

Никого.

Он прижался ладонями к бугрящейся поверхности, стал жадно слизывать капельки. Они обжигали язык, но несли покой, успокаивали нерв, дарили забвение.

Корабль медленно, день за днем незаметно порабощал Бестужева, ставил его на колени.

Нет! – он отшатнулся, оторвал ладони от бугров на стене, вспышка ярости затопила рассудок, сметая отвратительные желания, возвращая ясность мыслям.

Нерв мгновенно отозвался звенящей, оглушающей болью.

Бездна, в которую падал Егор, не имела дна. Он ненавидел себя, ненавидел нерв, острые чувства все чаще и чаще проецировались на окружающих его людей.

Он застрял между крайностями. Новый адаптер не помогал. Обратная связь с нервом, его влияние на рассудок не ослабели. Сейчас Метелин работал над новым устройством, но будет ли толк, неизвестно. Значит, выхода по-прежнему нет. Либо нерв возобладает, превратит меня в хонди, по меньшей мере, психологически, либо я добью его препаратами.

Оба варианта – тупик, гибель.

Травить нерв, конечно, приятно. На некоторое время наступает мстительный покой, но связь с кораблем становится зыбкой, неявной. Егор так и не выяснил, есть ли у крейсера мозг? Что-то, сопоставимое с понятием «центральный бортовой компьютер»?

С кем я сражаюсь? С собой или с ним?

Не принимать препараты? – он шумно выдохнул, с омерзением взглянул на стену, покрытую капельками маслянистой жидкости.

Сломаюсь. Сдамся.

Метелин, гад, только вздыхает да руками разводит. Мол, кто же мог предположить, что небольшой фрагмент чужой нервной ткани способен к столь сокрушительному воздействию на человеческий мозг? Вы, Егор Андреевич, сильно преувеличиваете негативную сторону процесса! Нужно бороться! Это ведь ваша психика формирует образы, желания, мотивации!

Урод!

Бестужев пошел вверх по коридору.

Каждый квадратный сантиметр стен источал сложные летучие химические соединения. Железы на ладонях Егора постепенно

оконтурились микроскопическими обонятельными рецепторами. Запахи, наполняющие корабль, кодировали поведение, несли информацию, служили маркерами. «Остается лишь благодарить ту пропасть, что лежит между образом мышления человека и хонди, иначе корабль давно бы подчинил, запрограммировал меня, будто обыкновенную низшую особь!» – мрачно размышлял Егор.

«Метелин ошибается! Нерв не просто раздражитель. Он интерпретатор! В мое сознание приходят далеко не односложные импульсы! Я меняюсь. Ежеминутно, незаметно. Но этот круг не разорвать! Подчинюсь – корабль меня поработит. Буду часто глушить нерв – корабль получит свободу действий. Нужно выяснить, есть ли у него мозг?..»

...Егор медленно брел по коридору. Он мог часами, сутками напролет блуждать по крейсеру, считывая информацию.

Странно, что Русанов сумел найти нечто, сравнимое с бортовым журналом, – мысль не давала покоя.

По ощущениям Егора, каждый отсек хранил запись событий, происходивших в его границах, бионические базы данных содержали информацию обо всех важных происшествиях, начиная от «рождения» крейсера и заканчивая днем сегодняшним.

Бесконечный информационный поток. Исследование одного помещения способно занять всю жизнь, учитывая, что кораблю лет пятьсот, не меньше.

Егор терялся в догадках. Он научился управлять несколькими подсистемами, но дальше дело не шло.

Изучение главного поста управления ничего не прояснило. Система автоматизации не поддавалась пониманию. Как работает автопилот? Кто или что осуществляет контроль двигателей, силовой установки, выполняет миллионы рутинных операций?

Тщательное сканирование не выявило в структуре крейсера крупных скоплений нервных тканей.

Значит, бортовой нейрокомпьютер в качестве отдельной системы просто не существует?

Оставались только хондийские рабочие. Через них Егор управлял кораблем. Он формировал приказы, а кибернетический адаптер преобразовывал мысленный образ человека в сигнал, заставляющий железы выделять строго определенные сочетания летучих химических соединений.

Вечно так продолжаться не может. Рабочие особи, сросшиеся с ключевыми постами, живут недолго. Что произойдет, когда они погибнут? Кем мы их заменим?

Каждый день как последний. Только вот окружающие ничего не понимают! Шарахаются, останавливаются, жмутся к стенам, уступая дорогу, словно видят во мне монстра!

Погрузившись в тяжелые мысли, Бестужев не заметил, как изгибающийся спиралью коридор привел его к верхним палубам крейсера.

Нерв вдруг содрогнулся от боли.

Егор замер. Проклятье! Опять техники напортачили! Говорил же: не трогайте ничего без крайней необходимости!

Мертвый участок стены не источал иных запахов, кроме удушливого смрада сгоревшей органики. В переборку был врезан шлюз. Рядом на твердеющей, обожженной поверхности кто-то росчерком лазера вывел указатель направления: «Боевой пост № 17, плазменная батарея».

Сквозь боль прорвался образ.

Родька спросил, почему я бросил рисовать?! Егор с трудом отогнал жуткое видение. Уцелевшие после реконструкции стены сочились желанием мести. Он видел людей, вооруженных ручными лазерами и плазменными горелками, – они задыхались, их окружал токсичный туман, стены бугрились, вытягивали в сторону захватчиков длинные щупальца, душили их, рвали на части.

Он начал медленно стирать мысленный образ, словно вел ластиком по листу бумаги.

Железы на ладонях отреагировали, посылая в атмосферу коридора хемосигналы. Он гасил причиненную бригадой инженеров боль, успокаивал корабль, ласково шептал ему: не злись, так нужно.

Стены постепенно перестали бугриться.

Очередной приступ бессилия окатил жарким, липким потом. Испарина по телу. Дрожь в мышцах. Слащавое отвращение в мыслях – по-настоящему хотелось не успокаивать корабль, а врезать ему, чтобы знал, мы пришли надолго, навсегда, мы теперь тут хозяева!..

Нет. Не переводить образ!

Егора трясло. Он еще не освоил трудную, а возможно – недоступную науку управления, вот и приходилось ласково шептать, изнывая от ненависти, от чуждости окружающего, содрогаться от боли, вновь и вновь испытывать ее при каждой реконструкции.

«Ничего, – запретная мысль все же просочилась в сознание. – Я выдержу. Скоро в крейсере отпадет необходимость. Только бы у Паши Стременкова все получилось!.. Машины, создающие другие машины. Стальная лавина. Мощь, которая сотрет чужих, уничтожит их! Слышишь, нерв? Тебя вырвут, пусть с мясом, как получится, но вырвут!»

Вспышка злобы не пошла на пользу.

Сил с каждым днем становилось все меньше. Попадись сейчас Егору на глаза кто-то из инженеров – наверняка избил бы до полусмерти!

* * *

Придя в себя, погасив боль и злость, он осмотрелся.

В голове звенело, словно после контузии. Эта часть корабля постепенно успокоилась.

Зачем тут смонтировали шлюз? Батарея плазмогенераторов расположена дальше, вверх по коридору.

«Сектор гидропоники» – табличка у входа не сразу попалась на глаза, восприятие давно сместилось в сторону чтения хондийских маркеров – еще один тревожный сигнал, свидетельствующий о глубоких процессах изменения психики.

«Мне же удалось инициировать рост корневой системы крейсера! Корабль получает питательные вещества и преобразует их в необходимые для жизнеобеспечения ресурсы!» – им вновь овладело раздражение.

Рука коснулась металла. Холод обжег ладонь. Хонди теплолюбивы, и Егор не избежал деформации восприятия. Холод означает смерть.

Чуждый материал. Холодный и мертвый.

«Заткнись!» – в последнее время он все чаще и чаще обращался к имплантированному нерву, как к некоему одухотворенному существу.

Сознание, разорванное на две половины, пыталось адаптироваться, примирить два разных мировосприятия, но результаты выглядели ничтожными, смехотворными, синтез не возник, шла постоянная изматывающая борьба, где верх попеременно одерживала то одна, то другая личность.

Их союз, мирное сосуществование казалось невозможным.

Холодная сканирующая пластина не сразу отреагировала на прикосновение, поначалу у входа в реконструированный сектор зажегся красный сигнал, и лишь через некоторое время, после повторной попытки идентификации массивная дверь дрогнула, открывая вход в шлюз.

Яркий, нестерпимый свет резанул по глазам.

Ждите. Идет процесс дезинфекции – высветилась надпись на информационном экране.

Острый медикаментозный запах оглушил обоняние.

Запах чистоты, стерильности – далекое воспоминание, казалось, принадлежит другому человеку.

Егор терпеливо выдержал процедуру, дождался, пока откроется внутренний люк, переступил порог и оказался в огромном помещении.

Растения, высаженные рядами, образовывали ярусы. Зелень едва пробилась в виде ростков, корневая система, погруженная в аэрируемый питательный раствор, выглядела более развитой, чем юные побеги. Каждое растение занимало отдельную прозрачную емкость, в общем восприятии отсек выглядел пустым, скелетообразным. Повсюду каркасы, источники света, емкости, шланги, кабели, трубопроводы, еще не закрытые кожухами. Полутораметровые зазоры между ярусами посадок, видимо, предназначались для развития зеленой вегетативной массы.

– Егор? – кто-то радостно окликнул его.

Бестужев огляделся и вдруг заметил Настю – она спешила к нему, снимая тонкие перчатки.

Душа очнулась, встрепенулась на миг и тут же снова нырнула в сумрак.

Настя ему нравилась, до невольного замирания сердца, до боли в груди, когда случайно встречались их взгляды.

– Привет! – Настя замедлила шаг, на ее лице появилась растерянность, но через миг робкая улыбка коснулась черт. – По делу зашел? – она теребила в руках перчатки. – Проходи. Отсек недавно реконструирован, но тут все в порядке, не волнуйся!

Егор чувствовал: нужно развернуться и уйти.

– Зачем нам гидропоника? – вместо этого хрипло спросил он.

Настя остановилась.

– Пища. Нормальная человеческая пища. Знаешь, сколько здесь сортов растений? Сотни!

– Откуда? – удивился Бестужев.

– Из запасов криогенных модулей! Ты разве не помнишь? Когда открыли «Курганы Спящих», там, в отдельных хранилищах, нашли семена многих земных растений!

– Не помню, – признался он. – Пожалуй, я пойду. По ошибке не там свернул.

– Подожди! – Настя коснулась его руки. – Избегаешь меня? Жалеешь? Ответь – почему? – она пристально взглянула ему в глаза. – Только не лги, прошу!

– Из-за хондийского нерва, – глухо ответил он. – Он меняет восприятие…

– Пустяки, – она улыбнулась, вопреки внутренней дрожи. – Прошу, не уходи!

– Ты ничего не понимаешь! – он поднял взгляд.

– Может, и не понимаю… – Настя потупилась. – Но ты постоянно один. Всех сторонишься. Как нерв меняет восприятие? Что ты чувствуешь?

Душа сжалась. Снова вспыхнула боль. Хотелось смахнуть слезинку с ее ресниц.

– Егор, так нельзя! – она решительно взяла его за руку. – Останься. Прошу. Пойдем, покажу тебе…

– Дел много, – он ответил сумрачно, решительно.

– Нет! – Настя крепче сжала его руку. – Один раз живем, Егорушка… – уже тише добавила она. – Я не боюсь. Поверь!..

Ее ладонь разжалась, но тепло прикосновения не исчезло, оно жгло, и нерв внезапно притих, зато в душе всколыхнулась буря эмоций, захлестнула, лишила рассудка…

* * *

С Настей Егор снова почувствовал себя человеком.

Нерв неожиданно сдался без боя. Бестужев ожил, словно родился заново, с ним произошло что-то невероятное, немыслимое! Мир вокруг изменился, предстал в совершенно ином свете.

Эти ощущения трудно передать.

Истерзанный страхом, озлобленный, доведенный до грани сумасшествия, он, не сумев погасить вспышку вырвавшегося на волю чувства, полностью отдался ему.

Темный свод отсека смыкался над ними. Егор не ощущал запахов. Поток прохладного воздуха овевал разгоряченное лицо, но это не раздражало, как прежде.

Неделя счастья.

Семь дней без препаратов, без изматывающей борьбы. Не верилось, что такое вообще возможно…

Приходя вечером, Егор всегда надевал перчатки, пряча железы на ладонях. Это срабатывало.

Настя встала, включила свет.

– Есть хочешь?

– Угу, – он лежал на спине, тонул в ощущениях незыблемого, всеобъемлющего покоя.

– Щедрин перенастроил синтезатор. Пищевые брикеты, если честно, надоели. Видеть их не могу, – она уже накрывала на стол. – Чем пахнет? Узнаешь?

– Нет, – Егор наблюдал за ней, невольно любуясь.

– Мясо.

– Настоящее? – недоверчивая улыбка тронула его губы.

– Ну, хорошо, синтезированное, – она тоже украдкой смотрела на него, словно до сих пор не верила своему счастью. – Мыть руки и к столу! Ох, извини, – она запоздало вспомнила про перчатки.

– Нормально. Он заткнулся, – оба поняли, что Егор говорит о хондийском нерве.

– Совсем? А как же работа?

– Когда ты рядом – молчит, – Егор сел на пустой контейнер. Меблировка жилых отсеков по-прежнему изготавливалась из подручных материалов. – Ну, давай попробуем?

Они поужинали, болтая ни о чем. Действительно важных событий в их жизни хватало с избытком, но каждое несло боль.

– Помнится, ты меня совсем не замечал, – Настя коснулась прошлого. – А я так волновалась, ждала… – она невольно покраснела.

– Ошибаешься. Замечал.

– Правда? Почему же тогда… – она вдруг окончательно смутилась – Я из «младших»? Только поэтому?

– Ты повзрослела, – он улыбнулся.

– Но я и была взрослой! Семнадцать лет!

– Не возраст, – усмехнулся Егор. – Мне было девятнадцать. Помнишь старые традиции?

– Да. Родители нас чересчур опекали. И тем труднее оказалось без них, – вздохнула Настя.

Егор нахмурился. Набег мутантов он старался не вспоминать. Гибель всего взрослого населения колонии внезапно вытолкнула их вперед – троих девятнадцатилетних ребят. Жизнь разделилась на «до» и «после». Было тяжело и страшно. Даже хуже, чем в затопленном убежище.

– Егорушка, – Настя убрала нехитрую посуду, подошла, обняла его, прижалась. – Знаешь, о чем я мечтаю?

– Нет.

– О будущем. Когда все закончится. Прекратятся дожди. Мы построим дом, да? У нас будут дети, представляешь?

Егор невольно зажмурился, возникла неловкая пауза.

– Это ведь будет, да? – она не отступилась от темы.

– Не скоро, – отрывисто ответил он.

– А как ты думаешь, когда? – Настя заглянула ему в глаза.

– Потом… – хмуро и неопределенно ответил Егор.

Настя некрасиво усмехнулась, села напротив.

– Извини, что спросила. Просто, помнишь, мы когда-то ждали прихода Весны, а чем обернулось потепление?

Егор помрачнел. «Наши жизни висят на волоске, судьба под вопросом. Мы пленники хондийского крейсера». – Мурашки пробежали по коже.

– Настенька, – он, как мог, попытался сгладить угловатость, напряженную неловкость фраз: – Давай сейчас закроем эту тему. Поговорим, когда я избавлюсь от нерва. Убью его. Или удалю.

Настя грустно улыбнулась, с трудом сдержала слезы, кивнула:

– Я знаю, у нас все будет… – тихо, с надрывной надеждой проговорила она. – Прости. Больше не буду спрашивать.

Егор лишь кивнул.

В этот вечер он впервые всерьез подумал: «Я удалю нерв! Ради нее… Чего бы мне это ни стоило!»

* * *

Они уснули.

Мембрана, закрывающая вход в отсек, вдруг начала уплотняться, утратила проницаемость. Потолок взбугрился, на нем появились капельки отвратительно пахнущей жидкости.

Настя спала, обняв Егора. Нерв притаился, он ощущал угрозу, опасность, исходящую от девушки, но не мог защититься – в последнее время он постоянно проигрывал короткие схватки с человеческим рассудком.

Егор не почувствовал запаха, вот уже несколько ночей подряд он спал глубоко, крепко, без кошмарных сновидений.

Отсек медленно наполнялся токсином.

…

Он проснулся, словно от толчка, не понимая, где находится.

Обстановка тонула в желтоватом мареве. Бестужев вдохнул отравленный воздух и тут же почувствовал мягкое, успокаивающее прикосновение нерва: *ты в безопасности, токсин на тебя не действует.*

Верно, но голова все равно казалась свинцовой. Память словно отшибло, он не мог вспомнить, что происходило накануне.

Хотелось пить. Он встал, пошатнулся, и вдруг перед глазами потемнело: Настя, бледная, неподвижная, лежала, не подавая признаков жизни.

Егор едва не сошел с ума в этот миг.

Он взглянул на свои руки, похолодел. Желтоватая жидкость сочилась из-под перчаток.

– Настя! – он бросился к ней, уловил слабое, едва ощутимое дыхание, метнулся к двери, но уплотнившаяся мембрана не расступилась, не отреагировала на касание – она герметично запечатала отсек!

Егор схватил со стола нож, в исступлении полоснул по упругой преграде. Брызнула розоватая сукровица, но он не остановился, продолжал наносить удар за ударом, пока мембрана не лопнула, превратившись в лохмотья.

Он схватил Настю на руки, вынес ее в коридор, запоздало вспомнил о коммуникаторе:

– Пятый жилой отсек! Срочно нужна помощь! Метелина в лабораторию! Отравление токсином!

Первым на вызов откликнулся Родион. Он прибежал через пару минут, увидел Егора, Настю, мгновенно понял, что произошло, передал через имплант мысленную команду двум сопровождавшим его повсюду сервам.

Кибермеханизмы мгновенно соединились, одновременно трансформируясь в модуль эвакуации. Четыре манипулятора бережно приподняли обмякшее бессознательное тело девушки, раздался характерный звук сервомоторов.

– В пятую лабораторию! – приказал Бутов. – Живо! Мы следом!

Егор безучастно сидел на корточках у стены. Он не реагировал на события, лишь слезы текли по его щекам.

Бутов коснулся его плеча, встряхнул.

– Все будет в порядке, – он сам плохо верил в то, что говорил. – Метелин уже на пути в лабораторию! Он обязательно справится!

Егор не шевелился, словно окаменел.

Это я убил Настю… – отчаянная, обреченная, переполненная болью мысль затопила сознание.

Хотелось выть. Или умереть.

Родион силой заставил его встать.

– Пошли! – коротко приказал он, схватил Егора за руку, потянул за собой.

* * *

– Ты едва не убил ее! – с мстительным ехидством заключил Метелин, взглянув на результаты экспресс-сканирования.

Он на удивление быстро появился в лаборатории, подготовил аппаратуру, словно заранее знал или предчувствовал: сегодня ночью произойдет нечто, требующее его вмешательства.

Родион побагровел, Егор, абсолютно подавленный, не обратил внимания на тон Метелина.

– Она выживет?

– Понятия не имею! – Вадим просматривал поступающие на монитор данные. – Отравление токсином смертельное. Человеческий организм самостоятельно его не выводит. Я сделал все, что мог, но прогнозов сейчас не ждите. У меня нет проверенных препаратов, метаболизм хонди все еще загадка для нас!

– Врешь! – Родион схватил Метелина за плечо, рывком развернул лицом к себе. – Врешь! Нерв без знания метаболизма не вырастишь!

– Отпусти! – Метелин рванулся. – Вырастить нерв и нейтрализовать токсин – не одно и то же!

Бутов разжал пальцы.

– Так и будешь стоять, пялиться на монитор?!

– Я уже сделал все, что мог!

– Оба замолчите! – в медицинский модуль вошел Малехов. – Егор, что произошло?

– Нерв, – подавленно ответил Бестужев. – Мы спали. Железы начали выделять токсин.

– Нет уж, извините, – Метелин снова полез на рожон. – Нерв тут ни при чем!

– То есть? – насупился Родион.

– Биоимплант не способен мыслить. Принимать решения. Фрагмент нервных тканей слишком мал!

– Он управляет железами!

– Нет! – Метелин наконец-то получил возможность отыграться за все. За побои, за унижение, за голод, – кем он был на Земле и кем стал тут? Из маститого, вальяжного ученого, знающего себе цену, в один миг превратился в вечно голодное, ноющее по любому поводу ничтожество.

«Они меня эксплуатируют за дрянной кусок пищевого концентрата», – мысль не покидала ни на минуту. Пока был жив Русанов, он по привычке таил свое эго – выпячивать его было рискованно. «А теперь пусть попробуют вякнуть! – раздраженно думал он. – Без меня снова – никуда! Бестужев будет мне подошвы облизывать, лишь бы спасти свою подругу!..»

– Что значит – нет?! – Егор взглянул на Метелина так, словно к стене взглядом пришпилил.

– А то и значит! – Вадим разошелся. – Нерв всего лишь раздражитель! Он напрямую, помимо твоей воли, не отдаст приказ железам на выделение токсина! Между ними установлена преграда из искусственных нейросетей! Балом правит твой мозг! Он отдал приказ!

– Не верю!

– Это факт! Инстинкты хонди интерпретируются в твоем рассудке!

– Я бы никогда не причинил вред Насте!

– Она тебе мешала!

– Ты что несешь?! – Бестужев мгновенно впал в бешенство. – Убью, тварь!

– Помогите!..

Крик Метелина оборвался хрипом. Егор одной рукой врезал ему в челюсть, второй схватил за горло.

Бутов и Малехов кинулись на помощь, с трудом оттащили Бестужева.

– Хватит! Что вы устроили, а?! – укоризненно воскликнул Роман Степанович.

Егор с ненавистью сжал кулаки.

– Мой мозг?!

– Да! – простонал Метелин, промакивая кровь на разбитых губах.

– Настя помогла мне! Я начал справляться с нервом!

– Может, во сне он улучил минуту? Вырвался из-под контроля? – предположил Родион.

– Ага, придумайте себе сказку! – просипел Вадим. – Никто ни в чем не виноват?! Ну, давайте, тешьте себя!

– Метелин, не зарывайся!

– А я и не зарываюсь! Нерв не способен мыслить! Он лишь посылает импульсы, реагируя на такие раздражители, как запах, тепло, боль! Искусственная нейросеть пропускает их в мозг Бестужева, где происходит обработка, формируется образ, команда, желание – ответная реакция, если проще! Барьер искусственных нейросетей для того и установлен, чтобы сигнал с нерва никогда не транслировался напрямую к железам! Нейрочипы сконструированы так, чтобы принимать к исполнению только приказы человеческого мозга! А сознательные они или бессознательные, – он развел руками, – тут уж я не возьмусь ничего утверждать!

Егор сник.

– Твоя победа над нервом – иллюзия! – казалось, что Метелин задался целью добить Бестужева. – Влияние гормонов, свойственное возрасту! Сколько тебе лет, Егор?

– Двадцать три…

– Неудивительно. Первая любовь, если можно так назвать вполне нормальное сексуальное влечение…

– Вадим, если жизнь дорога, лучше заткнись! – Родион обжег Метелина ненавидящим взглядом. – Егор любит Настю!

– Да называйте, как хотите! Только рот мне не заткнете!

– Она мне не мешала! – выкрикнул Егор.

– Ой ли? – Метелин презрительно скривился. – Разве ты не понимал, что в последнюю неделю уделяешь очень мало времени контролю над хондийским кораблем?!

– Не знаю… Не думал об этом!..

– Думал! Только человеческий рассудок имеет свойство уклоняться от неприятных мыслей! Не нерв тебе надо обуздывать, а самого себя!

Тонкий тревожный писк сигналов нарушил тишину.

– Ей становится хуже! – Малехов взглянул на информационный экран.

– Настя на искусственной вентиляции легких, – спокойно возразил Вадим. – Идет очистка крови. Сами не видите, что вся аппаратура уже задействована?

– Тогда в чем причина?! – Роман Степанович тяжело переживал случившееся.

– Отказывает мозг! – резко ответил Метелин.

– Как вывести токсин?! – Егор воспринимал происходящее, словно кошмарный сон. С той разницей, что невозможно проснуться.

– Он уже успел воздействовать на центральную нервную систему! Если она выживет, то навсегда останется калекой! В чем конкретно это выразится, не могу предсказать!

Егор обернулся, нашел взглядом Родиона.

– Пашку вызови! Срочно! Он наверняка не спит!

– Эй, что ты задумал, Егор? – насторожился Малехов.

– Роман Степанович, сейчас лучше заткнись! – огрызнулся Бестужев.

Бутов уже соединился со Стременковым. Коммуникаторы на борту хондийского крейсера работали со сбоями, и лишь прямой контакт между имплантами позволял установить мгновенную связь.

Родион хмурился, морщил лоб. Технологическая телепатия давалась ему с трудом.

– Да, ждем, – его губы шевельнулись, машинально повторяя мысленную фразу.

* * *

Павел прибежал без промедлений.

– Что случилось?! – тяжело дыша, спросил он.

– Отойдем, – Егор отвел друга в сторону. – Я едва не убил Настю. Токсин. Она в критическом состоянии!

– Что могу сделать?!

– Стасис! Нужно остановить воздействие токсина! Я заставлю Метелина работать, пока он не синтезирует антидот!

– А что? Вариант!

– О чем вы там шепчетесь? – Малехову не нравилось происходящее.

Егор взглядом предупредил Бутова – будь наготове. Тот кивнул.

– Роман Степанович, Настю нужно поместить в стасис!

– Ты с ума сошел? У нас нет резервных генераторов! Все, что удалось демонтировать, в деле! Да и расход энергии... ты представляешь, о чем просишь?!

– Представляю! Но я не прошу!

– Требуешь?

Бестужев кивнул.

– У меня есть два резервных генератора, – вмешался Стременков. – Достаточно, если выберем небольшой отсек!

– Да, но...

– Без «но»! Теряем время! Не нужно резервных генераторов! Я знаю небольшой отсек, где еще не демонтированы защитные установки!

– Егор, не все так просто! Для запуска стасиса нужно знать точные настройки! – Павел очень хотел помочь другу, но...

– Не понимаю! Объясни! – Бестужеву казалось, что все ополчились против него!

– Каждый эмиттер управляется программами! Они пока выше нашего понимания. Удалось лишь выделить несколько наборов инструкций. Я думаю, они разработаны для существ с разным метаболизмом!

– Стазис останавливает время в локальном объеме пространства! При чем тут особенности организма, обмена веществ?!

– Не знаю! Мы экспериментировали только с сервами!

– Стременков, успокойся! Все возьмите себя в руки! Нечего орать, давайте думать! – Малехов неожиданно сдался, встал на сторону

Егора. – Среди программных модулей есть файлы, содержащие информацию в доступном для понимания формате? Ну, типа помощи для неопытных пользователей? Инструкции?

– Есть руководство на универсальном языке. Недавно его нашли. Еще не разобрались!

– Хорошо! – Роман Степанович немного приободрился. – Нам известна только одна космическая раса, похожая на нас. Армахонты!

– Но корабль хондийский!

– А установки универсальные! Вот что, Павел, давай бегом в лабораторию! Выясни, какой набор инструкций сопоставим с термином «Армахонт»?

– Не нужно никуда бежать. Все тут, – Стременков выразительно коснулся импланта.

Егор, грубо оттолкнув Метелина, склонился над прозрачной каплевидной крышкой медицинского реанимационного комплекса.

Внешне Настя не подавала признаков жизни. Ее кожа побледнела, но черты лица отражали покой, умиротворенность. Она не страдала. Даже, наверное, не успела проснуться, не поняла, что именно произошло.

Редко вздымалась грудь.

Сипло вздыхал аппарат насильственной вентиляции легких.

Боль переполняла Егора. Слова Метелина занозой сидели в рассудке. Мой мозг меня предал!

Бестужев не знал, как будет жить дальше? Зачем?

– Есть сигнатура, сопоставимая с термином «Армахонт»! – воскликнул Стременков. – Я смогу ее активировать, но все равно риск очень велик! Мы ведь понятия не имеем, насколько схожи наши организмы!

– Иного выхода все равно нет! – Малехов внезапно загорелся идеей.

«Настю, конечно, жаль, но смелый, рискованный эксперимент многое прояснит», – думал он.

– Я пошел! – Бестужев направился к выходу. – Везите ее за мной!

– Эй, мы не можем пожертвовать единственным медицинским комплексом! – попытался протестовать Метелин, но Егор уже покинул отсек, а Родион, отключая стационарное питание, скупо обронил:

– Еще раз вякнешь – убью! Аккумуляторы проверь!

Метелин понял: Бутов выполнит угрозу. «Ну, пандорианцы, я на вас отыграюсь, – злобно думал он, бросившись выполнять распоряжение. – Наступит и мой день!.. Рано или поздно, но – наступит!»

* * *

В небольшом помещении, куда доставили Настю, еще не начиналась реконструкция. Эта часть хондийского крейсера вообще была мало изучена.

– Склад? – Роман Степанович осмотрелся, заметил герметично запечатанные органические контейнеры. – А что в них?

– Понятия не имею, – пожал плечами Родион.

– Павел, какой объем захватит поле стасиса?

– По границам отсека!

– Ладно, приступайте, – Малехов махнул рукой.

– Эй, а что с аппаратурой? – осторожно поинтересовался Метелин.

– Заберешь через пару минут и вали с глаз долой! – не оборачиваясь, ответил Бестужев.

– Псих... – прошипел Вадим.

– Открываем! Осторожно! Так, хорошо! Родион, помоги! Вот сюда, на контейнеры! Паша, постели что-нибудь!

Стременков быстро соорудил ложе, Настю бережно перенесли на него, укрыли тонкой простыней.

– Готовь генераторы. Я перенаправлю питание. Дайте минуту! – Бестужев машинально отдавал приказы, едва соображая, что говорит.

Все отошли. Он склонился над Настей. Казалось, она спит.

– Прости... – тихо прошептал он. – Когда очнешься, я буду рядом! Клянусь!..

Слова застревали в горле.

– Я готов! Сигнатура, настроенная на армахонта, активна! – голос Стременкова заставил Егора взять себя в руки, вырваться из горестного оцепенения. Каждая минута промедления отнимала у Насти жизнь.

– Иду! – он неловко коснулся губами ее щеки.

Через минуту зеленоватое сияние затопило отсек.

Кожистая мембрана не закрылась. Егор, перенаправив энергию, подошел к запечатанному полем входу, взглянул в глубины отсека.

Внешне ничего не изменилось. Лишь холодный изумрудный свет, похожий на застывшее стекло, сконцентрировался внутри, не переливаясь, не заставляя предметы отбрасывать тени, а обволакивая их.

Лица Насти он не рассмотрел.

– Получилось? – Малехов вопросительно посмотрел на Стременкова.

– Генераторы работают. Сбоев нет.

– Значит, сигнатура подходящая?

Павел покачал головой.

– Мы очень мало знаем о стасисе. Ничего не могу гарантировать.

– Только не говори Егору.

Павел кивнул.

Роман Степанович обернулся:

– Метелин, что застыл? Аппаратуру назад, в медицинский модуль! И работать! Ты понял? Работать над новым адаптером! Двадцать четыре часа в сутки!

Егор с трудом оторвал взгляд от запечатанного стасисом отсека, подошел, тихо сказал:

– Я не забуду, что вы сделали. Никогда не забуду.

Сказал и пошел прочь.

Влажный, чуждый для человека сумрак поглотил его фигуру.

Глава 6

Я убежден: только синтез человеческих и инопланетных технологий по-настоящему откроет нам просторы Вселенной, но, зная истинное положение дел, не уповаю на добрую волю братьев по разуму. Вряд ли они пойдут на сотрудничество, согласятся поделиться своими достижениями.

Вселенная, по мнению большинства, равнодушна, подчинена законам физики, безразлична, не одухотворена.

Но в ней выживает сильнейший. Это аксиома.

Я считаю, что каждый человек, рискнувший покинуть границы Солнечной системы, должен быть морально готов к новому витку эволюционной борьбы.

Борьбы за технологии, которые в условиях Дальнего Космоса – единственный гарант выживания.

Андрей Игоревич Русанов. Проект «Прометей»

Пандора. Пятьдесят второй год колонизации…

Моросил дождь.

Корпус хондийского крейсера покатой горбиной возвышался на фоне иззубренных скал.

Шипя пневматикой, открылся шлюз, пять человек, экипированные в легкие сервокостюмы, показались на пороге корабля.

Все волновались, понимая, что сегодняшний день станет поворотным, решающим.

– Не спеши, Роман Степанович, – Павел Стременков порывался идти первым, он переживал больше других.

Вслед за людьми крейсер покинули странного вида существа. Низкорослые, передвигающиеся на шести конечностях, они лишь отдаленно напоминали колониальных сервов.

Киборги. Гибридная модель. Острая нехватка техники и запасных частей не оставила людям выбора. Эндоостовы – самая прочная,

наименее уязвимая часть машин, имелись в избытке, а вот с кибернетическими компонентами, броней и многими другими важными деталями дела обстояли плохо.

Кибернетические организмы, выращенные в лабораториях крейсера, вели себя, как преданные людям животные. Влажно поблескивал хитин. Вживленные датчики, соединенные с нервными тканями, настороженно изучали обстановку.

Десять киборгов устремились к обрыву. Наполовину хонди, наполовину колониальные механизмы. Сильные, выносливые, верные, исполнительные, они составляли костяк сил безопасности, в любую погоду патрулировали подступы к крейсеру, ходили на разведку, выполняли многие опасные поручения.

– Ждем, – Родион Бутов жестом остановил продвижение группы.

Киборги добрались до края плато, установили связь с немногочисленными стационарными устройствами слежения.

Не лишняя предосторожность. В последнее время в небе все чаще замечали корабли хонди и эшрангов, проявляющие повышенный интерес к системе из трех горных плато. С десяток сбитых фаттахов и эмширов обгорелыми грудами металла и органики высились среди руин колониального поселения.

– Чисто! – Родион принял доклад, знаком разрешил возобновить движение.

Сгусток холодно-зеленого, непрозрачного света озарял скалы. Вход в старую шахту окружали эмиттеры стасис-поля.

– Внимание на борту! – Малехов остановился подле герметичной капсулы. – Мы начинаем. Техническим группам приготовиться!

Сегодня решалась дальнейшая судьба людей. Два года напряженной работы, успехи, неудачи, все осталось в прошлом, но наступит ли будущее, на которое в душе надеялся каждый?

– Паша, давай, – Роман Степанович вскрыл капсулу. Гибридный пульт управления установками стасиса объединял элементы человеческих и хондийских технологий.

– Егор, ты мне нужен! – Стременков коснулся сочетания сенсоров, открылась заслонка, защищающая бионический элемент управления.

Бестужев подошел, стянул перчатки, обнажая железы, обрамленные тонкими, похожими на волоски усиками.

Он ни словом не обмолвился со Стременковым, даже не взглянул на него. Прикосновение к клонированным нервным тканям невольно отразилось на его лице. Не эмоции, а их блеклый отголосок исказили черты Егора.

Дела в последнее время шли все хуже. Системы крейсера отказывали одна за другой. Хондийские рабочие погибали, завершив свой жизненный цикл. Заменить их некем. Пытались использовать киборгов, но тщетно. Первыми отключились боевые палубы. Затем сенсоры, главный пост управления, планетарные двигатели. Только жизнеобеспечение еще функционировало, корни корабля по-прежнему извлекали из недр все необходимое, но долго ли еще протянет старая, медленно умирающая, так и не изученная до конца бионическая конструкция?

Егор отогнал стылые мысли, воздействовал на свой сегмент пульта управления.

– Готово, – сухо произнес он.

Стременков ввел код доступа к кибернетической части гибридного устройства.

Зеленоватое сияние мигнуло, начало угасать, затем по непонятной причине вновь вернуло былую яркость. Все невольно затаили дыхание.

Сбой?

Никто не мог ответить на этот вопрос. Все происходило впервые.

Полтора года прошло с тех пор, как рудодобывающие, промышленные и управляющие комплексы отправились в недра полузатопленной шахты. С момента включения установок стасиса связь с ними прервалась.

По внешним признакам невозможно определить, удался ли дерзкий эксперимент. Сквозь толщу зеленоватого сияния ничего не видно. Нет приборов, способных ответить: ускорилось ли время внутри периметра установок, подключенных и реконфигурированных особым образом?

– Почему так долго?! – взволнованно спросил Малехов.

– Не понимаю! Подача энергии отключена! – Стременков заметно нервничал. – Такого эффекта мы не предвидели!

Сияние вновь начало терять насыщенность, оно гасло, но очень медленно, словно эмиттеры все еще получали питание.

Но откуда?! – Стременков сверился с показаниями приборов, не нашел причин сбоя, вышел на связь с техническими группами.

– Механически отсоединить кабели! – приказал он.

Ничего не изменилось. Сияние то угасало, то вспыхивало, по периметру экспериментальной зоны пробегали сполохи искажений.

Стременков обернулся, молча развел руками.

– Ждем, – ответил Малехов.

Внезапно сверкнула вспышка, раздался взрыв, один из эмиттеров задымил, структура поля нарушилась, все визуальные эффекты мгновенно исчезли, сияние погасло!

– Ну, ничего себе!!! – Дима Щедрин потрясенно вскинул руку, указывая на вход в шахту.

Там, где раньше располагался наклонный, уводящий в недра скал тоннель, теперь возвышалось сложное инженерное сооружение, состоящее из надземных горловин антигравитационных грузовых лифтов, энергостанции, ангаров, сети подъездных дорог! На обособленных площадках высились отвалы выработанной породы, два мощных вездехода стояли под разгрузкой, кузов одного был поднят.

– Сбой, – Стременков переживал бурю эмоций, но времени не терял, тут же попытался установить прямой контакт с кибернетическими системами машин, снова развел руками. – Нет отклика! Вероятно, произошел сбой в результате отключения стасиса! – подавленно пояснил он.

– Техника цела?! У нас получилось?! – Малехов не находил себе места.

– Терпение!

«Внешняя, наземная, видимая часть выстроенного машинами комплекса говорила об успехе, прорыве, но… – мысль тут же осеклась, – но что произошло в момент отключения устройств? Как повлияло на сложные кибернетические системы искажение времени?»

– Есть связь! – вдруг торжествующе воскликнул Стременков. – Глобальная система комплекса в режиме перезагрузки!

* * *

Одинокий атлак скользил в небе Пандоры.

Эшор – бывший адмирал флота – мрачно наблюдал за поверхностью. Он понимал: этот мир навсегда останется его последним пристанищем.

Между эшрангами постепенно нарастала жестокая междоусобная борьба. Жалкие остатки древнего экспедиционного флота, когда-то прибывшего сюда для захвата верфи армахонтов, утратили единство. Климатическая катастрофа не объединила выживших эшрангов, а еще больше разобщила их, обострив старые противоречия между издревле соперничающими группировками.

Эшор пристально наблюдал за показаниями датчиков.

Старый эшранг понимал: планета обречена. Он знал причину, но пока не мог ее устранить. Чтобы спасти этот мир, требовались скоординированные усилия всех населяющих его существ!

Бывший адмирал экспедиционного флота не терял надежды.

Многое уже сделано. Сотни кораблей подняты из глубин вновь образовывавшихся океанов. Их опасные нагромождения в основном ликвидированы. Еще есть призрачный шанс остановить новую катастрофу, в сравнении с которой климатические потрясения выглядели как слабый предвестник настоящего бедствия!

Тревожный сигнал нарушил течение его мыслей.

Датчики зафиксировали работу установок стасиса! Необычная конфигурация! Нестабильная! Энергетическая матрица то появляется, то исчезает! Это крайне опасно!

«Проклятые хомо! – Эшор сориентировался по карте, понял, где именно происходит встревожившее его явление. – Они не понимают, с чем экспериментируют! Давно пора остановить их!»

Сигнатура стасиса внезапно исчезла с экранов.

Эшранг приподнял перепончатые крылья, издал гневный шипящий звук.

Подчиняясь его приказу, атлак плавно изменили курс.

Облачность над горами вела себя странно. Она медленно закручивалась, принимая вид исполинской воронки!

«Хомо! Они сведут на нет все мои усилия! – гневно подумал эшранг. – Ударить по ним? Остановить? Нет. Только не сейчас… – Он страстно желал уничтожить поселение людей, но грозное, набирающее силу атмосферное явление отрезвило его. – Слишком опасно. Да и экипаж на борту неполный. Я не могу так рисковать».

Старый эшранг повел себя осторожно. «Поселением хомо займутся другие корабли…» – подумал он, но судьба распорядилась по-своему.

Внезапный шквалистый ветер налетел порывом, за считаные секунды набрал силу урагана. Планетарные двигатели атлака, работающие на принципе антигравитационной тяги, не смогли противостоять внезапному, сокрушительному удару стихии – корабль сбило с курса, подхватило, будто щепку, понесло по сужающейся спирали к эпицентру необъяснимого катаклизма.

* * *

Контролировать время – не дерзновенная ли задача?

Стременков напряженно работал. Его рассудок находился сейчас на прямой связи с главной системой комплекса, созданного внутри скал, в границах измененного темпорального потока.

– Перезагрузка идет успешно! – Его голос выдавал уже не волнение, а нечто гораздо более сильное. Все трепетало внутри.

Родион Бутов отошел в сторону. Он вел себя настороженно, постоянно опрашивал стационарные устройства слежения, расположенные среди окрестных скал.

Эшранги и хонди не дремлют. Их, как магнитом, тянет сюда, и лишь яростная мощь непогоды до сих пор сдерживала чужих, не позволяя предпринять широкомасштабные боевые действия.

Вроде бы все спокойно.

– Егор? – Он подошел к другу.

Тот безучастно смотрел вдаль.

Его душа и разум окончательно окаменели. Он ненавидел хондийский крейсер, ненавидел людей, живущих на борту, уже не нес, а надрывно

тащил свое бремя, понимал, что погибает, но ничего не мог изменить. Успехи в имплантации минимальные, добровольцев больше нет, участь погибших в лабораториях Метелина отрезвила остальных.

Единственная надежда, что еще тлела в душе – сегодняшний день.

Машины.

Техносфера.

Егор иногда украдкой позволял себе мечтать.

– Что хотел? – Он повернул голову, окатил Родиона ледяным взглядом.

– Метелин тебя искал накануне. Он вроде бы синтезировал антитоксин.

– Испытания провел?

– Не знаю, – Родион пожал плечами. – Но выглядел радостным.

– Зайду, – пообещал Егор и вновь отвернулся.

* * *

Глухо взвыли механизмы.

Ощутимая вибрация прокатилась по скалам. Два вездехода внезапно возобновили работу: один начал опускать кузов, второй вырулил на площадку.

– Система в действии. – Павел теперь говорил монотонно, его разум полностью погрузился в пучину прямого нейросенсорного контакта с управляющими модулями внутрискального комплекса.

– Паша, ответь по-человечески: все успешно?! – Малехов неотрывно смотрел на огромные, слегка покачивающиеся в поле антигравитации платформы.

– Данные еще поступают. Коэффициент ускорения времени составил девять целых и семь десятых!

– То есть там, в шахтах, прошло почти пятнадцать лет?!

– Да!

У Малехова перехватило дыхание.

Пять грузовых платформ внезапно пошли вниз, над зевами гравилифтов морось дождя закрутило небольшими смерчами.

Среди скал, до этого находившихся в поле измененного времени, вдруг началось движение. Открывались десятки закамуфлированных люков – машины, скрывающиеся в недрах комплекса, успешно приступили к отработке программ, начали испытание одной из созданных ими установок!

Пламя реактивных двигателей озарило верхнее плоскогорье. Сотни метеорологических ракет ушли в клубящиеся небеса, разорвались среди густой облачности и вдруг… лохматые, низкие, свинцово-серые тучи на глазах у людей начали видоизменяться!

Небеса стремительно потемнели, внезапно начался ливень, но он продолжался всего минуту, затем облачность расступилась, солнечные лучи брызнули сквозь образовавшиеся прорехи!

Залп. Еще один. И еще…

Облака таяли, а над плоскогорьем стремительно формировался участок чистого неба!

Система внутрискального комплекса приступила к серии экспериментов по управлению климатом!

* * *

Ярко светило солнце.

Над горами висела туманная дымка, но клокастые тучи теперь кружили в отдалении, не в силах прорваться к плато. Исполинская воронка образовалась в небесах, вокруг били молнии, хлестал ливень, из глубин ущелий слышался рев воды, а здесь, в эпицентре искусственно сформированного атмосферного явления, ласковые солнечные лучи озарили скалы, заставляя пар клубиться над ними!

Павел Стременков отключился от сети.

– Какая красота!.. – он осмотрелся, запрокинул голову, испытывая чувство потрясения, эйфории. Лазурные небеса казались бездонными,

резко кружилась голова, глаза, привычные к искусственному освещению, слепли.

Грузовые лифты подняли на поверхность первую партию тяжелых планетопреобразующих машин.

Огромные роботизированные комплексы один за другим съезжали по аппарелям и тут же приступали к исполнению программ, начиная работы по расчистке. Мощные бульдозерные ножи снимали слой песка, щебня и камней, скопившийся на улицах, подле руин обветшавших зданий. Машины двигались ровным строем, оставляя за собой очищенное пространство. В воздухе маневрировали остроугольные сегменты. Беззвучно и точно они стыковались друг с другом, формируя грузовую платформу, оснащенную генераторами антигравитационной тяги.

– Мы победили?! – Малехов хлопнул Павла по плечу. – Мы победили!

– Спешишь, Роман Степанович, – Стременков, несмотря на душевный подъем, мыслил трезво. – Мы получили передышку, возможность выйти на поверхность и закрепиться тут. Жизнь еще не вернулась. Температура по-прежнему растет, а никто из планетологов так и не смог объяснить, откуда Пандора получает дополнительную энергию? Я бы не назвал перспективы радужными.

– Паша, ты, как всегда, пессимистичен! – упрекнул его Малехов. – Такая победа, настоящий прорыв, а ты…

– Я реалист, Роман Степанович. Рост температуры неуклонен. Планета его не выдержит.

– Вот, умеешь ты настроение испортить! – с досадой ответил Малехов. – Порадуйся хоть сегодня! Наш замысел удался! Ты хоть осознаешь, что мы изменили время?!

Павел снова осмотрелся, кивнул.

Мир действительно выглядел светлым, радостным.

В движении роботизированных планетопреобразующих комплексов ощущалась мощь, невольно возникало чувство гордости. Гравитационные лифты работали без остановки, поднимая на поверхность все новые и новые машины. Прошло всего каких-то полчаса с момента отключения генераторов стасиса, а вслед за тяжелой техникой уже двигались сервы. Одни размечали расчищенную территорию, другие

бурили отверстия в горной породе, третьи уже тащили армирующий материал и пластиковые щиты для опалубки фундаментов домов.

Лишь зловещая облачная воронка портила картину, вызывала чувство настороженности.

РКПП[7] завершили расчистку верхнего плато и, тихо урча водородными двигателями, начали спуск по серпантину, когда на аппарели показалась первая боевая планетарная машина нового поколения.

Каплевидный корпус, защищенный мощной двухкомпонентной броней, способной противостоять не только механическому, но и энергетическому воздействию, отливал глянцем, выглядел монолитным. Ни одна из систем не выступала в виде надстроек, оружие, убранное в походное положение, находилось под защитой диафрагменных люков.

МБПМ[8] одна за другой поднимались из недр внутрискального комплекса, выруливали на размеченную сервами дорогу, занимали позиции для обороны.

Полностью собранная антигравитационная платформа парила в воздухе. По ее краю выделялись покатые надстройки зенитных комплексов, в центре, под лепестками полусферического вздутия, располагались механизмы, предназначенные для захвата и транспортировки крупных объектов.

Взгляд невольно вернулся к сервам. Они уже разметили жилой квартал и теперь вслед за планетопреобразующими машинами спускались по расчищенному от камней серпантину к срединному плато.

Пауза. Передышка.

Два слова крутились в голове, не давали покоя.

Грозное атмосферное явление тем временем набирало силу.

Павел задержал взгляд на небе и вдруг увидел, как из воронки клубящихся облаков вырвался атлак! Боевой корабль эшрангов отчаянно маневрировал, пытаясь стабилизировать полет!

– Тревога! – крик Родиона Бутова заглушил грохот.

Мир мгновенно изменился. Чужой корабль затмил солнечный свет, отбросил глубокую черную тень, по бортам исполина открылись

стартовые доки, и воздух над верхним плато задрожал от оглушительного рева эмширов.

Эшранги, видимо, сами не понимали, что происходит. Их корабль, вовлеченный в огромную воронку, просто вышвырнуло в центр циклона!

– В укрытие! – заорал Бутов.

Мир ломался, дробился на фрагменты восприятия.

Антигравитационная платформа открыла огонь. Ее зенитные комплексы заработали автоматически, сбивая стартовавшие истребители. Яростные всплески пламени, вой, взрывы мгновенно изуродовали ощущения, трансформировали их.

Гулко ударили импульсные орудия боевых машин.

Атлак ответил лазерными залпами. Он постепенно выровнялся, пронесся над верхним плато и тут же начал разворот, – настоящий ужас эшрангам внушал не зенитный огонь, а пронизанная разрядами молний воронка свинцовых облаков.

* * *

Внезапная, яростная схватка разыгралась над горами.

Роботизированные комплексы мгновенно остановили работы по расчистке. Машины двойного предназначения несли на борту системы вооружений. Они вступили в бой немедленно, однако это не уравняло силы.

Корабль эшрангов казался несокрушимым. Ему было тесно в относительно небольшом пространстве, он маневрировал, медленно разворачиваясь, опасаясь вновь оказаться во власти стихии.

Гравилифты работали не останавливаясь.

Павел кубарем скатился в укрытие, тут же привстал, озираясь по сторонам.

– Все живы?!

Над головами с ревом пронесся эмшир. Метрах в десяти от КП зияла остекленевшая воронка, валялись оплавленные обломки МБПМ.

Малехов отчаянно выругался.

– Паша, сколько машин внизу?!

– Не знаю! Я не успел получить полный отчет!

«Неужели все закончится сейчас, в этот, казавшийся счастливым, день? – Егор сжал виски. – Неужели все надежды превратит в прах один чужой корабль?!»

Батареи хондийского крейсера молчали.

– Почему не стреляют?! – Щедрин прекрасно знал, что рабочие особи погибли, но ведь в боевых отсеках удалось создать кибернетическую систему управления огнем! Почему же она бездействует?!

– Нельзя! – в ответ заорал Малехов. – Нельзя сбивать атлак над плато! Все погубим! Ты представляешь, какой будет взрыв?!

– Но что же делать?! – Родион, вопреки обыкновению, растерялся.

Егор Бестужев холодно смотрел на чужой корабль, который развернулся над нижним плато и теперь вновь медленно приближался, затмевая солнечный свет.

– Стасис, – вдруг коротко обронил он.

– Что?! – все обернулись к нему.

– Генераторы стасиса! – в голосе Бестужева звучала холодная ярость.

– Но мы еще не спланировали периметр! – Стременков сглотнул, он не был готов к такому внезапному, гибельному обороту событий.

– На складах крейсера полно демонтированных генераторов! – Родион мгновенно подхватил идею Егора.

– Откуда взять энергию? Как ударить? Кто доставит эмиттеры в нужные точки и запустит?! – Щедрин сыпал вопросами, инстинктивно пригибаясь при каждом новом взрыве.

– Планетопреобразующие машины! – Взгляд Малехова пылал надеждой и злобой. – Мощности их реакторов достаточно!

Земля дрожала. Скалы крошились. БПМ сдерживали атлак, заставляя его маневрировать, не подпуская к хондийскому крейсеру. Гравилифты продолжали работать, поднимая на поверхность все новые и новые машины. Всплески пламени стирали только что созданную сервами разметку домов и улиц.

– Паша, ты сможешь включить стасис дистанционно?!

– Да!

* * *

Край пропасти.

«В который уже раз?!» – разум Стременкова погружался в сеть, а взгляд еще ловил ужасающие проявления реальности.

Они уничтожат все! Все, что мы создали!

Ненависть затопила разум. Черная, вязкая, придающая сил, стирающая страх.

«Я не позволю! Не позволю!» – Эмоции мешали сконцентрироваться, он терял секунду за секундой.

– Паша, соберись!

– Я работаю! – яростно огрызнулся он.

РКПП наконец получили команду, развернулись и на максимальной скорости устремились к хондийскому крейсеру.

Атлак неумолимо надвигался. «Если он прорвется к верхнему плато, все пропало! Мы сами попадаем в стасис!» – мысли вихрем проносились в голове Родиона.

Скалы дыбились разрывами, кормовая часть хондийского крейсера озарилась вспышками попаданий.

Шлюз открылся. Сотни сервов сплошной лавиной устремились к нему.

– Этого мало! – Малехов соединился с техническими группами, отдал приказ.

Сегменты органической брони крейсера пришли в движение. Десятки грузовых портов открывались в обшивке, люди, оставшиеся на борту, понимали – минуты решают все!

Стременков дистанционно программировал планетопреобразующие машины. Их потеря сейчас казалась самой малой ценой, которую придется заплатить.

Роботизированные комплексы прорвались к крейсеру, образовали цепь, встали под загрузку.

Сервы, тащившие генераторы стасиса, облепили их, словно механические муравьи, быстро устанавливали устройства, подключали эмиттеры к бортовой сети планетопреобразующих машин.

Солнечный полдень превратился в сумерки.

С воем падали сбитые истребители, прямые попадания лазерных разрядов оставляли от сервов лужицы расплавленного металла, дым, пламя, грохот разрывов, рев двигателей, частые вспышки – все сливалось воедино.

Только Бестужев не принимал участия в управлении боем. Егор неотрывно следил за чужим кораблем, а в его измученном, воспаленном сознании копилась холодная ярость, нерв пылал – впервые два мироощущения слились в одном ненавидящем взгляде.

Усовершенствованные БПМ устремились в самоубийственную атаку. Родион Бутов намеренно жертвовал техникой, понимая: ни в коем случае нельзя допустить, чтобы атлак пересек границу срединного плато!

Эшранги растерялись. Их истребители пылали на земле. Корабль получал все больше повреждений. Хомо отчаянно сопротивлялись, техника людей оказалась намного опаснее, чем предполагалось!

БПМ, используя антигравы, прорвались к нижнему плато. Не прекращая ураганного огня, они пересекли плоскогорье, устремились к границе пронизанной молниями стены облаков.

* * *

Отчаянный маневр Бутова удался. Боевые машины, неся потери, завершили прорыв, заняли позиции за кормой чужого корабля.

Атлак начал разворачиваться. Несколько залпов, произведенных по его двигательным секциям, убедили эшрангов – нельзя развивать атаку на хондийский крейсер, оставляя за кормой столь опасного противника!

Стена облаков, образующих воронку, начала рассеиваться. Стременков дистанционной командой прервал климатический эксперимент, и эшранги тут же поддались на очередную уловку. Завершив разворот, атлак устремился к краю нижнего плато, намереваясь одним ударом разделаться с опасными, подвижными целями.

Загрузка и переоснащение РКПП уже завершились. Сервы начали разбегаться в разные стороны, ища укрытия.

– Можем начинать! – Малехов рубанул рукой воздух. Гибельные эмоции били через край.

Мощные роботизированные комплексы на максимальной скорости ринулись в самое пекло схватки, используя антигравы, быстро достигли нижнего плато.

Корабль эшрангов уже едва держался в воздухе. Ему удалось подавить сопротивление БПМ, и теперь атлак медленно разворачивался, чтобы возобновить атаку, раз и навсегда покончить с людьми.

Изуродованный, лишившийся надстроек, зияющий пробоинами корабль все еще представлял огромную опасность, его нужно было остановить любой ценой, невзирая на последствия!

Егор мрачно наблюдал за развитием событий.

Эшранги не понимали, какая участь их ждет. Сканеры атлака проанализировали энергоматрицы планетопреобразующих машин и сочли их неопасными – все оружие РКПП преднамеренно отключили.

– Паша, пора! – надломленный голос Малехова глох в реве двигателей чужого корабля.

Стременков ничего не ответил. Его взгляд выцвел, лицо исказила гримаса.

Сеть сервов помогла рассудку соединиться с системами роботизированных комплексов. Единственное, что сейчас требовалось, – это подать энергию на генераторы стасиса.

– Ну давай же!

Столб призрачного света ударил в небеса Пандоры.

Оглушительный грохот пронесся над горами. На миг все вокруг помутилось, отключились модули имплантов, остановились машины, люди испытали чудовищную боль.

Временно́й сдвиг!

Край нижнего плато испарился. Исчезли разбитые укрепления, часть древней дороги как будто растворилась в зеленоватом сиянии.

Через пару секунд раздался еще один сокрушительный удар, прокатилась тугая воздушная волна, и вдруг наступила оглушительная тишина…

Зеленоватое сияние приобрело вид мутного стекла. Корабль эшрангов застыл в воздухе.

Родион Бутов приподнял голову, взглянул на атлак.

Замершее пламя в пробоинах. Навек застывшие шлейфы дыма. Фрагменты обшивки, так и не упавшие на землю. Росчерки лазерных разрядов, законсервированные стасисом.

Он судорожно сглотнул, сел, прислонился спиной к стене укрепления, шумно выдохнул.

Пальцы рук мелко дрожали.

Вокруг стлался дым, жадный огонь пожирал обломки уничтоженной техники.

– Нам нужны еще генераторы стасиса! – хриплый, надорванный голос Малехова прозвучал в неестественной тишине. – Мы создадим защитный периметр, остановим время, чтобы никто больше не прорвался сюда!

Ему ответила глухая тишина, в которой вдруг раздался визгливый звук сервоприводов.

Люди еще находились в состоянии шока, а созданный машинами внутрискальный комплекс вновь возобновил работу, словно ничего и не произошло.

Пришли в движение антигравитационные лифты. Новая партия сервов поднялась из недр и тут же приступила к повторной разметке кварталов и улиц будущего города.

Егор Бестужев выбрался из укрытия, взглянул на атлак, законсервированный полем стасиса, и побрел к хондийскому крейсеру, мимо дымящихся обломков сервомеханизмов, сбитых эмширов, воронок, обломков, подпалин.

Мимо едва не уничтоженной мечты.

Его ненависть по-прежнему искала выход, но она больше не проецировалась на людей.

Часть 2

Глава 7

Мир, где я родился, страдает от перенаселения. Но во внеземных колониях, особенно на начальных этапах освоения чуждых планет, все будет иначе. Каждый человек – на особом счету. Не исключаю, что возникнет ситуация, когда нам придется прибегнуть к технологии репликации – клонирования с последующим ускоренным ростом человека в биореструктивной камере.

Мы пойдем на такой шаг лишь в случае крайней необходимости.

Недостаток современной технологии, из-за которого репликация попала под запрет, – это отсутствие у репликантов собственной личности, жизненного опыта. Думаю, мы решим эту проблему при помощи модулей «техтелп», научимся синтезировать личность и внедрять ее в сознание новых, искусственно созданных сотрудников корпорации.

Андрей Игоревич Русанов. Проект «Прометей»

Пандора. Пятьдесят пятый год колонизации…

– Привет, Егор. Заходи, – Метелин даже не встал с кресла, лишь обернулся на звук открывшейся двери.

Он раздобрел, лицо округлилось, кожа больше не висела складками, да и брюшко отрастил. Еще бы. Крестный отец всех репликантов, а их уже пять тысяч. Мужчины и женщины, многие – носители хондийского нерва, но не имплантированного, а выращенного вместе с организмом человека в камере биологической реконструкции.

Далеко шагнули технологии. Генная инженерия, бионика стали повседневностью. Зоны ускорения времени – повсюду. Производство техники и выращивание репликантов поставлены на поток.

Они, как постоянно твердит Малехов, – основа будущей цивилизации Пандоры.

Егор мрачно усмехнулся в ответ собственным мыслям. Это «будущее» им еще предстоит завоевать. Вот только Малехов ведет себя странно,

накапливает силы, но не отдает решающего приказа, будто сомневается или боится?

– Зачем звал? – Бестужев заслуги Вадима признавал, но давняя антипатия с годами лишь окрепла. – Очередной «апгрейд»?

– Не только. Хотел поговорить. Детоксин давно синтезирован. Почему ты не даешь разрешения вывести Настю из стасиса?

– Не время еще, – сухо ответил Егор.

– Может, пояснишь?

– Нет. – Бестужев развернулся, собираясь уйти. – Мог бы по коммуникатору спросить.

– Послушай, Егор, я к тебе в друзья не набиваюсь, но реально взгляни на положение дел. Хондийский крейсер, мягко говоря, выдохся. Он погибает. А мы тратим энергию.

– Не лезь не в свое дело!

– А ты не заводись! Из-за одного поля стасиса нам приходится поддерживать огромный корабль!

– Ты даешь жизнь репликантам, я их тренирую! – резко ответил Бестужев. – Лучшего полигона, чем старый крейсер, у нас пока нет. Для работы с нервом нужен опыт! И Настя здесь совершенно ни при чем! Она останется в стасисе, пока я не дам согласие на отключение генераторов! Считай, что вопрос закрыт, и больше не лезь с подобными инициативами, понял?!

– Злой ты стал.

– Какой есть.

– Думаешь, она не хочет жить?

Бестужев шагнул к креслу, резко развернул его.

– Метелин, не нарывайся!

– Эй, руки убери! Я теперь...

– Мне все равно, кто ты теперь! Нас чужие вот-вот сомнут! Я не хочу для Насти такой жизни, на осадном положении, понял?! Еще раз вякнешь... – Егор с трудом разжал пальцы, отпустил ворот белоснежной униформы. – В общем, ты понял.

– Ладно, ладно... – Вадим уже сто раз пожалел, что затеял этот разговор. – Вот, возьми, – он выложил на стол кибернетический модуль.

– Что за устройство? – Бестужев неприязненно взглянул на очередное усовершенствование для импланта.

– Микрогенератор электромагнитного импульса.

– Зачем он мне?

– Сервов все больше. – Метелин немного успокоился, снова заговорил с важным видом: – Массовое производство всегда чревато сбоями. Ну, сам понимаешь, на сотню сервов один всегда попадется с браком. Модуль предназначен для самозащиты.

– А мысленные команды? Что, я со сбойным механизмом не справлюсь?

– Ты не спорь. Приказ Малехова – выдать и проследить за подключением. Мысленная команда на неисправный механизм может и не подействовать. А импульс вырубит, как миленького.

– Дожили! От собственных сервов защищаемся!

– Ну, идет война, – развел руками Метелин. – Качеством приходится жертвовать в угоду количеству.

– Ладно. Как он работает?

– Дистанция воздействия – два-три метра. Мощность небольшая. Запитан, как все другие кибермодули, от накопителя импланта. Но есть опция подключения к метаболическому корректору. Это если вдруг понадобится ударить более сильно. Только учти – метаболический корректор сжигает жизненные силы организма. Не злоупотребляй.

– Да я вообще им пользоваться не собираюсь! – Егор взял устройство, демонстративно подключил его к резервному слоту височного импланта, дождался инициализации.

– Все нормально. Можешь доложить, что с задачей справился.

Он развернулся и пошел к выходу.

Комплекс биореструктивных лабораторий располагался теперь не в недрах хондийского корабля, а в отдельном многоэтажном здании, связанном с находящимся под его фундаментом участком бункерной зоны. Что происходит в глубинах реконструированного колониального убежища, не знал никто, кроме узкого круга посвященных.

Егор воспользовался лифтом, вышел на улицу. Его личный флайкар стоял у крыльца. Машина автоматически открыла водительскую дверь,

определив приближение Бестужева.

Он сел за руль, но, подумав, включил автопилот:

– К зданию администрации.

Город не спал. Зеленоватые небеса змеились сполохами. Три хондийских крейсера занимали половину пространства верхнего плоскогорья. Люди, сервы, репликанты спешили по делам, кто-то заступал на службу, кто-то возвращался с боевого дежурства, понятие смены дня и ночи внутри периметра стасиса как-то постепенно стерлось, забылось, утратило смысл.

Новостройки. Техносфера. Сбывшиеся мечты. Егор смотрел за окно, а на душе саднило, словно сменились декорации, но не суть происходящего.

Репликанты узнавали его машину, останавливались, провожали взглядами.

Особой гордости Егор не испытывал. Но и упрекнуть себя не мог. Он был честен с ними. Говорил правду. Открывал истинный смысл событий, формулировал их предназначение. Делал все, чтобы репликанты не чувствовали себя обыкновенным пушечным мясом.

Машина мягко притормозила у здания администрации.

Егор вышел, по привычке осмотрелся. Флайкар Малехова стоял на парковке у здания. Что ж. Самое время поговорить. Долго откладывал, сомневался, но встреча с Метелиным, потревоженный в душе образ Насти придали решимости. Хватит. Пора задать прямой вопрос и получить честный ответ. Покончить с сомнениями раз и навсегда.

* * *

В кабинете Романа Степановича горел свет.

– Бестужев? Что-то случилось? Вроде бы атаку отбили…

– По делу зашел.

– Ну, присаживайся. Опять не спал? Я же дал тебе выходные!

– Некогда отдыхать.

– В чем дело, Егор? – Малехов сразу понял – разговор предстоит серьезный.

Бестужев ответил не сразу. На душе стало тяжело. Нахлынуло. Вспомнились три прожитых в нечеловеческом напряжении года.

Вылазки. Захват кораблей. Сбор обломков. И все ради установок стасиса. Ими окружили зарождающийся город, с их помощью создали десятки изолированных зон ускоренного времени. Там работали машины, производили технику и оборудование, в недрах отремонтированного убежища теперь располагались огромные залы, где сложнейшие биокибернетические комплексы производили на свет репликантов. Взрослые мужчины и женщины с инсталлированными (иначе не скажешь) матрицами сознания составляли сейчас девяносто процентов населения города.

Их становилось все больше, а положение дел не менялось. Эшранги и хонди всеми силами старались прорвать периметр, разрушить поля стасиса, стереть с лица Пандоры человеческое поселение. Их атаки отбивали. Выходили из строя установки периметра, и снова начинался бег по кругу: вылазки, контратаки, поиск кораблей и их обломков.

Единственное, что было невозможно произвести в рамках доступных технологий – это эмиттеры стасис-поля. Они наша ахиллесова пята.

– Егор, о чем ты хотел меня спросить? – напомнил о себе Малехов. – Можешь говорить открыто. Твои заслуги трудно переоценить.

– Только они дают мне право задавать неудобные вопросы?

– Зачем сразу конфликтуешь? Ты проделал огромную работу. Создал идеологию, подходящую для репликантов. В понятной, доступной форме сформулировал принципы выживания, сразу же стер все иллюзии относительно чужих.

На самом деле Роман Степанович мог бы высказаться проще, сказать: ты, Егор, влил в жилы репликантов свою ненависть, подменив ею смысл жизни. Но нам это на пользу.

Малехов сдержался, не стал высказываться столь резко, прямолинейно. Бестужев похож на гранату, поставленную на сенсор. В любую секунду может рвануть.

– Извини, Роман Степанович. Мы в тупике. Бежим по кругу. Выдохнемся рано или поздно.

– Поясни?

– Отбиваем атаку за атакой. Теряем людей и технику. Эшранги и хонди ясно дали понять: мы для них – кость поперек горла. Не понимаю почему, но это факт!

– Что предлагаешь? – Малехов нахмурился.

– Начать наконец наступление! Выйти за периметр стасиса и ударить всеми силами!

– Освободить Пандору? Ты хоть представляешь, о чем говоришь?!

– Вполне. У нас достаточно подготовленных бойцов, техники. Репликанты рвутся в бой.

– Эшрангов и хонди слишком много. Они сумели отремонтировать сотни кораблей.

– Верно, – Егор отступать не собирался. – Чужие постоянно атакуют нас небольшими соединениями. Пускают впереди корабли ударных групп с включенными полями стасиса. Тем и ломают нашу оборону, перегружают эмиттеры, взрывают их! Они знают: мы не способны воспроизвести технологию армахонтов! Измотают ведь рано или поздно!

– У тебя есть конкретный план?

– Да, – Бестужев протянул чип. – Здесь все изложено.

– А в двух словах?

– В трехстах километрах от нас расположен разрушенный город армахонтов, населенный чужими. Захватим его! По ходу завладеем установками стасиса. Кроме того, у меня на примете есть пятнадцать хондийских крейсеров, которые можно захватить. Их координаты проверены.

Малехов внимательно слушал.

– Мой замысел: имитируем крупное наступление, – продолжил Бестужев. – Роботизированными ударными группами будем прорываться в глубь территорий так далеко, насколько возможно, благо вода схлынула!

– Что это даст?

– Эшранги не знают, какими силами мы располагаем на самом деле. Соберут свой флот, чтобы покончить с нами.

– Последняя битва? – Малехов задумался. – Хочешь спровоцировать чужих? Собрать их в одном месте, удержать, жертвуя передовыми отрядами, а затем ввести в бой все резервы?

– Немного не так. Завязать сражение, имитировать отступление, заманить их флот в ловушку, вывести его под огонь заранее оборудованных позиций. Уничтожить максимум кораблей врага, а затем добить. Пройти всю Пандору.

– Егор, в тебе говорит здравый смысл или ненависть?

Бестужев задумался.

Он больше не мог так жить. Чувствовал, что выдохся, теперь уже совершенно, окончательно. Его ненависть не находила выхода и постепенно выжигала изнутри. Он пытался думать о будущих поколениях пандорианцев, но не получалось, пока в мыслях постоянно возникали образы эшрангов и хонди.

Не будет мира. Не будет жизни. Не будет ничего…

Он чувствовал, что догорает…

– Нашу оборону рано или поздно прорвут, – ответил он. – За три года отбито сотни атак, нацеленных на периметр. Непонятно, почему нас не оставляют в покое, но вечно мы держаться не сможем!

– Пандора без эшрангов и хонди? Звучит заманчиво. – Малехов смотрел на Егора и думал: он стал опасен. Окончательно слетел с катушек, его ненависть бездонна, непримирима, и – он мысленно укорил себя за допущенную ошибку – тысячи репликантов преданы ему. Они впитали идеологию Бестужева, прониклись ею.

– Хорошо, Егор, – Роман Степанович машинально вертел микрочип. – Сгоряча решения принимать не станем. Я изучу твой план. Сегодня же, обещаю.

* * *

Неделей позже…

Под куполом защиты царили мягкие зеленоватые сумерки.

Егор вел машину, придерживаясь старой дороги. Легкий ветерок, врываясь в салон, ерошил его седые волосы. Во взгляде серых глаз читалось напряжение, мелкие, несвойственные возрасту лучики морщин придавали лицу усталый вид.

Последний поворот, сполохи искажений, прозрачный, похожий на стену из зеленого стекла периметр, чуть ниже арка габаритных огней в теснине скал, – граница между жизнью и смертью.

Егор плавно сбросил скорость. Укрепления приближались, строящийся город остался позади, его скрыла мгла, а в толще энергетического поля стали различимы силуэты эшрангов, хонди, их кораблей, истребителей, наземных машин, остановленных стасисом.

Искажения – это плохо. Периметр в последнее время все чаще теряет стабильность. Если не заменить вышедшие из строя эмиттеры, то смутные силуэты вполне могут ожить, довершить начатое.

Скрипнули тормоза.

– Егор Андреевич? – репликант, дежуривший у пропускного пункта, мгновенно узнал командующего.

Бестужев протянул пропуск. Он требовал от подчиненных дисциплины и сам никогда не нарушал установленных правил.

– Скоро наступление? – репликант (его имени Бестужев не помнил) чиркнул пропуском по считывающему устройству, кивнул: все в порядке.

Молодой совсем. На вид лет двадцать. Из последнего пополнения. Глаза живые, взгляд еще не поблек, не выцвел.

Может, мне и не суждено пережить грядущее, но они, – сейчас Егор думал о целом поколении репликантов, о Насте, о землянах, о подросших пандорианцах, – они будут жить без ненависти, без страха...

Все решено. План одобрен. Стальная лавина уже ушла за границы периметра и теперь скрытно сосредотачивается на рубежах.

Мысли промелькнули, схлынули, и Егор, стряхнув секундное наваждение, направил машину к арке габаритных огней.

* * *

Пандора. Двести километров от периметра…

Долгий день клонился к закату.

На улице бронетехника месила липкую грязь, занимая позиции круговой обороны. Сквозь ткань штабной палатки доносился лязг гусениц, голоса, окрики, гул двигателей. После утреннего боя и дневного марша усталость навалилась свинцовая.

Родион Бутов на минуту задержался подле тактического комплекса, хмыкнул, изучив новый, только что загруженный участок рельефа. До ближайшего активного объекта еще тридцать километров. Легкие сервы уже форсировали озеро, закрепились на другом берегу. Можно снять осточертевший сервокостюм, дать отдых телу, но разве выспишься в такой духоте?

– Общую сводку!

Связь между имплантом и кибстеком не прерывалась ни на секунду, однако новые сведения не поступали вот уже час. Что на флангах – неизвестно.

В полевых условиях использование голографических экранов запрещено, информация, принятая нанокомпом, транслируется напрямую в рассудок.

Сбой дальней связи. «Соседи» молчат, как в воду канули.

Ладно. Разберемся. Не в первый раз.

Родион вышел на улицу. Спать не хотелось. Ближайший технический серв, опознав командира, резво подбежал, сменил наполовину разряженный энергоблок его сервокостюма и вновь вернулся к своим обязанностям, придирчиво изучая состояние боевой планетарной машины.

Родион осмотрелся.

Пандора – мир немыслимых, катастрофических, беспощадных контрастов.

Небеса планеты очистились от облаков.

Вода схлынула.

Ночная радуга цвета стали, дуга, источающая тусклое холодное сияние, наискось перечеркнула звездный небосвод, изгибаясь от горизонта до горизонта.

Так выглядят кольца планеты, состоящие из множества обломков космических кораблей и орбитальных станций.

В небе, чуть выше стальной радуги, висела полная луна, и двигалась яркая, слегка мерцающая точка. Станция Н-болг. Огромная орбитальная конструкция, где правят ц'осты, или в просторечье – морфы.

Взгляд Бутова скользил по окрестностям.

Мелководное озеро в свете луны отливало свинцовой рябью. Справа от позиций роботизированной ударной группы виднелся остров, угадывались очертания древних руин.

– Романов, что со связью?

Рослый репликант вынырнул из сумрака.

– БПМ на позициях, инженерные машины готовы, научное и техническое отделения размещены, – начал докладывать он, но Родион прервал жестом: сам вижу.

– Почему нет связи? – переспросил он.

Романов указал в западном направлении. У горизонта извергалась группа вулканов. Тучи пепла висели в воздухе, сквозь них прорывались оранжевые отсветы, изредка били молнии, поднявшийся после заката ветер вытягивал длинные серые шлейфы в сторону гор.

– Вышли сервов. Выдели из резерва. Пусть хоть цепочкой выстраиваются, ретранслируют сигнал, но связь восстановить, понял?!

Романов кивнул.

– Исполняй!

Ситуация накалялась с каждым днем. Ударные группы, теряя людей и технику, прорывались все дальше и дальше в глубь территорий, населенных эшрангами и хонди.

План Бестужева в действии.

Родион не испытывал оптимизма в связи с начавшимся наступлением. Он иначе смотрел на ситуацию, понимал – сил слишком мало, чтобы полностью отвоевать Пандору.

Инженерные машины медленно подошли к урезу воды, выстроились цепью, начиная сканирование дна озера.

Раньше тут был ледник – Родион отогнал назойливые воспоминания, соединился по локальной сети с сервами, закрепившимися на

противоположном берегу озера.

Глазами машин он увидел прорезанные глубокими оврагами каменистые пустоши и темную горбину инопланетного корабля, погребенного под наносными отложениями.

Хондийский транспорт. Энергоматриц нет. В надстройках, возвышающихся над растрескавшейся землей, видны многочисленные пробоины. Ни интереса, ни угрозы корабль не представлял. Его отсеки наверняка полны песка и липкой грязи.

Цепь инженерных машин уже продвинулась метров на пятьдесят от берега, теперь над водой возвышались лишь верхние сочленения ступоходов да обтекаемые герметичные корпуса.

Глубина росла. Показания датчиков не радовали. Похоже, озеро не мелководное, скорее всего, вода заполнила кратер, образовавшийся в результате крушения крупного космического корабля. Таких шрамов на теле планеты – не счесть.

Родион присмотрелся. В сумерках противоположный берег не разглядеть, над водой клочьями плывет туман.

Рубка головной инженерной машины скрылась уже на треть.

Точно – кратер. По дну БПМ не пройдут. Рельеф сложный, и глубины большие. Придется форсировать на антигравах, а это огромная затрата энергии. Но в обход по берегу – потеря времени. Сутки, не меньше.

– Озеро нагрето неравномерно, – к нему подошел Никита Звонарев, его Родион помнил еще мальчишкой. – Взгляните, Родион Иванович, – Никита присел на обкатанный ледником валун, коснулся уголка электронного планшета, – тепловая аномалия по центру.

– Вулкан? Тектонический разлом?

– Не думаю. Пробы испарений чистые, без характерных примесей.

– Что тогда? – Родион насторожился.

– Существует теория, ее выдвинул Павел Аркадьевич Стременков. Ну, вы ведь его хорошо знаете, правда?

Пашка? – на душе вмиг потеплело. Да, разбежались пути-дорожки. Вот уж никогда не думал, что он станет ведущим специалистом проекта «Периметр».

– Никита, хватит. Давай на «ты» и по существу. Что за теория?

– Она объясняет внезапное, катастрофическое потепление.

– Ну?

– Вы ведь знаете, что стасис-поле локально останавливает время?

Родион кивнул.

– Эмиттеры до сих пор работают на большинстве космических кораблей, когда-то рухнувших на планету, – Никита начал издалека.

– Короче! – прервал его Родион.

– Пространство и время неразрывно связаны между собой! Павел Аркадьевич считает, что близко расположенные поля стасиса не только останавливают время, они искажают пространство, создают нестабильный пробой метрики, через который в наш мир проникает энергия! Ее постоянный прирост нагревает кору планеты, что и привело к климатической катастрофе!

– Ерунда, – отмахнулся Родион.

– Почему?! – Никита удивился столь категоричному ответу.

– Я вдоль и поперек излазил окрестные ледники. Мы втроем: Егор Бестужев, Пашка Стременков и я работали на эшранга по имени Ошр. Неужели сам не помнишь?

– Маленький был.

– А сколько тебе сейчас?

– Семнадцать.

– Ошибается Пашка, – с прежней твердостью повторил Родион. – Ты, Никита, даже представить не можешь, сколько кораблей мы видели во льдах. Иногда по три-четыре, ярусами, в наслаивающихся кратерах. И ничего с ледниками не происходило! Можешь мне поверить. Иногда, чтобы добраться до нужного эшрангу объекта, приходилось тоннели прорубать. Я с Пашей сам поговорю, когда вернемся.

– Нет, Родион Иванович, тут все не так просто! – Никита не сдавался. – Технология стасиса все еще загадка для нас! Если говорить честно – такой уровень манипуляций с пространством и временем недоступен нашему пониманию, даже в теории! Но благодаря проекту «Периметр» нам удалось накопить практический опыт, понимаете? Установки стасиса, расположенные близко друг к другу, опасны!

– Ты сейчас о взрыве, что произошел в прошлом году? – хмурясь, уточнил Родион.

– Да, верно! Взрыв на периметре! Техники ошиблись, неправильно расположили эмиттеры. Это привело к возникновению скачка энергии! Мы аварийно отключили питание, но ничего не помогло! Скалы расплавились!

– Все равно не понимаю! Сотню лет чужие корабли благополучно вмерзали в лед, и вдруг на тебе – глобальное потепление! Их ведь никто не смещал!

– А вот этого мы как раз не знаем! – запальчиво возразил Никита. – Процесс мог начаться спорадически, например, в результате вулканической активности! Где-то тепло недр растопило лед, сместило обломки прошлых космических битв, в результате возникло совмещение полей стасиса, а дальше ситуация усугублялась стихийно, лавинообразно: приток энергии из подпространства привел к резкому потеплению в отдельно взятом регионе – назовем его эпицентром, затем течение талых вод и подвижка ледовых масс изменили положение других обломков, образуя их скопления!..

– Так, Никита, притормози! – Родион идею уловил, и она ему совершенно не понравилась. – Хочешь сказать: нам светит еще одна катастрофа?!

– Да. Таянье льдов – только первый вестник грядущего. Если подтвердится теория Павла Аркадьевича, то Пандора вообще обречена. Приток энергии будет и дальше разогревать планету, пока кора не расплавится!

– Без вариантов?

– Если только мы не вмешаемся.

– Каким образом?

– Отключив все опасно расположенные системы стасиса!

Родион невесело покачал головой.

– Жизни не хватит. Чужие везде. Они защищают каждый обломок!

– Но мы же – корпорация! – с неожиданным вызовом ответил юный ученый. – Сила! Концентрация интеллектуальной и технической мощи!

– Угу, – Родион искоса взглянул на парня. «Шпарит цитатами из речей Малехова».

– Ладно, пробежались по гипотезам, теперь вернемся к делу.

– Я о деле и хотел поговорить! Случай уникальный! Если на дне озера лежат обломки двух кораблей с работающими установками стасиса, то, проведя исследования, мы получим подтверждение гипотезы Стременкова! Нагрев воды в отсутствии геотермальной активности будет доказательством притока энергии через разрыв в метрике…

– Так, остынь! – вновь осадил его Родион. – Утечка из систем охлаждения реакторов мне нравится больше, чем теория апокалипсиса! В общем, готовь оборудование, – неожиданно согласился он.

– Нужно доложить!

– Перебьешься. Связи нет! – отрезал Родион. – Видишь на западе извержение? Пепел несет шлейфами. Сами все проверим. А пока – панических слухов не распускать, понял?!

– Понял.

– Тогда – бегом, исполнять приказ!

* * *

Связь заработала лишь к утру. Родион отозвал сервов, отправленных в тыл. Нечего попусту рисковать техникой. Ударная группа заняла позиции круговой обороны, научное подразделение готовило к погружению глубоководный аппарат, развитие наступления пришлось приостановить, но оправдание было железным – на дне озера зонд действительно обнаружил энергетические матрицы двух инопланетных кораблей. Активность систем стасиса не вызвала сомнений, уж сигнатуры эмиттеров Родион успел изучить досконально, узнавал их безошибочно.

«Ну, а больше мне ничего и нужно. Ни одобрения, ни разрешения. Зачем прорываться вперед, если цель под ногами, вернее, под водой? Пусть Никита проводит свои исследования, доказывает или опровергает теории. Нам ведь нужны генераторы стасиса для проекта «Периметр»?

Мы их достанем. А что касается Пашиной гипотезы – переговорю с ним с глазу на глаз».

Тонко пискнул датчик.

Перед мысленным взглядом тут же сформировалось изображение, переданное с видеокамер БПМ: к позициям приближался флайкар. Один, без сопровождения.

Егор. Только он способен так безрассудно рисковать.

Мощный планетарный вездеход тем временем обменялся опознавательными кодами с системами боевых машин, пересек рубеж обороны, остановился на берегу озера.

– В чем задержка? – Бестужев спрыгнул с подножки, окинул взглядом позиции ударной группы.

Родион поспешил навстречу – с Бестужевым они не виделись уже пару месяцев.

– Егор, привет!

Холодный взгляд остановил его.

– Бутов, что это значит?! – резкий тон Бестужева окатил, словно ледяная вода.

– Озеро кипит, – Родион обиделся. Да, вокруг полно подчиненных, среди них немало репликантов, считающих любое нарушение субординации проявлением слабости, безволия, недопустимой мягкотелостью, но ведь Егор мне как брат!

Бестужев обернулся, внимательно посмотрел на кипящие воды.

– Ты нарушил приказ!

– Знаю! – Бутов всерьез разозлился. – Есть причина!

– Назови!

– Пойдем в штабную палатку. Нечего тут спектакль устраивать!

Бестужев кивнул, молча прошел мимо, скрылся за тяжелым пологом, закрывающим вход.

Бутов, ничего не понимая, последовал за ним.

– Егор, что с тобой происходит?

Бестужев не слушал его. Он склонился над тактической картой, тяжело опираясь руками о край ящика с боеприпасами.

Если быть честным, то холодок отчуждения, непонимания между ними пробежал давно, после появления первого поколения репликантов – носителей хондийского нерва. Егор как-то резко отдалился от всех, замкнулся в себе, начал работать над «Догматами»[9], – репликанты всерьез воспринимали его книгу как непреложный, неоспоримый свод правил.

«Иметь твердую жизненную позицию – это хорошо, но…»

Бестужев обернулся. Он прочел данные, изучил сигнатуры, обнаруженные на дне озера, и его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Значит, по твоему мнению, мы погубили Пандору?! – резко, не скрывая острой неприязни, спросил он. – Превратили ее в клоаку аномалий времени и пространства, так?!

– Это гипотеза, – Родион сел. – Я приостановил прорыв. Десять-пятнадцать километров ничего не решают. А предположения Стременкова (он сознательно не назвал Пашку по имени) требуют проверки. Две совмещенные сигнатуры стасиса, явный нагрев воды – не слишком ли для случайного совпадения?

– Речь о нашем выживании! – резко ответил Бестужев. – О выживании, понял?! – он сорвался на крик. – Ты останавливаешь наступление, даешь эшрангам шанс перегруппировать разбитые, уже почти небоеспособные хондийские части! Почему? Из-за кипящей воды? Из-за непроверенной гипотезы, суть которой – крамола!

– Наука дала нам шанс выжить, – спокойно возразил Бутов.

– Какой ценой?! – в штабной палатке появился знакомый удушливый смрад. – Давить чужих! Наращивать периметр! Действовать беспощадно, иначе нашим потомкам снова придется имплантировать себе вот это! – Егор поднял руки, развернул их ладонями к Родиону. Хондийские железы набухли. Лицо Бестужева исказила гримаса. Казалось, что не токсин сочится из желез, а его ненависть.

– Мы с тобой когда-то верили в силу науки!

– Неважно! – отмел возражения Бестужев. – Я не позволю сеять ересь! Паша Стременков, в кого он превратился?! Стал бесхарактерным, как земляне! Посмотри, до чего он докатился?! Выдвигает гипотезы, суть

которых уничтожает нас! По его мнению, мы виновны в климатической катастрофе?!

– Нет! – Бутов все же не выдержал, вспылил. – Гипотеза объясняет приток энергии, нагревший планету! Она идет вразрез лишь с идеологией ненависти! Если Паша прав, то хонди и эшранги спасали свои жизни, пытались остановить климатическую катастрофу, растаскивая опасно сблизившиеся корабли, отключая поля стасиса! Понимаешь, о чем я говорю?! Помнишь те данные МаРЗа, с которых все началось?! Они поднимали корабли, отключали стасис, чтобы предотвратить катастрофу!

– Бред!

– Я хочу проверить и убедиться! Не больше и не меньше!

– Я сказал – это бред! Получается, что и Периметр они атакуют не из ненависти к нам?! Такие они в твоем понимании – белые и пушистые?!

– Откуда черпают энергию сконфигурированные нами установки стасиса? – сдерживая ярость, спросил Родион. – Ты ничего не слышишь, Егор! Не хочешь ничего понимать, не способен остановиться на минуту, на сутки ради истины!

– Истину мы выясним потом! Только победа, полная, безоговорочная, даст нам шанс развиваться дальше, строить мирную жизнь, осваивать Пандору, изучать ее!..

– Догматы? Цитируешь себя, любимого?!

Бестужев побледнел. Его лицо окаменело.

– Я формулирую правила выживания! Придерживаясь их, новые поколения смогут жить без страха! Они снова выйдут в космос, отыщут «Прометей», восстановят корабль и…

– Поколения репликантов? – снова прервал его Бутов. – С имплантированной идеологией? Я не решился завести детей, ты вообще забыл, что такое человеческие чувства, Пашка с головой ушел в науку, не видит ничего вокруг, – так кто же наши потомки?! Дисциплинированное пушечное мясо из камер биореконструкции? Единственная книга, которую они читали – это твои «Догматы»! Зачем им космос? Зачем «Прометей»? Чтобы нести ненависть в другие миры?

– Ты не согласен с моими формулировками? Отрицаешь реальность?! «Догматы» – отражение жестокой необходимости! Русанов был тысячу раз прав! Только сжав в кулак весь потенциал колонии, мы переломим ситуацию! Ответь, согласен или нет?!

– Нет! Если не могу остановить наступление, хотя бы на сутки вырваться из вакханалии смерти, ради проверки вполне жизнеспособной гипотезы, – то нет, не согласен!

– Сломался?! – Бестужев тяжело сел. Все же под гримасой сурового безразличия в глубине его почерневшей души еще тлела искра былой дружбы.

– Слишком много смертей, Егор. Этого ли мы хотели? Помнишь тела мертвых хонди, брошенные в молекулярный синтезатор? Ты сказал: один раз мы сделаем это ради выживания! А что происходит сейчас? Сотни пленных! Куда они исчезают? Что происходит в глубинах бункера? Откуда берется органика для камер репликации? Мы перерабатываем пленных, чтобы воспроизвести людей? Ответь?!

– Закрытая информация!

– Когда-то у нас не было тайн друг от друга! Вот увидишь, твоя ненависть не приведет к добру и процветанию! Может, разумом я понимаю жестокую необходимость крайних мер, но не душой, не сердцем! Я хочу остановиться! Дай мне шанс взглянуть на ситуацию под другим углом! Прошу всего сутки, Егор! Мы проверим совмещенные энергоматрицы, раз и навсегда выясним, что именно разогревает планету, и клянусь – если Пашка ошибся в предположениях, я исполню любой приказ, буду биться, до самой смерти!

– Ты хотел сказать: до победы?

– До смерти! Победы не будет! Эшрангов и хонди слишком много! Даже армия репликантов ничего не изменит! Баланс сил не в нашу пользу! Наступление уже выдыхается, и вскоре мы попятимся!

– Ты многого не знаешь!

– Так просвети меня!

– Нет.

– Почему? Уже не доверяешь?

Полог палатки резко распахнулся, внутрь ворвался лейтенант Романов.

– Хонди! Они сконцентрировали силы на той стороне озера! Сервов накрыли электромагнитным импульсом! У них пять переоснащенных грузовых кораблей!

– Дождался?! – Бестужев резко встал. – Лейтенант, принимай командование! Бутов разжалован, пойдет в бой рядовым бойцом! Исполнять!

Родион не произнес ни слова. Он подошел к кофру с личными вещами, коснулся сканера, открыл продолговатый контейнер, бережно достал из него старый, потертый, видавший виды «абакан» – тот самый, с клеймом земного завода-изготовителя.

На улице уже звучали отрывистые команды, ревели двигатели, тонко взвизгивали сервомоторы.

Они так и не взглянули друг на друга, не помирились, не попрощались – злость и обида глодали души, думалось: еще поговорим, когда все закончится!

* * *

Выбежав из штабной палатки, Бестужев едва успел бросить взгляд в розовеющие небеса. Полоску зари перечеркивали ниточки холодного белого сияния.

Боевой сканирующий комплекс проигнорировал непонятный световой эффект. Гораздо явственнее, ближе, опаснее были сотни объектов, движущихся, словно лавина.

Небеса разорвало вспышками. Первую волну фаттахов встретил плотный зенитный огонь. Яркие пунктирные трассы резали рассветную мглу, настигали хондийские истребители – десятки машин, объятые языками пламени, падали в озеро, беспорядочно вращаясь, оставляя за собой дымные шлейфы.

– Экономить боеприпасы! – Бестужев добежал до линии укреплений, спрыгнул в капонир.

В стремительно светлеющих небесах творилось нечто неописуемое. Проекционное забрало боевого шлема сплошь покрылось засечками

активных сигналов! Казалось, все корабли эшрангов и хонди, способные подняться в воздух, объединились в армаду – они надвигались от горизонта, словно грозовой фронт.

Началось!

Бестужев невольно замер, слова команд застряли в горле, такого леденящего душу потрясения он не испытывал давно.

Полоска зари мигнула и угасла. Ее затмили силуэты вражеских кораблей, движущихся нескончаемым потоком!

Фаттахи кружили в воздухе, атаковали наземные цели, но с ними взаимодействовали лишь хондийские транспорты, истребители эшрангов держались в стороне, прикрывая крейсера, которые скользили на предельной высоте, выглядели, как рой точек.

Бестужев уже понял, что происходит. Эшранги никогда не ладили между собой, объединить их могла лишь сила чрезвычайных обстоятельств или ненависть – жгучее желание раз и навсегда покончить с людьми!

Теперь их построение уже не вызывало вопросов. Все в духе эшрангов. Пока хонди принимали удар, они беспрепятственно двигались в направлении гор, к городу!

Другое толкование событий не приходило на ум. Что ж, пусть прорываются! Навстречу собственной смерти! Все по плану…

– Перенести огонь! Даю координаты целей!

Десяток планетарных машин поредевшей в боях ударной группы не в силах совладать с флотом, но они способны нанести ущерб и без того поврежденным кораблям противника!

Настал ваш судный день, твари!..

Отдать приказы, отправить сообщения – дело нескольких секунд. Главное – успел предупредить! Рановато отреагировали эшранги, укрепления в местах сосредоточения резервных сил еще не готовы, но ничего, вас там все равно встретят!

Недалеко от капонира в берег озера врезался пылающий фаттах. От взрыва покачнулась земля, Бестужев едва устоял на ногах. Два хондийских транспорта стремительно снижались, в воду спрыгивали фигурки бойцов, лазерные разряды били по укреплениям – дым, огонь,

грохот, вой и визг рвали реальность, общая картина боя дробилась на отдельные очаги, частоты связи тонули в треске помех. «Но это уже не важно», – промелькнула горячая мысль.

«Я успел… Мой план сработал!..» – Бестужев рванул по ходу сообщения, не обращая внимания на всплески пламени, оставляющие в бруствере дымящиеся вишнево-красные язвы.

Боевые планетарные машины перенесли огонь на корабли эшрангов. Мощные импульсные орудия били короткими очередями, поражая наиболее уязвимые надстройки. Кибернетические системы управления действовали с холодной, беспощадной точностью.

Рой кораблей замедлил движение, начал распадаться, многие крейсера, серьезно поврежденные в давних битвах, еще при штурме планеты, быстро теряли ход, снижались, шли на вынужденную посадку.

Насколько же они ненавидят нас, если рискнули поднять в воздух откровенный, дышащий на ладан хлам?!

Ситуация резко осложнилась. С одной стороны, чаша весов явно склонилась в сторону людей. Сокрушительные повреждения, причиняемые снарядами импульсных орудий, выводили из строя все новые и новые корабли, но, снижаясь, они открывали ураганный огонь по ударной группе, стремясь подавить сопротивление, обеспечить себе беспрепятственную посадку.

Земля пылала, озеро кипело. Обломки сыпались, как град, причиняя больше ущерба, чем залпы лазерных батарей.

Ближайший капонир потонул в ослепительной вспышке. БПМ взорвалась. Зенитный огонь становился все слабее. Клочья сгорающей на лету органической брони кружили, словно огромные черные хлопья пепла, уцелевшие фаттахи резко набирали высоту, расходясь в стороны, перестраиваясь.

Оглушительный рев рушился на истерзанные позиции. Два крейсера эшрангов потеряли управление и падали – их антигравитационные двигатели отказали.

Бестужев инстинктивно присел под защитой оплавленного передового укрепления.

Сокрушительные удары последовали один за другим. На миг все вокруг затопило неистовое пламя, оно рвануло во все стороны от эпицентров крушений, гаснущие факелы огня выбрасывало на высоту нескольких километров, по земле с грохотом побежали трещины, озеро выплеснулось из своего ложа, вода поднялась многометровым валом, сметая чадящие обломки истребителей и хондийских транспортов.

Мир померк.

По забралу боевого шлема стекала липкая грязь. Бестужев пошевелился, проверяя работу систем бронескафандра.

Сервоприводы отвели глухим воем, что-то заскрежетало, левая рука двигалась с трудом, на внутреннем ободе забрала тревожно перемигивались рубиновые искорки.

«Время машин истекло. Наша очередь», – мысль не несла оттенков страха, лишь надрывная злоба, ставшая нормой жизни, толкала вперед, навстречу поредевшим группам выживших хондийских бойцов. Родька прав. Рано или поздно, так должно было случиться!

Шелест электромагнитного затвора потонул в напряженном реве. Вода схлынула, попятилась, волна отлива, уже не сокрушительная, не опасная, устремилась назад, дробясь и пенясь, – берег озера усеивали обломки космических кораблей и боевых машин.

Рассвет не наступил. Небеса затянул плотный и низкий полог дыма, из-за него невозможно определить, скольким кораблям армады удалось прорваться.

Не беда. Их встретит следующая ударная группа, сейчас дуга наступления превратилась в сплошную оборонительную позицию, да и группы подкреплений встанут насмерть, образуют второй и третий эшелоны на подступах к городу.

Душа Бестужева догорала. Он не думал о том, как выжить. Слишком много непоправимых для человеческой психики событий спрессовались в коротком отрезке жизни.

Он выпрямился, окинул взглядом изменившиеся до полной неузнаваемости окрестности.

Вода с шумом стекала назад, в кратер. Обломки двух крейсеров еще виднелись над поверхностью кипящего озера. Кое-где раздавались

взрывы, вихрился пар, черными клубами выталкивало едкий дым.

– Егор? Жив? – в стороне от укрепления, среди искореженных надстроек хондийского транспорта заработал передатчик лазерной связи.

На мгновенье душа сжалась.

Родион?!

Слева появились хондийские бойцы. За ними, утопая в грязи, ковыляла, огрызаясь из крупнокалиберных бионических автоматов, похожая на паука штурмовая машина.

– Цел. – Бестужев заметил удачно приземлившийся фаттах, в голове мгновенно созрел дерзкий план. – Родька, уходи! Прорывайся к нашим!

– Не указывай! – огрызнулся Бутов.

– А ты не тупи! Мы сделали, что могли!

– А сам? Останешься?

Бестужев не ответил, резанул короткой очередью по хондийским бойцам, рывком перескочил через оплавленный бруствер, ринулся к фаттаху.

– Собери всех, кто выжил! Уходите! Это приказ! Я вас прикрою!

В ответ ударил «абакан» Бутова. Он не покинул позицию, остался, прижал огнем хондийских бойцов.

«Проклятье, – метнулась мысль. – Я не хочу его смерти! Не вынесу!»

Смоченные токсином иглы со свистом рассекали воздух, отскакивали от брони, оставляя на ней лишь неглубокие царапины.

Рядом ударил взрыв. Хонди добрались до передовых позиций, заняли укрепление и теперь обыскивали мертвые тела его защитников, собирая и тут же пуская в ход трофейное оружие. Они быстро учились, хорошо понимали, что иглы бионических автоматов не поражают цель!

Издалека, прорываясь сквозь дым, ударил лазерный излучатель. Бестужев не добежал до фаттаха, жалящий луч полоснул по ноге, расплавил броню, перерубил приводы активатора.

Он упал на бок, по инерции прокатился еще несколько метров, замер.

Интегрированное в бронескафандр оружие отказало. Хонди, заметив, что человек пытается отползти, решили захватить его живым.

Бестужев тщетно пытался добраться до люка истребителя. Ползком, на одном усилителе мускулатуры два центнера брони не сдвинуть, его руки лишь загребали липкую грязь, не находя точки опоры.

Над головой звонко ударила очередь.

Кто-то рывком перевернул его.

Родька!

– Держи! – он насильно отдал Бестужеву свой автомат, тут же выхватил пистолет, выстрелом в упор разнес голову хондийскому бойцу. – Как открыть люк?!

– Ты не сможешь. – Егор одной рукой приподнял автомат, кончиком языка дотянулся до сенсора на внутреннем ободе забрала, разгерметизировал шлем, зубами начал стягивать перчатку. – Без нерва не откроешь!

В центре озера, там, где громоздились обломки двух крейсеров, вдруг ударила вспышка.

Бледный свет на миг залил окрестности, он проникал сквозь завесы дыма и пара, не отбрасывал теней, игнорируя препятствия.

Хонди замерли и вдруг в панике побежали назад.

– Что это?! – Бутов невольно попятился, отступил за корпус фаттаха.

Егор с трудом повернул голову. Перчатку он все же умудрился снять, железа сочилась запахом, биосканер люка уже уловил его, часть обшивки хондийского истребителя начала сдвигаться, но эти действия безнадежно опаздывали, не поспевали за роковыми событиями.

Призрачный свет вдруг начал вздуваться волдырем. Он игнорировал законы физики, явление выглядело мистическим, сверхъестественным, словно озеро и часть истерзанного берега накрыло куполом, сотканным из чего-то нематериального.

Граница света и сумрака выглядела четко, словно ее провели острым лезвием. Линия терминатора проходила через корпус фаттаха, невольно попятившийся Родион остался по одну сторону, Егор по другую.

Его омывал призрачный свет.

Ненависть догорела. Он не думал о прошлом и не рассчитывал на будущее.

Знал, что так произойдет рано или поздно. Потерял друзей. Не сберег любовь. Так и не принял ни кибернетических, ни биологических «усовершенствований», терпел их, как терпят зубную боль.

«Зачем я думаю об этом? – мысленно удивился он, отталкивая щемящие образы. – Хватит. Все неправильно! Почему Родька остался в сумерках, в дыму, а меня омывает свет? Должно быть наоборот!»

Ярчайшая вспышка ослепила его.

Глава 8

Сегодня мы начинаем наступление.

Мы навсегда изменим мир Пандоры.

Я хочу одного: пусть наши потомки вырастут, не зная страха и ненависти.

Я готов к переменам. Готов отдать за них жизнь…

Егор Бестужев. «Догматы».

Последняя неоконченная страница

Пандора… Неизвестность…

Он ослеп. Перед глазами плавали черные пятна. Звуки исчезли.

Контузило?

Егор порывался вскочить, но сервомускулатура не подхватила усилие, бронескафандр воспринимался, как сковывающий движения тяжкий груз.

Рассудок еще жил мгновениями боя, перед мысленным взглядом застыла уничтожающая картина: он по-прежнему видел Родьку, отброшенного взрывом в сумрак, за границу бледного сияния…

Ему казалось, что кровь сочится по броне Родиона.

Держись!.. Только держись! Не умирай!..

Как поздно, как бессмысленно приходят к человеку внезапные прозрения. Часом бы раньше. Но ничего не вернешь.

Он же был моим другом!

Надрывный беззвучный крик ничего не менял.

Егор хотел умереть. Хотел, чтобы смерть стерла жуткую, неправильную реальность, милосердно погасила ее.

Ты сволочь, Бестужев. Судил всех, рубил сплеча, а теперь норовишь ускользнуть во тьму, от последствий своих решений поступков, от возмездия?

«Нет, – шептал внутренний голос. – Ты очнешься. Очнешься среди погибших, будешь бродить по берегу озера, среди изорванных тел,

заглядывать в глаза мертвым, понимая – твоя ненависть убила их!

Ты сломался. Потерял человечность. В глубине души завидовал даже репликантам, с тоской вспоминал жизнь без хондийского нерва, но не мог избавиться от него, зная: на твое место не придет другой. Не взвалит на плечи твою невыносимую ношу…»

Обрывки образов плавились в рассудке.

Прохладное дуновение ветра коснулось лица. Кончики пальцев начало покалывать.

Он вспомнил, что открыл забрало боевого шлема, зубами стянул перчатку, в надежде открыть люк хондийского истребителя…

Почему же так тихо?!

Ни плеска воды, ни воя надсаженных двигателей, ни взрывов, ни выстрелов.

Зрение медленно возвращалось. Черные пятна приобрели багряный оттенок, непонятная, колышущаяся тень то появлялась, то исчезала.

Нерв не подавал признаков жизни.

Давно забытое ощущение. Господи, неужели он погиб? Я свободен? Но такого не может быть! Последний раз, разговаривая с Метелиным, Егор понял: удаление хондийского нерва – тщетная, несбыточная надежда. Нерв слишком тесно сжился с организмом, пустил отростки, и операция по удалению с каждым прожитым днем становилась все более нереальной.

«И снова мысли только о себе!»

Злоба подкатывала к горлу, рвалась наружу хрипом, пальцы сжались в кулак, захватили пригоршню песка.

Он помнил: вокруг разлилась липкая жижа, в которой ноги тонули почти по колено…

«Откуда песок?

Какая тебе разница?

Что за тень надо мной? Почему ничего не слышно?!»

Он взвыл. Хрипло, страшно, надломленно – и услышал себя в нереальной тиши.

Веки дрогнули. Блеклый свет резанул по глазам. Шелест. Монотонный шелест.

Над ним покачивалась разлапистая ветвь растения. Вид широких темно-зеленых листьев с красноватым рисунком прожилок ошеломил Бестужева, вызвал бурю эмоций.

Он с трудом повернул голову. Песок.

Душный, влажный воздух лип к лицу. Лишь редкие дуновения ветерка несли прикосновения прохлады. Вокруг царил бледно-оранжевый свет.

На внутреннем ободе гермошлема не горело ни одного индикационного сигнала.

Он ничего не понимал, но злость и упрямство пересилили недоумение. «Если я жив, то могу двигаться! Если нет, значит, умираю».

Никудышная логика.

Пальцы руки разжались. Песок струйками стекал между ними.

Ветвь растения монотонно покачивалась. Оранжевые сумерки густели. Он вдыхал влажный воздух, начиная различать терпкие запахи.

С трудом пошевелив рукой, Бестужев на ощупь нашел замок, потянул неподатливый рычажок аварийного привода. Раздался тихий скрежещущий звук, дышать вдруг стало легче, словно с груди убрали давящую каменную плиту.

Необычные ощущения сбивали с толку. Он со стоном привстал, ощущая, как разъединившиеся сегменты брони медленно сползают вбок, отпуская плечо и правую руку.

Прибрежные дюны? – образ вырвался не из глубин памяти, его сформировал расширитель сознания.

Опираясь на руку, он привстал. Да, несомненно, – дюны.

Ничего не понимая, Бестужев разгреб песок, долго возился с креплениями бесполезной теперь брони, стараясь не задаваться вопросом: куда подевалась реальность, в которой минуту назад бушевал бой?

Чистые безоблачные небеса.

Странные растения, образующие заросли в ложбине между песчаными возвышенностями.

Отдаленный, невнятный шум.

В пальцах левой руки появилось характерное покалывание. Он разгреб песок и вздрогнул, увидев «абакан».

Образ Родиона вспыхнул и погас.

Бред несусветный! Очередной прилив злобы придал сил, помог разжать пальцы, отпустить оружие, стянуть перчатку.

Дело пошло быстрее. Вскоре сегменты бронескафандра полностью разомкнулись, он выбрался из бронированной оболочки, подобрал оружие, стряхнул с него песок, настороженно осмотрелся.

Мир изменился абсолютно. Неподалеку отчетливо сияли столбы холодного света, похожие на идеальные цилиндрические колонны. Внутри непонятного явления взгляд различил призрачные контуры, похожие на растения.

Бестужев выпрямился в полный рост. Резко закружилась голова. В ушах зашумело, он сделал неуверенный шаг, начал карабкаться на гребень дюны.

Коварный, сыпучий склон.

«Где же я? Меня схватили раненного, бессознательного, беспомощного? Но почему не разоружили, зачем бросили в незнакомом месте?

Откуда взялась растительность, о которой только мечталось?»

На памяти Егора родная планета представляла собой мертвый мир, подверженный катастрофическим изменениям климата. Он недоумевал. Все остальные эмоции постепенно гасли, верх брала настороженная созерцательность.

«Сколько времени прошло?»

Он прислушался к своим ощущениям, но не почувствовал ни голода, ни жажды. Значит, несколько часов, не больше.

С гребня дюны открылся неожиданный вид. Пологий песчаный склон сбегал к воде. Мелководное озеро, подернутое свинцовой рябью волн, окружала темная стена растительности. Над поверхностью возвышались покатые формы незнакомых сооружений.

Незнакомых? – Бестужев прищурился.

Крейсера эшрангов – мгновенно подсказала память. Расширитель сознания тут же подхватил мысленный образ, воображение дорисовало некоторые детали, теперь уже, вне всякого сомнения, он узнал очертания надстроек двух кораблей, вспомнил, как падали они в озеро!

Этого не может быть!

Кожу стягивало крупными мурашками. Он взглянул себе под ноги, мысленно восстановил последний запечатленный в памяти образ, сориентировался и вдруг начал разгребать руками песок – исступленно, неистово.

Фаттах!

Пальцы осязали броню. Песок струился, выкопанное углубление спровоцировало небольшой оползень, обнаживший фрагмент органической брони и сдвинутый вбок сегмент, открывающий доступ в рубку управления.

Бестужев полез внутрь. В тесном отсеке он увидел мертвого пилота. Его тело высохло, мумифицировалось, живые элементы бортовых систем превратились в прах, лишь кое-где от потолка свисали обрывки нервных тканей, таких же иссохших, сморщенных, как все вокруг.

* * *

Волны лениво накатывались на берег.

Небеса полыхали оранжевыми красками. Закат выглядел странно, сияние истекало со всех сторон. Бестужев брел, по щиколотки утопая в песке, иногда останавливался, осматривая очередную находку.

Оскал человеческого черепа. Чипы, вживленные в кость. Репликант.

Остекленевший бруствер. Капонир, наполовину засыпанный песком, обугленный остов боевой планетарной машины, рассеченный лазерными разрядами, разорванный внутренним взрывом.

«Отсюда я побежал к фаттаху?»

Бестужев оглянулся, нашел еще несколько ориентиров, нетвердой походкой направился к месту, где в последний раз видел Родиона, долго, бестолково и яростно разгребал песок, страшась, что вот сейчас пальцы наткнутся на человеческие останки, но нашел лишь стреляные гильзы да два пустых автоматных рожка.

Закат угас. Стальная радуга перечеркнула небосвод, освещая берег мелководного озера.

Егор обессиленно сел. Пальцы дрожали. Во рту появилась сухость. Мысли путались, он никак не мог понять, что произошло.

Расширитель сознания медленно прорисовывал контуры космических кораблей, планетарных машин, аэрокосмических истребителей, погребенных под песчаными наносами.

В центре озера, среди темных контуров сбитых крейсеров, не освещая их, полыхали четыре столба призрачного света. Они как будто вырастали из недр, тянулись в небеса, создавая ощущение обособленности, словно их сияние не принадлежало этому миру, не распространялось на него, концентрировалось в строго определенных границах.

Объяснить или понять это явление Егор не мог. Единственная аналогия, что пришла в голову, касалась количества кораблей с активными системами стасиса на борту. Два из них покоились на дне озера еще с незапамятных времен, и два были сбиты. Всего четыре. Есть ли взаимосвязь между столбами холодного света и устройствами, остановившими время?

Он тяжело размышлял, сидя на берегу, пока оцепенение мыслей не нарушил звук: кто-то протяжно зарычал в зарослях!

Бестужев мгновенно вскочил, обернулся, вскинул автомат, но не выстрелил.

Гибкая тень промелькнула в лунном свете, чаща всколыхнулась, поглотила ночного охотника.

Почему палец остановился, не сдавил бугорок сенсорной гашетки?

Глупо стрелять по призракам?

Нет, тут что-то другое. Окружающее реально. Оно не подходит под определение «бред».

Мир изменился, но почему? Почему скрывшийся в чаще силуэт показался знакомым?

Вопросы, адресованные расширителю сознания, получили лишь частичный ответ. Изменения реальности не нашли объяснения, а вот тень существа внезапно поддалась идентификации по базам данных.

Умр?

Мифический представитель еще одной разумной расы, упоминания о которой так же обрывочны, как свидетельства об армахонтах?

Признать себя сумасшедшим намного легче и проще, чем принять изменившийся до абсолютной неузнаваемости мир.

Егор застрял между крайностями. Он понимал, что мыслит здраво, но хотел опровергнуть окружающее, найти в нем изъян.

Большинство явлений поддавались восприятию, так или иначе имели право на существование, свидетельствовали о годах, если не о десятилетиях, потерянных для него.

Аномалия времени? Не об этом ли говорил Родион накануне боя? Явление экстраординарное, но допустимое, учитывая прошлый опыт. «Прометей» потерял в момент прыжка девяносто семь лет реального времени. Гипотеза Паши Стременкова также предполагала временно́й сдвиг, спровоцированный работой близко расположенных установок стасиса.

Я видел свет. Он похож на сияние загадочных столбов. Единственный способ проверить – осмотреть странную колоннаду.

Бестужев, не колеблясь, вошел в воду.

По телу вновь пробежала дрожь.

Знакомый оттенок ощущений взорвал сознание.

Хондийский нерв очнулся!

Чувство опасности вспыхнуло так остро, что мышцы свело судорогой, парализовало вторгшимся в сознание воплем: «Не ходи туда!»

Почему? – Егор с трудом удержал равновесие, замер, больше не пытаясь делать резких движений.

Нерв не ответил. Он не умел разговаривать, но его инстинктивное предвидение смертельной опасности невозможно игнорировать.

Егор медленно отступил. Как только под ногами оказалась влажная полоска прибрежного песка, тревога мгновенно улеглась.

Он взглянул в небеса.

Стальная радуга холодно сияла. Яркая искра орбитальной станции застыла чуть ниже.

Застыла?! – Бестужев не поверил своим глазам. Обычно станция быстро двигалась по ночному небу, исчезая за горизонтом и снова появляясь с другой стороны!

Прошел час, но ничего не изменилось. Он пристально наблюдал за небом, но ни одно из видимых невооруженным глазом небесных тел не сдвинулось ни на миллиметр!

Всю ночь Егор просидел на гребне дюны, пытаясь понять, что же произошло во время боя, но не сумел ответить на заданный себе вопрос.

Под утро, вернувшись к останкам репликанта, он снял с них легкую металлокевларовую броню, тщательно вымыл ее в воде, надел, проверил магазин «абакана», собираясь в путь.

Скоро наступит рассвет. Если двигаться на восток, через пару недель я увижу горы.

Иных вариантов действий он не мыслил.

В сотнях километров отсюда жили те, кто способен разрешить противоречия и загадки, объяснить, что на самом деле произошло с планетой и с ним лично.

Впереди, на пути к горам, его ждали неведомые опасности неузнаваемо изменившейся Пандоры, а в единственном магазине «абакана» оставалось всего тринадцать патронов.

Примерно через час, когда начало светлеть, Бестужев понял, что жестоко заблуждался.

Рассвет не прорезался полоской зари. Он просто наступил, бледное утреннее сияние хлынуло со всех сторон – свет без солнца, которое так и не поднялось над горизонтом.

Ясные безоблачные небеса не указали ему направления, все иные ориентиры стерло неумолимое время.

Он остановился, не понимая, куда же теперь идти.

* * *

Пандора. Необитаемые регионы…

«…Путник, сворачивай к бару «Н-болг»! Найти его несложно. Корпус древнего хондийского крейсера виден издалека, он похож на холм. Смело шагай по дороге, петляющей между могучими темпоралами, но не

подходи близко к узловатым стволам, не ищи укрытия в тени их крон, ведь эти деревья растут только в потоках измененного времени!

Не сомневайся, сворачивай к нам! Не важно, кто ты: хонди, эшранг, ц’ост, звенг, умр, хомо или даже сам армахонт, – для каждого у нас найдется подходящая еда и место для ночлега…»

Найл прочел обрывок текста, усмехнулся.

Какой-то хитрец умудрился удачно метнуть голо – тонкий оптический кабель несколько раз обвил нижнюю ветвь темпорала, и теперь устройство трехмерного воспроизведения монотонно раскачивалось без видимой причины. Текст разорвало временным сдвигом. Символы универсального языка немного искажались. Найл мог поспорить на что угодно – если сейчас развернуться, пройти несколько шагов назад по дороге, а затем вновь приблизиться к могучему дереву, то увидишь продолжение текста или (если не повезет) мешанину из слов, не несущую смысла.

Сдвиг времени – явление загадочное, непредсказуемое, а темпоралы очень опасны для беспечных путешественников. В ауре дерева (так называют асимметричную незримую область вокруг узловатого ствола) иногда можно увидеть похожие на статуи существа, попавшие в разрыв реальности. С другой точки зрения, нельзя недооценивать пользу темпоралов. Не будь этих могучих деревьев, чьи корни уходят сквозь рваную ткань пространства, сколько путников погибло бы в незримых искажениях? Деревья – как вехи, они оберегают странников, подсказывают безопасный путь, но главное – появление темпоралов остановило катастрофическое явление, в прошлом едва не погубившее Пандору.

Он обвел окрестности пристальным взглядом. Близился вечер. Неподалеку четко виднелась пологая горбина холма.

«Неплохо было бы отдохнуть, – подумал Найл. – Сменить микроядерную батарею сервокостюма, вымыться, поесть по-человечески».

Решено – он свернул с едва приметной тропы на проселок, вьющийся между деревьями. Настроение исправилось, предвкушение отдыха радовало, груз за плечами уже не казался таким тяжелым.

По дороге недавно проехала машина. Утром прошел дождь, и следы протектора широких колес четко пропечатались в подсохшей грязи.

Найл бодро шагал в направлении холма, щедро расходуя энергию. На протяжении последних двадцати дней пути он не встречал явных признаков цивилизации. Такова жизнь. Иногда приходится бросать все, идти навстречу неведомому, полагаясь лишь на опыт и удачу. Неизученные земли полны парадоксов и тайн. Здесь запросто можно провалиться в трясину измененного времени, повстречать невиданных, опасных существ или найти стабильную дорогу в прошлое.

Мысли текли ровно. Сумерки подкрадывались незаметно. В кронах темпоралов медленно разгоралось сияние, но оно не освещало путь. Граница света и тьмы ложилась на землю четкими линиями, без теней или полутонов.

Многие считают, что сияние, источаемое деревьями, – это свет неимоверно далеких звезд, проникающий через разрывы пространства и времени. Его источник расположен за пределами понимания или воображения.

Холм постепенно приближался. Корпус хондийского крейсера по форме похож на панцирь черепахи – мифического существа с легендарной планеты Земля. Удобно для сравнения, но не более. Черепах Найл видел в обрывочных снах, еще до имплантации нерва. Такова практика: сначала вживляются кибернетические модули, а уж затем – хондийский нерв. Базы данных, скопированные с древних устройств, как правило, сильно повреждены. Их использование невозможно без долгих и, чего уж правду таить, изматывающих тренировок, поэтому Найл редко и неохотно обращался к древним источникам информации. Как большинству молодых людей, они казались ему бесполезными, даже бессмысленными. Знания, касающиеся устройства сервокостюма, особенностей его обслуживания и ремонта, можно выучить и без имплантов. Но без кибернетических компонентов невозможно управлять хондийским нервом. Он знал, что происходит с неимплантированными людьми. Они постепенно сходят с ума, попадают под влияние нерва, превращаются в полукровок.

«Да, ладно, подумаешь!» Он уже привык к иссеченному шрамами вздутию на правом виске, больше не воспринимал его, как некое уродство, да и кошмары быстро прошли. Обрывки информации из микрочипов некоторое время тревожили непонятными, не имеющими связи с реальностью образами. Такими, например, как черепаха.

Иное дело – хондийский нерв. Он рос безболезненно, незаметно. Пользы от него намного больше. Он не несет знаний, но позволяет шире воспринимать окружающий мир. Да и железы, сформированные на ладонях, весьма полезны, они помогают быстро устанавливать контакт с хонди, улаживать недоразумения и даже подчинять некоторых не особо продвинутых особей. Запахи служат ключом ко многим дверям, особенно в неисследованных землях, где полно «одичавших» построек. Когда-то они служили определенным целям, теперь же просто впились в почву корнями, поддерживают в себе жизнь, но управлять ими можно только при помощи хондийского нерва.

Для Найла реальность Пандоры не выглядела странной. Искажения времени, разрывы пространства, живые постройки, обломки огромных космических кораблей, рухнувшие на землю города, заросли растений, семена которых занесло сюда из других миров, – все это окружало его с детства.

Впереди дорогу пересекали тусклые прожилки. Найл заметил их еще издали, свернул, обходя стороной заросли огненного плюща. Растение приспособилось извлекать энергию из недр планеты, его корни проникают глубоко, достигают сети очень старых тектонических разломов, провисают над лавой – об этом рассказывал один шахтер, наполовину хонди, наполовину серв. Выглядел он жутковато. Откуда взялись подобные ему биокибернетические создания, Найл понятия не имел.

Небеса стремительно темнели. Огненный плющ тлел багрянцем, сумерки сгущались, темпоралы теперь выглядели, как яркие колоннады, подпирающие небесный свод.

Нерв внезапно встревожился, передал смутный образ фаттаха – одичавшего хондийского истребителя.

Старый. Подбитый. Мертвый.

Мысленный взгляд переместился чуть дальше.

Древний хондийский крейсер давно врос в землю, на его покатой броне образовался слой почвы. На ней прижился низкорослый кустарник. Тонкие молодые побеги плюща рассекали заросли, пылали в ночи огненными прожилками.

Найл успокоил нерв мягким мысленным прикосновением.

Одичавший истребитель не опасен. От него осталась лишь прочная полимерная оболочка.

Тревога не улеглась. Надежное убежище, заманчивое для усталого путника, по непонятной причине выглядело, как ловушка. Главный шлюз крейсера открыт. Ведущая к нему дорога не заросла ночным мхом, но почему у входа в бар так тихо и темно?

«Убирайся прочь!» – настаивал нерв.

Найл так бы и поступил, не растрать он энергию сервокостюма. «Чем, спрашивается, думал? Поверил обрывку рекламного текста?»

Холодок, крадущийся вдоль спины, ощущался все явственнее.

Темная пасть шлюза выглядела таинственно. Подле входа внезапно возникло движение, и Найл метнулся к плющу, затаился в его сиянии.

Дрожь постепенно улеглась. Тонкие запахи плыли в прохладном воздухе, шептали: извини, путник, извини и проходи. Опасности нет.

Сумеречное зрение вернулось, как только рассудок возобладал над эмоциями.

Теперь Найл отчетливо различил силуэт хонди. Рабочий вскарабкался по искореженным конструкциям шлюза, заменил что-то в сплетении кабелей.

«Бар Н-болг», – побеги огненного плюща потянулись к включившемуся источнику энергии, оплели его, сформировали броскую, пылающую в ночи надпись.

* * *

На площадке у шлюза появились еще двое хонди, что окончательно успокоило Найла. Он покинул укрытие, вышел на дорогу, развел руки

в стороны, чуть согнул локти в привычном жесте.

Один из хондийских бойцов направился в его сторону. Полностью закованный в природную хитиновую броню, он двигался довольно неуклюже. Странно, ведь хонди обычно такие проворные! – промелькнула тревожная мысль.

Найл терпеливо ждал, приготовившись к любому развитию событий. Наконец хонди подошел к нему, остановился, гибкие тонкие усики появились из неприметных щелей в хитине, коснулись ладоней человека, считывая запахи.

Хомо?.. Странник?.. Проходи…

Тревога вдруг вспыхнула с новой силой, хотя нерв молчал. В чем же дело? Взгляд внимательно следил за охранником. Что не так? Угловатые движения? Его стесняет природная броня?

Рабочий завершил ремонт и застыл.

Низшая особь без дела? Подозрительно. Теперь в восприятии Найла он больше походил на серва. Кибернетические механизмы имели привычку замирать на неопределенное время, если одна задача выполнена, а другая не получена.

– Хомо? Иди по меткам, – напомнил о себе охранник.

Тонкие вариации запахов, считанные нервом, прозвучали в сознании, как самое обычное приглашение. Ни дружелюбия, ни угрозы.

«Ладно. Рискну», – решил про себя Найл. Он незаметно подключил резервный накопитель, теперь энергии в сервокостюме хватит для короткой схватки.

Сразу за шлюзом начинался темный тоннель. Влага и сумрак. Пахучие метки на стенах. Множество ответвлений разбегалось в разные стороны, образуя лабиринт переходов и помещений. Без помощи нерва тут блуждать и блуждать.

Метки манили. Он шел уверенно, тревога улеглась, путь читался ясно, за указателями направления тщательно следили.

Вход в бар закрывала плотная кожистая мембрана. За ней угадывался свет, чувствовалось движение.

Найл коснулся преграды ладонью правой руки, раздался неприятный для человеческого слуха чавкающий звук.

Ого! – он переступил порог, осмотрелся.

Когда-то здесь находился пост управления крейсером. Изогнутый в виде подковы пульт теперь использовался в качестве барной стойки, огромный зал полнился шумом и светом.

На огромных органических экранах шла трансляция популярных соревнований. Эшранги ловко разливали напитки. Столики обслуживали хонди. Группа ц'остов напряженно следила за ходом «поединка трех клювов». Именно группа, иначе определить невозможно. В просторечье ц'остов называли морфами за их способность к мгновенным трансформациям облика. В точности сказать, сколько существ сейчас находится за столиком, не мог даже нерв. Морфы отчаянно переживали за исход состязания, они в буквальном смысле сплелись в клубок, меняя окраску кожных покровов, стремительно отращивая органы зрения, двое вообще впали в ступор от чрезмерных эмоций – они растеклись по полу серыми кляксами.

Среди прочих посетителей взгляд Найла выделил человека и изгоя-полукровку. Оба сидели за стойкой. Полукровка заметно нервничал, часто оглядывался по сторонам, не обращая внимания на захватывающий ход соревнований.

Его уродство скрывала одежда, но нерв никогда не ошибался. Изгоев выдает специфический запах. Найл даже зажмурился от мощного сигнала – нерв буквально выплеснул в его сознание образ: под одеждой изгоя скрывалась воспаленная кожа, местами покрытая рудиментальными хитиновыми покровами.

«Вот что происходит, когда имплантирован только нерв, без кибернетических модулей, – неприязненно подумал Найл. – Полукровок следует опасаться. Они непредсказуемы. Странно, что этот сам чем-то встревожен».

Взгляд Найла обежал зал.

Смотреть соревнования не хотелось. В жизни Найла хватало опасностей, и спорт его не цеплял.

«Неплохо бы снять отдельный отсек, переодеться, вымыться, поесть, – подумал он. – Бар, судя по всему, процветает. Может, мне удастся

продать тут пару запретных вещиц?» – промелькнула в голове юноши дерзкая мысль.

– Чем могу помочь? – эшранг заметил нового посетителя, вразвалку пересек зал, волоча по полу мощные кожистые крылья.

– Хочу отдохнуть, – ответил Найл. Универсальный язык общения выгодно отличался своей лаконичностью. Он строго разграничивал понятия, не допускал двояких трактовок.

– Отдельный отсек?

– Да. Чистая вода. Хорошая еда. Удобная постель. Смена элементов питания в сервокостюме.

– Чем платишь? – короткая шерстка, покрывающая тело эшранга, вздыбилась на загривке. Глаза в обрамлении кожистых век смотрели алчно, не мигая. Список требований подразумевал высокую цену. Такое мог позволить себе только удачливый странник.

Найл наклонился, тихо шепнул:

– Гибридный чип. Адаптер для связи нерва и кибермодулей.

– Поддельный? – зрачки эшранга сузились.

– Не хочешь, не бери, – невозмутимо ответил Найл. – Могу предложить горсть обыкновенных нейрочипов. Или один.

– Один?! – эшранг приоткрыл клюв. Он не мог понять, хомо только что оскорбил его или…

– «Догматы» Бестужева. Электронная книга. Древняя копия.

Глаза эшранга налились кровью.

Подлинный чип с «Догматами» стоил целого состояния!

– «Догматы»?! – удивился он. – Где ты их взял?! – эшранг спросил слишком громко, остальные услышали вопрос.

Морфы замерли. Изгой напрягся. Человек повернул голову. В его усталых глазах читались крайнее удивление и даже замешательство.

Нерв почувствовал себе подобного, и Найл, игнорируя эшранга, потянулся к незнакомцу ниточкой запаха.

Нет ответа. Как же так? Он скрывается? Чего-то боится?

Странников из числа людей не так-то и много. Их имена и лица хорошо известны. Почему же этот настороженно прячет свою истинную

сущность? Да и место за стойкой он выбрал неподобающее. Рядом с полукровкой. Мерзость какая!..

Все тут подозрительно. Хонди у входа странные. Вывеска не светилась, да и следы протектора, замеченные на дороге, свернули в заросли огненного плюща. Кому понадобилось прятать машину?

– Где ты раздобыл «Догматы»?! – эшранг повторил вопрос.

– Подобрал у темпорала. На краю ауры. – Найл снял перчатку сервокостюма, демонстративно указал на искажение, деформировавшее прочный материал. Явный след воздействия временнóго сдвига.

– Ты из числа Последователей?! – эшранг невольно попятился.

– Я странник, – раздраженно ответил Найл. – Сделай выбор и не привлекай внимание! Мне нужен отдых, а не неприятности!

– Если возьму «Догматы» – можешь жить здесь целый год! – подумав, ответил эшранг.

«Все же они странные, эти птицы. Зачем покупать книгу, проповедующую идею полного превосходства людей над другими разумными существами? Он станет ее читать? Или уничтожит? Впрочем, какое мне дело?» Усталость брала свое.

– Я уйду на рассвете, – ответил Найл. – Разницу в цене возьму пищей и патронами. – За годы странствий он поднаторел в меновой торговле.

Их разговор привлекал все больше внимания.

Найл уже всерьез пожалел, что не удержался от искушения, решил продать чип с «Догматами».

Незнакомец, сидевший за стойкой, не отрываясь, смотрел на него. От холодного взгляда Найлу стало неуютно.

– Я пошутил. У меня ничего нет, – он вновь повернулся к эшрангу, пытаясь исправить ситуацию. – Бери адаптер и покажи мне отсек!

– Нельзя так шутить, хомо! Мне непонятен ваш юмор, – эшранг угрожающе приподнял и расправил кожистые крылья.

Неизвестно, как бы разрешилась неловкая ситуация, не раздайся в коридоре внезапный шум.

Отчетливо чавкнула кожистая мембрана, на пороге бара появился тот самый хондийский рабочий, недавно поправлявший лианы огненного плюща.

Вслед за ним в помещение вошли двое охранников. Их движения были все такими же угловатыми, неуклюжими.

– Последователи! – изгой-полукровка вскочил, полы его одежды распахнулись, тонкие прорези вживленного бионического автомата мгновенно разрядились свистящим, несущим смерть роем игл, щедро смоченных токсином.

– Смерть чужим! Во славу Бестужева! – тщательно подогнанный хитиновый камуфляж полетел на пол, под ним обнажилась броня, очереди из импульсного оружия хлестнули в посетителей, – несколько хонди повалились на пол, эшранги попрятались за изгибающейся стойкой, лишь тот, что торговался с Найлом, теперь медленно оседал: пули пробили его грудь, снесли голову, изорвали крылья.

Рядом возникла фигура в боевом бронескафандре, голос, усиленный аудиосистемой, прорычал:

– На колени, предатель!

Двое Последователей сцепились с морфами. Ц'осты получили внезапное подкрепление: живые экраны, транслировавшие соревнования, оказались их сородичами, подрабатывающими в баре. Неудивительно, ведь морфы часто используют свои уникальные способности к мгновенным трансформациям, чтобы заработать на жизнь честным путем, не считая зазорным послужить в качестве мебели либо оборудования. В отличие от одичавших собратьев такие ц'осты не опасны… если речь не идет об их жизни!

Клубок тел превратился в шар, покатился в направлении стойки.

Найл незаметно потянулся за оружием. Все происходило очень быстро, из коридора слышался топот, тонкий визгливый звук сервоприводов – к Последователям спешило подкрепление. Изгой-полукровка, разорванный очередями, истекал токсином. Хонди, уцелевшие после первых выстрелов, перевернули столы, укрылись за ними, но не стреляли в ответ – иглы бионических автоматов не в силах пробить бронескафандр.

Морфы явно брали верх. Один из Последователей уже валялся на полу в луже крови. Его экипировка превратилась в кровавое месиво. Неуязвимость ц'остов общеизвестна, и связываться с ними стал бы

только полный псих, но ситуация менялась каждую секунду: ослепительный огненный шар разорвал клубок тел, морфов разнесло в клочья – тут уже никакая регенерация не поможет!

В задымленное помещение ворвались сервы.

Тяжелая, закованная в броню рука перехватила движение Найла:

– Не дергайся!

В общей неразберихе ледяное спокойствие сохранил лишь незнакомый Найлу странник, тщательно скрывающий свою истинную сущность.

Мудро, если он предвидел нападение. Последователи Бестужева люто ненавидят людей, добровольно согласившихся на генетические изменения.

Дым от взрыва постепенно рассеивался.

Незнакомец так и остался сидеть за барной стойкой, лишь обернулся в сторону боевиков секты.

– Назовите себя! – неожиданно потребовал он, игнорируя направленное на него оружие сервов.

В помещение бара вошел еще один человек.

– Мы Последователи Бестужева, – громко и отчетливо произнес он. – Ты не слышал о нас?

– Нет.

– Лжешь. Мой БСК видит тебя насквозь! Ты заражен чужим ДНК. Ответь, насильно ли тебе имплантирован хондийский нерв? Над тобой надругались или...

– Это осознанное решение, – спокойно ответил незнакомец.

– Смело. Но глупо. Мы бы удалили имплант и отпустили тебя. Но теперь приговор подписан. Убейте их! Всех!

Незнакомец обвел взглядом разгромленное помещение, на миг поймал затуманившийся взор Найла, прищурился, подмигнул ему, словно спрашивал: поможешь?

Найл едва заметно кивнул. Терять нечего.

Казалось, Последователи утратили интерес к происходящему. Грязную работу выполнят сервы. Потрепанные кибернетические механизмы уже

выволокли из-за стойки насмерть перепуганных эшрангов, один остался сторожить их, остальные засеменили к укрытию, где прятались хонди.

– Всех выстроить в ряд! Расстрелять! – громоподобный голос эхом метался по всему помещению.

– Разве Бестужев одобрял убийство людей? – глухо спросил незнакомец. Он не стал дожидаться, пока сервы займутся им, сам встал в общий ряд. Найл заметил: его ниспадающая, похожая на плащ одежда скрывает под собой мягкий струящийся шелест металлокевларовой брони. Над правым плечом ткань немного топорщилась. Приклад? «Оружие должно быть достаточно громоздким», – промелькнула мысль.

– «Лишь сила крайних, неодолимых обстоятельств заставила нас изменить человеческой натуре, допустить имплантацию чуждого нерва, – процитировал командир Последователей. – Он мерзок. Нерв искажает сознание, уничтожает личность, уподобляет нас тварям, ввергшим Пандору в хаос чередующихся катастроф. Я мечтаю о дне, когда последний из них издохнет, и мы очистимся, вернем себе человеческую сущность!» – так сказано в «Догматах», предатель. Мы следуем учению Бестужева!

– Прежде чем умереть, я хочу знать, настолько ли ты человек? – бесстрашно ответил незнакомец.

– Что?!

– Сними боевой шлем! Открой лицо. Я хочу убедиться!

– Нет!

– Тогда ты мне не судья!

Последователь на миг задумался.

– Что ж. Смотри! – раздалось шипение, шейное кольцо разъединилось.

Найл онемел. Такое он уже видел! Плоть, сросшаяся с кибернетическими компонентами!

– Ты – не человек! – презрительно обронил незнакомец.

– Наследники «Прометея», последователи Бестужева и Русанова, вправе использовать киборгизацию! – яростно возразил Последователь. – Ты ничего не смыслишь в истинных технологиях! Тобой руководит нерв!

– «Мы не пойдем по пути киборгизации, – в ответ процитировал незнакомец. – Слияние сознаний, технологическая телепатия, использование кибернетических имплантов так же пагубно, оно стирает нашу индивидуальность, делает расчетливыми, уподобляет машинам. Многие, кто ступил на этот путь, утратили все человеческое!»

– Ты читал «Догматы»?!

– Да!

Последователь лишь усмехнулся.

– Жалкая попытка выиграть несколько секунд жизни. Что ж. Ты попробовал. Читать и понять – не одно и то же!

* * *

Время умирать или собирать камни?

Егор загнал себя в тупик.

Несколько дней назад все виделось иначе, проще, жизнь несла его в потоке черной ненависти, он был мертв не физически, но духовно.

Все выгорело. Пожарище в душе подернулось пеплом, под ним даже не тлели уголья.

Егор заблудился.

Острая, жгучая ненависть к существам иных цивилизаций, помогавшая жить, заполнявшая внутреннюю пустоту, постепенно гасла, а ей на смену приходило замешательство. Трое суток он шел, придерживаясь старой дороги, все отчетливее понимая: Пандора изменилась до полной неузнаваемости.

Природа планеты поражала. Она возникла и развивалась стихийно, не имела ничего общего с планомерным освоением территорий, процессами терраформирования.

«Выжил ли вообще кто-нибудь?» – спрашивал себя Егор.

Он шел наугад в надежде встретить признаки цивилизации, но взгляд находил лишь руины древних сооружений, обломки космических кораблей, ставшие частью рельефа.

Солнце он так и не увидел. Каждое утро свет вспыхивал, разливался над Пандорой, но его источник оставался загадкой. Духота и влажность царили под сенью деревьев, но стоило подняться выше, на древнюю дорогу, как оглушающий зной и горячий ветер осложняли путь.

Он понятия не имел, в каком направлении движется. Имплантированные карты местности не помогали. Сеть древних дорог в районе последнего, рокового боя еще не была нанесена на них.

В запасе оставалось немного воды да пара брикетов пищевого концентрата.

Все, чем он жил, исчезло. Словно судьба решила покончить с Бестужевым, изолировать его вне привычного пространства и времени.

Егор тяжело переживал необъяснимую коллизию. К исходу третьего дня пути им овладела темная безысходность.

«А что тебе надо? – с издевкой спрашивал внутренний голос. – Ты ведь так жаждал «очистить» Пандору. Наслаждайся. Вокруг никого».

Он хмуро молчал в ответ, не вступая в ожесточенный мысленный спор.

Все потеряло смысл. Не на что надеяться, некого ненавидеть. Пустота внутри становилась абсолютной, всепоглощающей, даже хондийский нерв теперь воспринимался иначе: впервые за многие годы хотелось его реакции, но тот не проявлял себя, словно умер.

К закату третьего дня пути Егор увидел возвышающийся в виде холма корпус хондийского крейсера и свернул к нему, ища укрытие на ночь.

Нужно понять удивление и замешательство Бестужева, когда нерв неожиданно встрепенулся, а в сознании появились смутные образы эшрангов, хонди... и даже морфов, которых Егору приходилось встречать лишь пару раз, да и то в обстоятельствах гибельных, экстремальных.

Неужели мы проиграли в той битве?

Людей больше нет?!

«Абакан» Родиона скользнул в руки, былая ненависть всколыхнулась мутной хмарью, он замер, еще не решив: пойти на запахи, что уловил нерв, или...

– Хомо?

Он резко обернулся. В двух шагах от него стоял эшранг... впряженный в примитивную повозку!

– Хомо, если идешь в бар – поторопись. – Эшранг проигнорировал направленное на него оружие. – С наступлением темноты мы уже никого не впускаем внутрь! – доброжелательно предупредил он.

Бестужева окатило ледяной дрожью.

В повозке, которую тянул эшранг, были аккуратно сложены плоды какого-то растения.

– Ты совсем дикий? Не понимаешь универсального языка? – эшранг даже не думал злиться, скорее в его словах прозвучало сочувствие. – Извини, мне некогда. Посторонись, но если захочешь заглянуть к нам – будем рады.

Бестужев уступил дорогу. Он был ошеломлен.

Слова эшранга пробудили слабую надежду. Он сказал «хомо»? Значит, люди не исчезли?

Почему же я его не убил?!

Егор забыл об осторожности. Его замешательство граничило с безумием, трое суток полного одиночества, в отсутствие информации, сильно повлияли на психику.

Он догнал эшранга.

– Хомо часто заходят к вам?

– Сегодня пока никого нет, – охотно ответил эшранг. – Но еще не стемнело, – добавил он. – Заходи, чувствуй себя как дома…

…И вот он тут. В одном строю с чужими.

Как будто сбылся худший из кошмаров. Почему бы не шагнуть вперед, не встать в один ряд со своими Последователями?

Они не люди! Сбойные биокибернетические машины, отравленные идеологией его «Догматов»!

«А в одном ряду с тобой эшранги, хонди и ц'осты! – язвительно шепнул внутренний голос. – Да еще этот парнишка, искавший отдых, а нашедший смерть».

Расширитель сознания работал в форсированном режиме, стремительно прорисовывая скрытые за дымчатыми забралами черты.

Киборги выглядели знакомо. Эскизы похожей модели Егор когда-то видел на столе у Романа Степановича Малехова. Сколько же прошло времени? Годы? Десятилетия? Века?

Двойственность ситуации рвала рассудок в клочья.

Старший Последователь заметил, как смертельная бледность исказила черты его лица.

– Страшно? – вопрос прозвучал с издевкой. – Даже не надейся выйти отсюда живым. Оружие тебе не поможет. Оно устарело. Да и в рожке всего тринадцать патронов, – категорично и безошибочно определил он.

Сервы выволокли из укрытия последнего прятавшегося хонди. Его поставили в общий строй. У Найла отобрали оружие.

Два человеческих подобия отступили на шаг.

Брезгливые? Или аккуратные, просто не хотят, чтобы кровь забрызгала их?

Юноша мучительно скосил глаза. Во взгляде читался немой крик: почему медлишь?

«Он умрет в одном ряду с чужими, – мысли лихорадочно проносились в голове Егора. – Умрет, потому что я в минуты совершенного отчаянья, сидя в глухом одиночестве, взял за привычку изливать скопившуюся ненависть в диктофон кибстека?»

Похоже, никто в разгромленном баре не задавался вопросами бытия. Тягостное ожидание смерти сгущалось. Любая попытка вырваться была заранее обречена на провал, даже Найл опустил голову, уже не смотрел в его сторону. Видимо, Последователи сумели заработать репутацию безжалостных убийц.

Выхода нет. Реакция киборгов намного опережает человеческую. Опыт подсказывал: успею рвануть оружие из-за спины, возможно, уложу одного, но дальше – смерть, без вариантов.

Нерв не поможет.

Воздействовать на сервов через имплант? Нет. Не факт, что они воспримут команду от «приговоренного». Оставался лишь микрогенератор электромагнитного импульса – недавнее усовершенствование кибермодулей, еще не опробованное в деле.

«Спасешь этих тварей? Зачем? Почему? – мысли проносились с невероятной скоростью. Форсированная работа имплантов изменяла субъективное течение времени. – Разве они бросились на меня, когда я переступил порог бара?

«Проходи, хомо. Чувствуй себя в безопасности!» – Взгляд зацепился за обезглавленное тело эшранга. – Больше он уже не скажет слов приветствия усталому путнику.

На Пандоре, как минимум, сменилось несколько поколений? Давняя вражда забыта?

Нет. Ненависть все еще жива, он исподлобья взглянул на Последователей.

Моя ненависть?

А чья же еще? – внутренний голос не унимался, даже сейчас норовил укусить побольнее. – Если Пашка был прав относительно установок стасиса, то часы Пандоры неумолимо ведут обратный отсчет, и каждый вдох, каждый удар сердца приближает миг окончательного разрушения.

Но они, похоже, ничего не знают. – Взгляд метнулся по неровной шеренге чужих существ. – Просто живут, примирившись с реальностью и друг с другом?

Только я, словно осколок прошлого, ударил на излете и сам же угодил в ловушку собственной ненависти?»

Пару дней назад он бы отмел подобные мысли, счел их проявлением слабости, сопливой демагогией трусов.

«Разве не так я ответил Родиону?

Презрительно, надменно. Разжаловал-то я не его, а нашу дружбу! Совершенно осатанел от ненависти, от желания истребить чужих и избавиться от нерва!..»

Мысль оборвалась. В бар вошли два андроида, тут же вскинули оружие. Пять боевых сервов посторонились.

Жестокость – удел существ, обладающих интеллектом? Одна из форм проявления самосознания?

Рассудок уже шагнул за черту. Он не выдержал противоречий. Напряженные мышцы дрожали. Последняя из озлобленных мыслей еще цеплялась за прошлое, кричала: убей их всех, кроме мальчишки!

* * *

Андроидов подвела симуляция человеческих эмоций.

Они медлили, нарочито наслаждаясь моментом. Моментом унижения и бессилия жертв, но не торжества справедливости, как наверняка они считали.

Ненависть убивает. Незаметно, вкрадчиво, не больно – Егор слишком хорошо знал, как это происходит на самом деле.

Эшранги зажмурились. Один из хонди попытался оказать сопротивление – его тут же сбили с ног, и это стало неожиданным сигналом к развязке.

«Погибнуть от руки сбойных киборгов?

Ну уж нет!..

Где же выход? Имплантированный генератор ЭМИ слабоват для эффективного удара! – В памяти мгновенно возник образ Метелина, прихотливо выхваченный сознанием. – Задействовать метаболический корректор?! Да, он конвертирует энергию организма! – Мысли по-прежнему проносились стремительно. – Слишком рискованно!» – «Сам-то выживешь после этого?!» – взвыл внутренний голос.

«Да пошел ты!»

Стылая неопределенность, терзавшая почерневшую душу Егора, нашла выход, выплеснулась в действии. Он не погиб там, на берегу озера, так что ж теперь? Быть расстрелянным собственными «последователями»?!

Форсированный режим работы имплантов загнал сознание за грань реальности, в серую муть. Он толкнул Найла, заметил, как падает переломленное выстрелами тело хонди, – серая безликая тень, образ, болезненно сформированный нервом, – и ударил!..

Острая боль пронзила виски, его импланты ушли в сбой, микрогенератор не выдержал нагрузки, сгорел, затрещали волосы, вздулся и лопнул пузырь обожженной кожи, из легких как будто вышибли воздух…

Разряд электромагнитного импульса парализовал андроидов, сервов и киборгов – всех одним беспощадным, сжигающим силы ударом.

«Сбой в обмене данными они преодолеют за секунды!»

Судорожный вдох…

Сознание «поплыло», но метаболический корректор все же удержал рассудок на грани небытия.

Ветхий плащ полетел на пол, обнажая тусклую, отливающую серовато-фиолетовым глянцем броню. «Абакан» преданно соскользнул с плеча, но Егора опередил Найл – воспользовавшись шансом, он рванулся к андроиду, ударом ноги выбил из его рук тяжелую импульсную винтовку, с удивительной ловкостью завладел ею и, уже падая, полоснул по бессильно замершим Последователям длинной очередью.

Вторя ему, заговорил автомат Бестужева. Он бил одиночными, расчетливо, точно, целясь по сервомоторным узлам, обездвиживая машины, стараясь не повредить ядро системы – микрочипы содержат информацию, которая нужна, как воздух!

Старший Последователь упал, обливаясь кровью, рядом рухнул андроид – с грохотом, словно механическая кукла. Бронебойные пули разнесли гироскоп самостабилизации, перебили тяги приводов.

Боевые сервы пострадали от импульса серьезнее, чем андроиды и киборги. Один из них дымился, разбрасывая искры, другой тупо пошел вперед, уперся в изгибающуюся стойку и теперь скреб манипуляторами, совершая набор повторяющихся движений.

Бестужев резко развернулся, расстрелял последние патроны, пока затвор не клацнул вхолостую.

Все…

Напряжение схлынуло. Егор пошатнулся. Сознание меркло. Метаболический корректор выжег, опустошил организм. Он ухватился за изгиб барной стойки, пытаясь удержаться на ногах.

– Почему медлил?! Нас едва не убили!

Голос прорывался издалека. Сумеречная хмарь затопила рассудок, кожа на виске лопнула, боль пульсировала, становилась нестерпимой…

Оружие выпало из ослабевших рук. Внезапно навалилось абсолютное безразличие, физическая и моральная немощь, граничащая с нежеланием жить.

– Помогите ему! Быстрее! – голос незнакомого парнишки вновь прорвался в сознание Егора.

Жуткие образы застилали зрение. Двое эшрангов склонились над ним, их оттолкнул хонди, проскрежетал:

– Прочь!

Усики коснулись ладоней. Нерв ощутил их, встрепенулся, ожил, из-под хитиновых пластин насекомоподобного существа вдруг появилась влажная трубка с присоской, похожая на раззявленный безгубый рот.

– Нет… – прохрипел Егор. Его обдало волной жара, отвращения, но хонди действовал решительно. Присоска впилась в шею Бестужева, место контакта мгновенно онемело, сознание вспыхнуло остервенелой болью, погасло, затем вернулось, снова начало ускользать.

– Убей его… – полубезумный взгляд Егора нашел парнишку. – Убей его… прошу…

– Рехнулся?! Лежи смирно! Он ведь поддерживает в тебе жизнь!

– Неужели?.. – хриплый, недоверчивый вопрос стоил немалых усилий.

– Лежи и не двигайся! – упрямо повторил Найл. – Скоро придешь в себя! Я точно знаю!

– С тобой такое… происходило? – мучительно спросил Егор, ощущая, как силы действительно возвращаются, медленно, по капле, словно жизнь хонди перетекала в него!

– Молчи! – Найл зажал ему рот ладонью. – Да не шевелись же!

Минут через пять, пошатываясь, будто пьяный, Егор привстал. Выжившие эшранги тут же подскочили, помогли ему выпрямиться в полный рост.

– Мы благодарны хомо! – наперебой повторяли они.

Хонди лежал неподвижно.

– Он умер?

– Нет. Придет в себя через некоторое время! – заверил один из эшрангов.

Все неправильно – Егора передернуло. Хонди только что спас ему жизнь. Два эшранга услужливо поддерживали, не давая упасть.

Странно, но злобы к ним он не испытывал. Как-то не верилось, что все происходит на самом деле. Словно земля и небо вдруг поменялись местами.

На полу в лужах крови лежали киборги, для которых отравленные ненавистью записи Бестужева превратились в религию.

«Мы же просто пытались выжить...» – тоскливо подумал он.

Глава 9

Путь регресса – наиболее пессимистичный сценарий для внеземного поселения. Я не рассматриваю его. Но если такое все же произойдет, мне искренне жаль наших потомков, которые будут взирать на жалкие обломки цивилизации, не понимая их смысла…

Андрей Игоревич Русанов. Проект «Прометей»

Старый хондийский крейсер. На следующее утро…

Егор открыл глаза.

Сумеречный отсек. Затхлый воздух. Из коридора слышится скрежет.

События прошлого вечера помнились четко. Он привстал, нашел рукой оружие. «Патронов же нет!» – обожгла мысль.

«Нож? На месте!

В коридоре двое хонди! – Нерв встрепенулся. – Друзья!

С каких пор?!» – пальцы крепче сжали рукоять ножа.

Откинулся полог, закрывающий вход в отсек. На пороге появился эшранг. Двое хонди вошли следом, сгрузили на пол какие-то обломки.

– Твоя добыча, хомо, – уважительно произнес эшранг.

Андроиды. Вернее, то, что от них осталось.

Егор с трудом заставил себя разжать пальцы.

– Ты в порядке? – вопрос, заданный на универсальном языке, обжег сознание.

«Это происходит не со мной! Так не должно быть!..»

– Нет!.. Не в порядке!.. – хрипло ответил Егор.

– Нужна помощь? Только скажи! Еда? Вода?

Хонди, освободившись от груза, бесшумно удалились.

– Информация… – Бестужев обуздал эмоции, сел, хмуро глядя на эшранга. – Я хочу допросить Последователей.

– Они мертвы. Мы их похоронили. Бар должен работать.

– Что произошло с планетой? – Егор чувствовал себя слишком скверно, чтобы осторожничать, выпытывать нужные сведения исподволь.

Эшранг удивленно моргнул, слегка расправил крылья в жесте крайнего недоумения.

– Я не понимаю вопроса.

– Солнце не всходит. Я долго шел, но не встретил людей.

– Люди живут далеко отсюда. В древнем городе армахонтов. Еще я слышал, где-то в горах есть небольшое поселение, но оно проклято. Живущие там хомо едва не погубили Пандору. – От знакомого названия у Егора перехватило дух. – А что такое «солнце»?

– Звезда! Пылающий диск в небе! Он освещает и согревает землю!

Эшранг задумался, затем кивнул:

– Ты говоришь о далеком прошлом? Так было когда-то. Давно.

– Насколько давно?! – Егора ошеломил неожиданный ответ.

– Во времена великой катастрофы. Сразу после потопа. Извини. Я не знаток преданий. Много поколений сменилось.

– Ладно. – Егор вытянул руку, сформировал голографическое изображение. – Знаешь это место?

Эшранг взглянул, отрицательно прошипел:

– Нет. Спроси у хомо по имени Найл. Он странник. Должен знать. – Эшранг счел вопрос исчерпанным, указал в сторону стола. – Там подходящая для тебя еда и напитки. Можешь оставаться тут сколько захочешь. Мы благодарны, – он сложил крылья и вышел.

* * *

Найл проснулся рано.

Тревожный, полный кошмаров сон нормальным отдыхом не назовешь.

Последователи мертвы, но чувство опасности не отпускало, становилось лишь сильнее.

«Я тут, как в ловушке… Что, если снаружи поджидают другие киборги? Надо проверить, осмотреться. Днем они напасть не решатся. Эшранги, хозяева бара, наверняка усилили охрану. Если кто-то из киборгов еще прячется в окрестных зарослях, я их обнаружу!»

Занятый своими проблемами, он вышел из отсека, направился вниз по плавно изгибающемуся коридору. Корабль давно погиб. От него остался лишь корпус. Все коммуникации и органы управления истлели.

Найл уверенно свернул на развилке коридоров. Планировку отсеков хондийских кораблей он знал достаточно хорошо. Вскоре его взгляду открылся огромный зал с низким потолком. В дальней от входа стене сочились бледными красками рассвета три овальные прорези.

Идеальная позиция для наблюдения и, если придется, для снайперского выстрела.

Перешагивая через останки постов управления, он добрался до смотровой площадки, присел под прикрытием широкого выроста. Отсюда дорога, ведущая к шлюзу, просматривалась как на ладони. Заросли кустарника тоже.

Он замер, наблюдая за местностью.

Странные события произошли накануне. Последователи обычно орудуют в городе и никогда не забираются так далеко в глубь необитаемых земель.

«Уж, не за мной ли они охотились? – навязчивая мысль не отпускала. – А что, удобное прикрытие». – Найл хмурился, внимательно осматривая подступы к крейсеру.

Утро занималось тихое, безветренное, но тревога лишь нарастала.

Нет, вроде бы все спокойно вокруг. Надпись над шлюзом корабля медленно меркла. Огненный плющ угасал с наступлением дня.

Тихие, мягкие шаги прошелестели за спиной.

Хондийский нерв мгновенно отреагировал, прочертил в сознании контур человеческой фигуры и тут же попытался перехватить контроль над мышцами руки, но Найл не шелохнулся, усилием воли подавил рефлекторный позыв к убийству.

Вот так вся жизнь, на изломе двух мироощущений. Иногда – терпимо, а иногда несносно, мерзко. Увидишь хонди, и сразу хочется, чтобы тот прикоснулся усиками к ладоням, пощекотал железы. Промелькнет человеческий силуэт, и тут же кровь ударяет в голову вспышкой неосознанной враждебности, похожей на темный инстинкт.

Человек мягко ступил на смотровую площадку, сел рядом с Найлом.

– Привет. Вчера мы так и не познакомились. Меня зовут Егор.

– О, как Бестужева? – юноша почему-то усмехнулся. – Я Найл. Странник.

На миг наступила тишина.

– И куда ты путь держишь? – нарушил молчание Егор. Он заметил, что юноша встревожен.

– Пока не решил, – неопределенно ответил тот.

– У тебя нет дома? Родных? – Егор прежде всего хотел получить сведения о людях. – Никто тебя не ждет?

– Нет. Все осталось в прошлом, – парнишка не стал уточнять, насколько далеко.

– Сочувствую.

Найл удивленно покосился на него. Загорелое лицо, обветренная кожа, седые коротко остриженные волосы, морщины, – уже, наверное, немолод, хотя внешность часто обманчива.

– Чему сочувствуешь?

– Твоему одиночеству. Мне знакомо это чувство.

– Я своей жизнью доволен, – отрезал Найл. – Говори, зачем пришел? Что нужно от меня?

– Разве к тебе обращаются только по делу?

– Ну, да. А зачем еще?

– Просто поговорить. Или молча посидеть рядом. Понять, что ты не один в мире, – Егор сам удивился внезапно вырвавшимся фразам.

«Везет же мне на чокнутых!» – раздраженно подумал Найл, а вслух произнес:

– Я путешествую один. Так легче. Спокойнее. Не надо оглядываться.

– Жаль.

Найл мысленно усмехнулся. Все же ему что-то нужно. Нерв снова «взбрыкнул» – странное словечко родом из кибермодулей. Там в словарях столько всего – весь мир можно переиначить, новый язык придумать. Позыв к убийству на этот раз отдавал рационализмом. Вонзи в него иглу с токсином, пока не прозвучало предложение, от которого не сможешь отказаться, и живи себе дальше спокойно.

– Я ищу верфь армахонтов. Она выглядит вот так, – Егор вытянул руку, под пальцами тут же сформировалась голограмма. Огромный комплекс шпилевидных зданий вздымался к небесам, его окружали постройки поскромнее, пониже. Между ними протянулись ниточки дорог. – «Ничего себе масштабы», – мысленно удивился Найл. Чуть в стороне темнел островок странного леса. Черные низкорослые чешуйчатые деревья с кристаллическими ветвями росли симметричными рядами.

– Нет. Не узнаю. Никогда не видел ничего подобного.

– А если вот так? – Егор понял, что допустил ошибку, воспроизвел файл реконструкции, хранящийся в кибстеке. – Взгляни еще раз.

Шпилевидные здания изменились, приняли вид руин, от них остались лишь огрызки, покатые крыши приземистых цехов провалились внутрь, стапели, – опять имплант выхватил нужное слово из баз данных, вставил его в мысль, – стапели теперь выглядели, как бездонные квадратные озера с темной стоячей водой. Странный лес исчез, на его месте простиралась растрескавшаяся пустошь.

Найл пожал плечами.

– Веришь в легенду об армахонтах?

Егор кивнул. Он понимал: говорить правду глупо. Никто ведь не поверит, не поймет! В лучшем случае сочтут сумасшедшим. Но он заблудился. Единственная надежда – древняя верфь. Она расположена недалеко от предгорий. Комплекс руин приметный, его должны хорошо знать.

– Какой смысл искать их следы? – спросил Найл. – Если они действительно правили Вселенной, то почему исчезли? Могущество либо есть, либо его нет.

– Вижу, руины тебе знакомы? – Егор не поддержал тему.

– Допустим.

– Долог ли путь?

«Неправильный вопрос. Иногда, чтобы пройти сотню метров, приходится делать крюк, искать обходные, безопасные маршруты. Можно сутками кружить у цели, видеть ее, но так и не попасть в намеченную точку. Он не знает элементарных истин? Никогда не путешествовал? Или проверяет меня на сообразительность?»

Найл искоса взглянул на него.

Холодные глаза. Многодневная щетина. На шее с левой стороны из-за воротника одежды виднеется шрам. Нерв подавленно молчит.

– Да, я знаю эти руины, – подумав, ответил Найл. – Но идти туда очень долго. И почему я должен тебе помогать?

– Ну, я же вчера тебе помог.

– Нет. Извини. Далеко. А у меня своих дел хватает.

– Расстояние – не проблема. – В глазах Егора промелькнул огонек надежды. – Последователи ведь не пешком пришли. Где-то поблизости их машина!

– Я видел следы на дороге, – мгновенно оживился Найл. – Думаю, они загнали свой вездеход в заросли огненного плюща. Но у тебя все равно ничего не выйдет, – вздохнул он.

– Почему?

– Код доступа. Без него никак.

– Разберусь, – ответил Егор.

– Разберешься? Как?

– Эшранг с утра приволок мне андроидов. Их чипы наверняка содержат нужную информацию.

– А ты сможешь ее извлечь? – недоверчиво спросил юноша.

– Смогу, – заверил Егор.

– Круто! – Найл не очень-то поверил, но... пусть попробует. – Знаешь, если завладеть машиной, – он мысленно прикинул все вытекающие преимущества, – то я, пожалуй, помогу тебе. Только при одном условии!

– Говори.

– Ты отдашь мне вездеход, когда доберемся до руин! – Найл затаил дыхание от собственной дерзости.

– По рукам, – даже не подумав о торге, ответил Егор.

* * *

Бар «Н-болг». Жилые отсеки...

Бестужев ощущал себя обломком кораблекрушения, который выбросило на незнакомый берег.

– Найл, эшранг мне сказал, что где-то в горах живут люди, – он принялся разбирать андроида.

– Наверное, речь о древнем колониальном убежище? – юноша с интересом наблюдал за ловкими движениями Егора.

Бестужев ничем не выдал внезапного волнения, лишь сухо спросил, сдерживая себя:

– Расскажешь о нем?

– Убежище – легенда. Миф, – отмахнулся Найл. – Странный ты. Простых вещей не знаешь. Тебя часом не темпорал сюда выбросил?

– Темпорал? А что это такое?

Найл моментально насторожился, страх промелькнул во взгляде.

– Ну-ка, говори, кто ты и откуда! – внезапно потребовал он. – Иначе ищи другого проводника!

– Я не помню, – Егору очень не хотелось лгать, но и сказать всей правды он не мог. – Был бой. На нас хонди напали, – он все же решил описать события, не углубляясь в их подоплеку. – Рядом со мной рухнул сбитый фаттах. Последнее, что запомнилось, – столбы сияния, взрыв и холодный свет в виде купола. С тех пор в голове – пустота. Словно все забыл. Кое-какие навыки остались. На сервов охочусь, – решился он на небольшую импровизацию. – Тем и живу.

Юноша немного успокоился.

– Так ты попал во временно́й сдвиг! Неудивительно, что память отшибло! Мог вообще погибнуть! А к верфи тебе зачем?

– Ищу свой дом. Я жил недалеко оттуда.

Похоже, Найла такое объяснение устроило.

– А чем ты занимаешься? – Егору хотелось узнать хоть что-то об окружающем мире. – Почему в городе не живешь?

– Делать там нечего, – буркнул Найл. – Вообще-то я исследую пустоши, ищу новые места для поселений. Хондийские корабли, – уточнил юноша. – Многие из них пускают корни… – он вдруг спохватился, замолчал, словно испугался сболтнуть лишнего, выдать какую-то тайну.

Егор не стал настаивать. Паренек ему нравился.

Он отделил грудной кожух андроида, аккуратно отложил его в сторону.

– Жуть, – Найла передернуло. Тусклый свет лег бликами на потрескавшуюся сферу из бронепластика. Взгляду открылся фрагмент эндоостова – ребристый участок позвоночника, усеянный микрочипами, оплетенный тягами сервомускулов.

Время за работой и разговором летело незаметно.

– Последователи часто совершают нападения? – спросил Егор, отсоединяя носители информации.

– Угу. Придурки полные, – неприязненно ответил Найл. – Такие же бесноватые, как их Бестужев!

– Он был безумен?

– Конечно! Зачем истреблять эшрангов, хонди, ц'остов? Кому они мешают? Живут себе…

– И не доставляют неприятностей?

– Да всякое бывает, – подумав, ответил Найл. – Хондийские банды. Дикие морфы. Эшранги недавно между собой воевали, – перечислил он и тут же запальчиво добавил: – Только среди людей уродов тоже хватает! Знать, плантаторы, – в его голосе ясно прозвучало презрение, злоба.

– Знать? – незнакомое слово резануло слух.

– Рабовладельцы, – уточнил Найл. – Живут за счет хонди.

– Так ты сбежал из дома? – догадался Егор.

– Какая разница? – Найл помрачнел, затем нехотя признался: – Родители из меня надсмотрщика хотели сделать. В общем, ты прав – я сбежал.

Егора неприятно удивило откровение юноши. Рабовладельческий строй?!

«А чего ты хотел? Если современное население Пандоры состоит из потомков репликантов, то какая у них психология?» – в душе всколыхнулся мутный, неприятный осадок, остро вспомнился последний разговор с Родькой.

– Откуда рабы? – спросил он.

– Издалека. Целый бизнес. Основные поселения хонди на болотистых равнинах. Оттуда их пригоняют.

У Егора кружилась голова.

«Оторванный от своего времени, очнувшийся неизвестно в какой эпохе, как я должен себя чувствовать? Как реагировать на события? Все, о чем мы мечтали, извращено», – с горечью подумал он.

Найл, заметив его подавленное состояние, забеспокоился:

– Ты чего вдруг сник?

Отвечать не хотелось.

– Нерв. Обратная связь, – выдавил Егор.

Юноша удивленно уставился на него.

– Обратная связь? А что это такое?

– Воздействие нерва на мозг, – Егор закончил сортировку запасных частей от двух разобранных андроидов. Пожалуй, одного еще можно восстановить, без личности, конечно, но чтобы вскрыть машину Последователей, большего и не нужно.

– Нерв что, постоянно влияет на тебя?! – ужаснулся Найл.

– Да.

– Жуть! – юноша с сочувствием взглянул на Егора, затем извлек из кармана микрочип, который накануне предлагал эшрангу в качестве оплаты за ночлег. – Вот взгляни. Достань себе такой же, и проблем не будет!

Бестужев взглянул на незнакомую маркировку. Тонкая планка по размерам совпадала со стандартным гнездом импланта. Он отсканировал ее. Явно не кустарное производство.

– Это адаптер, – пояснил Найл. – Последняя модификация, – с важным видом добавил он.

– А разве твой нерв не воздействует на сознание? – спросил Егор.

– Изредка. Я ж не полукровка какой-нибудь!

– Кто их производит? – Егор пристально разглядывал чип.

– Понятия не имею, – Найл пожал плечами. – Этот я выменял у торговца, пару месяцев назад.

– У тебя такой же?

– Ага. Меня же в надсмотрщики готовили. Выдали бесплатно, – тень неприятных воспоминаний исказила черты юноши.

Надежда с новой силой вспыхнула в душе Бестужева. Чип произведен в промышленных условиях! И он явно превосходит по сложности его собственный адаптер!

Ему отчаянно хотелось верить, что колониальное поселение выстояло. Возможно, оттуда, из-за периметра, приходят вот такие, высокотехнологичные изделия?

* * *

Необитаемые земли. Двое суток спустя…

Дорога мягко стелилась под колеса машины.

Егор вел уверенно. Найл, поначалу указывавший путь, теперь настороженно посматривал по сторонам, андроид, собранный Бестужевым, безучастно застыл на заднем сиденье.

Окрестности тонули в зеленых и фиолетово-багряных оттенках листвы. Два темпорала остались далеко позади, новые пока не попадались, а вот обычные деревья образовывали настоящие заросли, их кроны поднимались выше древней дороги, внизу, в подлеске, царил сумрак, там обитали различные животные. Сканеры то и дело фиксировали подвижные термальные всплески.

– По каким признакам ты находишь старые корабли? – Егор нарушил молчание.

– Темпоралы указывают на места крушений, – ответил Найл.

– Но они же опасны?

– Конечно!

– Не понимаю, в чем тогда смысл?

– Темпоралы, как правило, растут в местах скопления обломков, – терпеливо пояснил юноша. – Неподалеку можно отыскать и другие, почти неповрежденные корабли.

– То есть разрывы пространства и сдвиги времени всегда связаны с искусственно созданными объектами?

– Не всегда, но в большинстве случаев, – Найл покосился на андроида. – Почему мы его не отключили? Ну, вскрыл машину, а теперь-то он нам зачем?

– Дройд не опасен. Пригодится в дороге. Он многое знает и умеет.

– Ага, – Найл скривился. – «Догматы» точно выучил наизусть! – неприязненно добавил он.

– Я удалил эту информацию, – ответил Егор.

– Серьезно? Прямо вот так взял и залез в «мозги» машине?

– Найл, успокойся. Лучше расскажи, что еще ты знаешь о темпоралах? Мне любопытно. Я ведь как будто заново родился. Ну, после той вспышки, – на всякий случай напомнил Егор.

Юноша призадумался.

– Они появились очень давно. В те времена, когда первые люди бились с эшрангами и хонди.

– Была война? Из-за чего?

– Из-за убежищ, – уверенно ответил Найл. – Не каждый корабль можно использовать. Например, техника эшрангов никуда не годится. Да и руины городов тоже. Ни еды, ни энергии. Только хондийские крейсера могут производить биомассу, они пускают корни, питаются сами и кормят тех, кто умеет обращаться с их системами.

– А ты знаешь, откуда взялись первые люди?

– Говорят, они изгнанники. Раньше жили в том самом мифическом «колониальном убежище», где-то в горах, но там стало тесно, вот их и выкинули за периметр. – Знакомый термин резанул слух Егора.

Легенды смягчили правду, завуалировали ее.

– Изгнанники пытались захватить хондийские корабли и пригодные для жизни земли, – продолжил Найл. – Рассказывают, что они бились насмерть, выжили немногие.

– Эшранги и хонди победили? – вопрос отозвался в душе Егора болью.

– Неа, – Найл отвечал охотно. – Они и сами-то едва выжили! Внезапнс начались катастрофы. По всей планете. Временны́е сдвиги, разрывы реальности. Каждый дрался сам за себя. Еще говорят, что первая волна искажений как-то связана с защитными системами того мифического

убежища. И только появление темпоралов предотвратило разрушение планеты.

Егор помрачнел. Многое из слов Найла он не понял, но стало ясно: наступление остановили не чужие, а цепь катастроф, охватившая Пандору. Но что же стало с боевыми частями?

– Этим… изгнанникам удалось захватить хондийские корабли?

Найл кивнул.

– Легенды говорят о пятнадцати крейсерах. Шесть из них постепенно разрушились, девять пустили корни. Некоторые живы до сих пор. Два или три, точно не знаю.

Пятнадцать крейсеров? Да, именно так. Их координаты были известны…

– А как среди людей возникло неравноправие?

– Просто. Одни обладали хондийским нервом, могли передавать его по наследству, – из них и сформировалась знать. Другие умели мысленно управлять сервами, но машин осталось очень мало, и такие способности не ценились, – Найл почему-то вздохнул, затем добавил: – Так и повелось. Знать владела кораблями, остальные превратились в чернь, прислугу. Были времена, когда обычные люди жили хуже хондийских рабов. Многие бежали. Некоторые добрались до руин древнего города армахонтов, обосновались там, но выжить в те времена было очень сложно. Первые темпоралы только появились, и семена жизни из других миров редко попадали на Пандору. Это сейчас вокруг леса, а раньше были лишь грязевые пустоши.

– Но горожане все же выжили?

– Да. Долгое время они враждовали с жителями кораблей, существовали только за счет тяжелого труда на полях и немногочисленных сервов. Постепенно они восстановили некоторые знания, возродили искусство имплантации. К этому времени шесть старых кораблей-убежищ разрушились. Их обитатели поработили хондийские племена и взяли город штурмом.

– А что стало с жителями? Их истребили?

– Нет. Люди с хондийским нервом, получившие его по наследству, постепенно начали превращаться в полукровок. Им потребовались

хирургические вмешательства, имплантирование, а это могли дать только горожане. Они же развивали науку! – не без гордости за далеких предков пояснил Найл. – Вот так и сложилось. Нерв теперь снова имплантируют, но без кибермодулей – никуда.

– Значит, ты тоже мог бы стать знатным, богатым? Современная знать – не закрытая каста?

– Мог бы. Только не захотел. Мне по душе странствия, – уклончиво ответил Найл.

* * *

Утро следующего дня выдалось хмурым. С пасмурного неба срывалась морось дождя.

Найл нервничал. Он то и дело переключался между разными типами сканеров, быстро считывал показания и снова начинал озираться по сторонам.

– В чем дело? – спросил Егор.

– Так далеко я еще не забирался. Здесь начинаются территории сервов!

– Одичавшие машины настолько опасны?

– Очень.

– Враждебны к людям? – допытывался Егор. – Почему?

Найл покосился на заднее сиденье, обжег андроида неприязненным взглядом.

– Понятия не имею.

– Держи, – Егор протянул ему тонкую овальную пластину, над которой трудился прошлым вечером. Столкновение с Последователями заставило его призадуматься над средствами индивидуальной защиты, вспомнить один прием, которому когда-то его научил Паша Стременков. Так, эксцентричный эксперимент, не более. «Не думалось, что когда-то пригодится на практике», – подумал Егор, а вслух добавил: – Прикрепи на плечо. Отпугнет сервов.

– Амулет? – скептически хмыкнул Найл. – Не верю я во все эти обереги, – признался он.

– Даже так? – удивился Егор. – Уже встречал подобные… – он запнулся, – изделия?

– В городе в каждой лавке ими торгуют. На любой вкус. Многие покупают, – он сумрачно усмехнулся. – Пару раз мне попадались бедолаги, мертвее некуда, зато увешанные такими вот побрякушками, – пренебрежительно добавил он. – Ты вроде мужик серьезный, а в такую чушь веришь!

Егор не обиделся.

– Никакой мистики, – заверил он. – Чистая технология.

– Да? И как же это работает?

– Я нанес на пластину специальный узор. По сути, это программа, доступная для визуального сканирования. Работает только при прямом контакте с сервами, на небольшом расстоянии.

– И?

– Любая кибернетическая система, считывая данные с этого амулета, получит вирус.

– Неплохо. И отключится? Насовсем?

– Скажем так – зависнет. На некоторое время. Чтобы полностью нейтрализовать машину, примитивного вируса недостаточно. Он лишь вызовет сбой в системе.

– А у тебя есть такой?

– Да.

– Классно, – Найл с уважением взглянул на своего спутника. – Ты мог бы неплохо зарабатывать, безо всякого риска.

– Я не торговец. И не ремесленник.

Дорога тем временем стала хуже, появились трещины и разломы, пришлось сбросить скорость.

– Сервы постарались, – нервозность Найла росла.

– Вижу.

Повреждения выглядели незначительными, их искусственное происхождение определил лишь БСК. На первый взгляд – обычный, нечасто используемый участок древней дороги. Машина легко

преодолевала трещины, лавировала между обломками камней, с хрустом подминала под колеса завалы увядших ветвей.

Сканирующий комплекс иначе трактовал встречающиеся препятствия. «Трещины» были прорезаны лазерами, под буреломами скрывались разного рода датчики, нагромождения камней вообще не вписывались в окружающий ландшафт. Над дорогой не господствовали скалы либо руины зданий, и, спрашивается, откуда тут взяться угловатым глыбам?

– На славу они потрудились, – Найл коснулся сенсора стеклоподъемника, приготовился к стрельбе. Похоже, в силу амулета он действительно не верил, полагаясь лишь на оружие.

Андроид, до этого неподвижный и безучастный, внезапно пошевелился.

Найл резко обернулся. Ствол оружия уперся в грудь человекоподобной машине.

– Только попробуй! Ядро разнесу вдребезги!

– Я не опасен, – заверил синтезированный голос. – Завершена полная перезагрузка. Идет обработка данных. Восстановление прежней конфигурации нейросети невозможно. Ошибка при инициализации личности.

– Не вовремя ты перезагрузился!

– Оставь его в покое! – не отрывая взгляда от дороги, приказал Егор.

– С чего это? Ненавижу, когда за спиной...

– Отстань от него! Вперед смотри!

– Ладно, – Найл нехотя подчинился. – Ого! – невольно воскликнул он. Отдельный экран поискового радара показывал россыпь алых маркеров, появившихся у среза модели местности и теперь медленно приближающихся.

– Не вздумай стрелять! – предупредил Егор. – Проскользнем без шума, как тени, обещаю.

Юноша нервно сглотнул. Сервов он явно боялся.

Маркеры накладывались на фон разветвленного оврага.

– Взгляни, – Егор переключил изображение.

Впереди, за лесом показались горбины пологих холмов.

– Скопление кораблей! – Найл мгновенно и безошибочно интерпретировал странную форму рельефа. – Сервы охраняют подступы к ним?

– Проскочим.

– Мне бы твою уверенность…

Ситуация тем временем осложнялась. Все больше алых засечек появлялось по обе стороны древней дороги. По мере движения ближайшие маркеры расцветали аурами активных сигнатур.

– Странно. Они что, не обращают на нас внимания?

– До поры, – ответил Егор. – Расстояние велико, маскировка пока эффективно работает. Машина Последователей неплохо оборудована.

– А сканеры сервов не в счет?

– Не кличь беду!

– Суеверен? – юноша пытался поддерживать полушутливый, непринужденный тон, но в его голосе все острее прорывались панические нотки.

– Руины, – Егор отключил автопилот, полностью перешел на ручное управление. – Наверное, остатки древнего города армахонтов.

* * *

Руины зданий, тесно подступающие к древней дороге, приближались. От количества маркеров уже рябило в глазах.

Моросящий дождь прекратился. Лес начал редеть, деревья становились все ниже, затем сменились зарослями кустарника. Зеленые и багряно-фиолетовые языки растительности захватили окраинные улицы руин, но дальше начиналось мертвое пространство, над полуразрушенными зданиями и горами щебня клубился пар, кое-где к нему примешивался едкий дым, – в глубине кварталов явно располагались какие-то производства.

Егору хотелось проскочить опасный участок маршрута без боя, но надежда на благополучный исход стремительно таяла.

Царство машин! Он читал наиболее близкие, яркие сигнатуры, поражаясь обилию и разнообразию «одичавшей» техники. При других обстоятельствах он не удержался бы от искушения – замаскировать машину и понаблюдать за жизнью сообщества механизмов.

Несомненно, они объединены в сеть и проводят время отнюдь не бесцельно! Датчики БСК фиксировали постоянный обмен данными. В глубине разветвленных оврагов сервы организовали добычу полезных ископаемых, видимо, движение воды в период таяния ледников обнажило там рудоносные породы.

Анализатор атмосферы указывал на обилие химических примесей, характерных для примитивной промышленности.

«Как возникло это уникальное сообщество? Только на основе рационализма, функции самоподдержания, присущей колониальной технике?»

– Осторожнее! – вскрик Найла потонул в звуке короткой автоматной очереди. Серв, вскарабкавшийся по осыпи и пытавшийся перейти дорогу метрах в десяти от машины, сыпанул искрами из пробитого корпуса, покатился вниз по склону.

– Зачем?! – с нескрываемой досадой закричал Егор. – Он бы нас не заметил!

Найл, бледный, напуганный, дико озирался по сторонам. Ближайшие сервы насторожились, секунда сканирования, и они ринулись к дороге со всех сторон. Маскировка, разрушенная внезапным нападением на их собрата, больше не работала, они распознали источник вторжения!

Егор резко притормозил, лазерные разряды впились в угловатую глыбу, взвихрился едкий дым, брызнули чешуйки осколков, у подножия препятствия вспыхнул огонь – сухие ветки и плети лиан мгновенно занялись пламенем.

– Идиот! – машина рванулась с места.

Найл уже не слышал Егора. Он бил короткими очередями, целясь по стремительно приближающимся сервам.

Андроид вновь пошевелился, заинтересованно повернул голову. Заработал его сканирующий комплекс.

Единое информационное поле, объединяющее анклав механизмов в некое подобие коллективного рассудка, исказилось, – это Егор сбросил постановщик помех, – сотни микроскопических устройств ссыпались на дорогу из специального бункера, расположенного под днищем.

Часто и ритмично заработал индикатор импланта.

Андроид вновь встрепенулся, получив четкие инструкции к действию.

Он перегнулся через спинку водительского сиденья, схватил автомат Бестужева, подался назад, в сумрак салона, опустил ветровое стекло и тут же открыл огонь.

Найл, и без того до смерти напуганный, перезаряжал оружие, когда андроид включился в схватку. Заметив резкое движение, он хотел перехватить руку человекоподобной машины, но куда там!

– Егор, у него автомат!

– Знаю! Я приказал! Держи свою сторону! Бей по сигнатурам!

– Да я их вижу и без сканеров!

– Бей по показаниям датчиков! Верхние этажи зданий! Заметил?!

Машина резко ускорилась на ровном участке дороги. Сервы, карабкавшиеся по осыпям, остались позади.

Все сливалось перед глазами.

– Найл, не тормози!

Окрик подействовал. Юноша наконец сообразил: сервы, что стекаются к обочинам, не вооружены, а вот в руинах засели действительно опасные противники! Именно оттуда били лазерные разряды.

В следующий миг очередь, выпущенная из импульсного орудия, вспорола древнюю дорогу.

Машину занесло. Егор каким-то чудом не позволил ей опрокинуться набок, проскочил сквозь огненные всплески, снова добавил скорость.

Что-то скрежетало под днищем. Серией приглушенных хлопков отработала последняя из оборонительных систем, а сервов становилось все больше!

Найл стрелял, но попадал ли? Руины проносились мимо, энергоматрицы плясали перед глазами, одни исчезали, им на смену появлялись новые, затем вдруг количество активных маркеров начало стремительно уменьшаться.

Машина подпрыгнула, грузно приземлилась, раздался удар, вновь послышался протяжный скрежет, к которому тут же добавился неприятный, ритмичный звук: что-то развалилось в подвеске и теперь глухо постукивало.

Андроид сменил автоматный магазин, но не выстрелил, лишь зафиксировал цель.

– Удаляемся, – бесстрастно произнес он. – Оружие неэффективно.

У Найла все плыло перед глазами, голова резко кружилась, вкус крови во рту вызывал тошноту.

Борта машины дымились. В задней правой двери зияла пробоина. Медленно остывающие язвы от лазерных попаданий светились, истекали жаром. Переднее колесо со стороны водителя издавало чавкающий звук, вскоре сменившийся лязгом – цельнолитая покрышка сгорела.

– Они не отстанут! – Найл снова запаниковал, заметив, что Егор сбросил скорость, пытаясь удержаться на дороге.

Сзади вихрился туман из мельчайших пылинок.

Антисканирующая завеса!

– Сервы не станут нас преследовать, – сквозь зубы процедил Егор. – Мы пересекли границу их ареала.

– Ну и что?!

– У них есть своя логика, свои правила. Гоняться за нами по всей Пандоре нерационально. Бессмысленная трата ресурсов.

– Ага… успокоил!

Опасения Найла не оправдались. Сервы не стали преследовать покалеченную машину. Потеряв ее из виду, они действительно остановились, некоторое время их маркеры то появлялись, то исчезали на фоне расползающегося облака микрочастиц.

Наконец индикаторы поискового радара образовали ровную линию тускло-зеленых огоньков.

– Сворачивай к холмам! – посоветовал Найл. – Видишь свет темпоралов? Лучшей защиты и не придумаешь! Сервы и близко не подходят к таким местам!

Егор заметил древнюю дорожную развязку, свернул. Вскоре машина уже подскакивала на ухабах, двигаясь по бездорожью в направлении

холмов.

– Прорвались… – он искоса взглянул на Найла. – Больше никогда так не делай! Слушай, что говорят старшие, понял?!

Тот удрученно кивнул.

Двигатель работал с перебоями, скрежет в подвеске становился все громче.

Егор свернул в ложбину между холмами, остановил машину.

– Здесь заночуем. На ремонт потребуется время. Теперь понимаешь, зачем я взял с собой андроида?

– Он починит вездеход?

– Верно, – кивнул Бестужев. – Но придется задержаться на пару дней.

Найл не стал возражать, словно его не заботил дальнейший путь.

«Все еще в шоке, – подумал Егор. – Бывает».

– Пошли, осмотримся.

* * *

Краски дня стремительно меркли, оранжевый закат полыхал недолго, впереди, среди пологих холмов ясно виднелись ауры темпоралов.

Егор остановился, настороженно изучая окрестности.

Странное место. Темпоралы здесь росли упорядоченно, их сияние образовывало аллею.

Егор переключился на компьютерное зрение. Холмы тут же выдали свое происхождение: в недрах возвышенностей покоились обломки сотен космических кораблей! Их принесло течением во времена потопа, сбило в подобие свалки, затем укрыло песком, камнями и глиной.

– Ни одной активной энергоматрицы, – недоуменно произнес Бестужев.

Найл смотрел в сторону «аллеи». Свет похожих на деревья энергетических образований завораживал юношу.

Егор присел на замшелый валун. Пора устраиваться на ночлег. Дальше идти опасно. Да и незачем. Он велел дройду собрать дров в ближайших кустарниковых зарослях, а затем заняться осмотром вездехода.

Найл устроился рядом.

– Устал смертельно, – признался он. – Даже есть не хочется. В сон клонит.

– Это нервы. Кстати, не замечаешь ничего странного? – Егор указал на две цепочки аур.

– Да всякое бывает. Наверное, раньше тут было множество разрывов, – юноша прилег на мягкий ковер мха, подложил под голову рюкзак. – Егор, я и вправду устал. Поговорим утром?

– Ладно. – Бестужев решил оставить парня в покое. Пусть отдохнет. День действительно выдался тяжелым.

Найл закрыл глаза. Через минуту он уже сопел, погрузившись в сон.

Вернулся андроид, принес ворох сухих ветвей, расчистил место для костра, развел огонь.

Егору спать не хотелось. Он еще долго сидел, глядя на языки пламени, пока те не начали угасать. Рдеющие угли понемногу подернулись пеплом, неподалеку светились загадочные энергетические «деревья», стальная радуга перечеркнула ночной небосвод Пандоры, яркая горошина станции Н-болг по-прежнему не двигалась.

Рассказ Найла не давал покоя. По его словам, первые темпоралы появились, как только схлынула вода. «Мы начали наступление, – размышлял Бестужев, – а в других регионах Пандоры уже нарастал катастрофический процесс, появились разрывы пространства и сдвиги времени?

Допустим. В таком случае армада чужих кораблей спасалась от нарастающего вала катастроф? Они не собирались атаковать город, а попросту бежали, отчаянно ища спасения?»

Он снова взглянул на небо.

Яркая горошина не сдвинулась ни на миллиметр.

Нет солнца. Луна не движется по небосводу. Смена дня и ночи происходит странным образом. Все явления указывали, что Пандора попала в ловушку стасиса! Но время же не остановилось окончательно!

Неподалеку внезапно проявилась и тут же исчезла еще одна аура – невысокая, расплывчатая.

Темпорал? Егор обернулся, пристально глядя во мрак. Точно! Вот опять!

Росток?!

Метрах в десяти от их лагеря возникло холодное сияние. Бестужев отчетливо рассмотрел тонкий энергетический побег, который то угасал, то вспыхивал вновь.

«Надо бы разбудить Найла», – подумал он, не отрывая взгляда от странного явления.

– Найл, проснись! Тут происходит что-то непонятное!

За спиной Бестужева раздался шорох, затем на него обрушился внезапный, оглушающий удар.

* * *

Сознание вернулось почти сразу. В затылке пульсировала боль. Мир потускнел, расплывался перед глазами.

Бестужев ничего не понимал. Он со стоном сел, осмотрелся, увидел андроида, замершего в нескольких шагах от него, и Найла, торопливо собирающего вещи.

– Что случилось?!

– Я тебя вырубил, – не оборачиваясь, ответил юноша.

– Ты? Зачем? Почему?!

– Ну, такого придурка еще поискать! – голос Найла разительно изменился. – Что, ты действительно никогда не слышал об Аллее Темпоралов?

– Нет, – мрачно ответил Егор. Он попытался встать, но непонятная сила сковывала движения. Взглянул на руки – свободны. Ноги тоже не связаны.

– Даже не пытайся. Это ведь росток! – многозначительно произнес Найл. – Он не выпустит тебя!

– Объясни, что происходит?! – потребовал Егор.

– Я ухожу. В другое время. В иную эпоху, если ты еще не понял.

– Уходи. Я здесь при чем? Зачем ты меня оглушил?

Найл обернулся. Его черты исказила злая, презрительная гримаса.

– Ты так глуп, Егор, что даже немного стыдно.

– Говори толком!

– Действительно ничего не понимаешь?

– Нет.

– Если бы мы прошли чуть дальше, то увидели бы кости разных существ! Они все пытались уйти в иную, более счастливую, спокойную эпоху. Многие считают, что этот путь ведет во времена правления армахонтов, когда не было ни рабства, ни временны́х сдвигов, ни сервов, ни полукровок, ни последователей, ни прочей дряни! – ожесточенно произнес он. – Аллея Темпоралов не связана с полями стасиса! Ее кто-то создал!

Бестужева охватила злость на самого себя.

– Почему ты назвал меня придурком?

– Ты наивный. Никому нельзя доверять, – Найл упаковал вещи, закинул рюкзак за спину. – Об Аллее Темпоралов знает каждый. Мне неслыханно повезло встретить тебя. Спросишь – почему? Никто бы не отправился сюда со мной добровольно! Все знают: чтобы пройти через сдвиг, попасть в другую эпоху, нужно принести жертву. Иначе там, – он указал в сторону Аллеи, – там ждет смерть!

– Значит, ты меня обманул?!

– Угу, – зло усмехнулся Найл. – Я понятия не имею, где расположена верфь! Просто все надоело, вот и решил воспользоваться случаем! К тому же меня ищут.

– За что?

– Сорвался. Попал под влияние нерва. Перебил других надсмотрщиков, освободил хондийских рабов. Не в себе был. Такое не прощают. На меня охотятся. Найдут рано или поздно. Когда ты начал расспрашивать о темпоралах, я сразу понял – это мой шанс. Ты ведь из другой эпохи, верно?

Егор с трудом кивнул.

– Вот я и подумал: более подходящей возможности ускользнуть мне уже не представится! Кстати, спасибо за амулет. Он действительно работает, – юноша небрежно кивнул в сторону оцепеневшего андроида.

– Ты погибнешь!

– Заткнись. Об Аллее знают давно. Но мало кому удается прорваться через земли сервов и принести жертву.

– Найл, остановись! Здесь что-то не так. Поверь!

– Нет! Знающие люди мне сказали: временно́й сдвиг нужно уравновесить. Росток темпорала превратит тебя в энергию, когда я пройду! Больно не будет.

– Знающие люди? Да брось! Если они не прошли этим путем, откуда им известно, как все происходит?! – Егор не терял надежды вразумить, остановить парнишку.

– Мой дед бывал тут! Он говорил, что Пандора теперь превратилась в перекресток мироздания! Отсюда ведут сотни путей! Дед своими глазами видел, что какой-то охотник принес жертву и прошел через аллею! Я всю жизнь мечтал сбежать из этой поганой эпохи! Так что – прощай!

Найл развернулся и зашагал к темпоралам.

* * *

Егор мрачно наблюдал за ним.

Пошевелиться он так и не смог. Незримые путы сковывали его тело. Лишь взгляд напряженно следил за удаляющейся фигурой.

Вот и все.

Ударила ослепительная вспышка.

Боли не было. Лишь горечь в душе.

Мир, которого он не знал, отомстил ему. Достал ударом в спину, как пуля на излете.

…

Вспышка угасла. Зрение постепенно возвращалось. Контуры окружающих предметов медленно проступали сквозь багрово-черную пелену.

Росток темпорала вновь появился и теперь пульсировал. Найл исчез.

Я все еще жив?!

Ничего не изменилось. Он попытался пошевелиться и вдруг понял, что снова способен двигаться!

Что же происходит?! Неужели временны́е аномалии на меня не действуют?!

Егор с трудом встал. Его взгляд блуждал по сторонам. Все как прежде… только андроид лежит на земле!

Он шагнул, стремясь вырваться из ауры, но холодный свет сместился, не отпустил его.

Росток?!

Энергетическое образование больше не мерцало. Оно как будто слилось с Егором, стало частью тела – он вытянул руку, и сияние сконцентрировалось в ладони!

Невероятно…

Бестужев взглянул на небо и невольно замер.

Станция двигалась! Яркая горошина скользила по ночному небосводу, вот она исчезла за горизонтом, а спустя некоторое время появилась вновь, только с другого направления!

Росток напряженно сиял.

Он стабилизовал время?!

Найл ошибался? Жертва не я, а он?! Или это ловушка, из которой нет выхода?! Энергия, пронизывающая мое тело, – плата за его переход?!

Бестужев решил проверить. Терять уже по большому счету нечего.

Спустившись в ложбину между холмами, он направился к Аллее Темпоралов. Сначала он не почувствовал никаких изменений, но вдруг, за какой-то незримой для человека чертой, идти стало труднее, каждый шаг теперь давался с усилием, словно он преодолевал сопротивление невидимой, вязкой среды.

«Еще несколько метров – и застыну, как памятник самому себе!» – промелькнула горькая мысль.

Он осмотрелся, невольно попятился.

Вокруг – неподвижные фигуры существ. Люди, хонди, эшранги, даже парочка морфов!

Некоторые объяты сиянием. Другие – нет, и их тела уже тронул тлен! Чуть дальше, в глубине Аллеи, он увидел белеющие кости

и коричневатый хитин.

Превратиться в статую, испытать муки жажды, голода, а затем, когда иссякнет энергия странного ростка, обратиться в прах?

Ну уж нет!

Он осторожно, шаг за шагом выбирался из ловушки, пока снова не почувствовал свободу движений.

Борьба длилась долго. Стальная радуга начала меркнуть, на востоке появилась обманчивая полоска зари, и вдруг – он увидел краешек солнца!

Егор в изнеможении сел, отдышался.

Он не знал, что произойдет дальше, не ведал, долго ли ему осталось жить, как воздействует на организм росток темпорала, но теперь, когда время и пространство стабилизировались в границах окружающей его ауры, он вырвался из временны́х сдвигов и увидел настоящий восход!

Это означало лишь одно: у него появился ориентир! Теперь он знал, в какой стороне находятся горы!

«Быть может, судьба подарила мне шанс?

Узнать, что случилось с городом? Увидеть потомков моего поколения? Или понять, что вся наша борьба была напрасна?»

Мысль овладела рассудком и уже не отпускала. Егор почувствовал, как глухо бьется его сердце. «Не важно, что станет со мной, – думал он. – Я узнаю правду. Пойму, ради чего мы жили, ненавидели, боролись!»

Глава 10

Правда беспощадна.

Порой она способна убить или свести с ума, но правда, какой бы горькой она ни казалась, – это первейшее условие для принятия верных решений.

Любая ложь, пусть во спасение, или сокрытие информации ведут в сумерки, за черту заблуждений, туда, где расплата приходит неожиданно, словно удар в спину, выстрел из-за угла…

Андрей Русанов, проект «Прометей»

Три месяца спустя. Граница периметра стасиса…

Стена зеленоватого, холодного света, пронизанного белыми прожилками искажений, издали напоминала мрамор.

Все прилегающее к периметру пространство усеивали обломки покореженной, уничтоженной в боях техники.

Егор горько усмехнулся. Он шел неторопливо, осматривался, вспоминал, узнавал некоторые детали окружающего.

Все в мире относительно. Мы думали, что победили время, но сами попали в его плен. Считали, что чужие постоянно атакуют. А на самом деле для них проходили десятилетия, а для нас внутри периметра – дни. Вот почему внешний мир так быстро и неузнаваемо менялся при каждой новой вылазке!

Каменный оползень рассекала граница сияния. Холодный свет переливался изумрудными оттенками.

Бестужев невольно остановился. Он понятия не имел, куда приведет его следующий шаг? «Стану ли я заложником стасиса, одной из неподвижных фигур, попавших в ловушку, или сумею пройти?»

Он разжал кулак, взглянул на ладонь.

Росток темпорала почти не светился. Юный побег, сотканный из энергии, то угасал, то вспыхивал вновь на протяжении долгого пути.

«Защитит или нет?»

Егор испытывал не страх, скорее робость.

Кто тебя ждет за периметром? Друзья? Но ты их предал.

Несешь им правду о Пандоре? А захотят ли они услышать ее? И станут ли вообще говорить?

Граница стасиса...

На миг он ощутил холод, затем покалывание.

Окружающий мир потускнел. Он, не отрываясь, смотрел на энергетическое растение, но ничего не происходило, неприятное покалывание улеглось.

«Ну? – он мысленно подстегнул себя. – Решай!»

Прежде чем сделать первый шаг в глубь периметра, Егор в последний раз осмотрелся.

Сквозь тусклое сияние ближайшие предметы выглядели расплывчатыми, нечеткими. Росток темпорала светился все ярче, он явно взаимодействовал с энергиями периметра!

Окружающий ландшафт внезапно начал меняться, кое-где исчезли броские ориентиры, пропали некоторые овраги, растительность мистическим образом подступила к границе холодного света.

«Временной сдвиг?! На это раз в будущее?!»

Он поднял взгляд.

В ночных небесах происходили немыслимые явления. Прямо на глазах у Егора стальная радуга вдруг исказилась, начала распадаться, – отдельные составляющие ее частицы либо исчезали, сливаясь с тьмой, растворяясь среди холодных звезд, либо, раскаляясь, входили в атмосферу, сгорая в ней без следа.

Вместо одной орбитальной станции он увидел сразу три похожих друг на друга объекта!

Они беззвучно скользили на фоне знакомых созвездий. Из мрака появлялись крошечные серебристые пылинки, спешили к станциям, маневрировали, затем вдруг сливались с ними.

«Космические корабли?

Я вижу будущее?!

Росток темпорала, взаимодействуя со стасисом, исказил время, позволил мне заглянуть на столетия вперед?!»

Егора объяла аура. Странное видение исчезло.

Бестужев сделал шаг вперед.

Бледный свет расступился, несколько изломанных ярких прожилок попытались дотянуться до него, вовлечь в стасис, но, коснувшись ауры, отпрянули, будто обожглись.

Росток темпорала светился все ярче, все напряженнее. Почка на нем набухла и лопнула, выпуская новый побег.

Егор понятия не имел, к чему приведет внезапное развитие энергетического растения, и невольно ускорил шаг, стараясь быстрее преодолеть преграду, зная, – толща периметра многослойна, коварна. Теперь он уже не сомневался, что гипотеза Паши Стременкова верна. Генераторы, работающие в глубинах защиты, давно вышли из-под контроля и черпают энергию из подпространства. Людям сюда доступ закрыт, но установки по-прежнему формируют стасис!

Знакомую дорогу пересекали трещины. Отмечая места боев, чернели остовы машин. Фигуры, похожие на изваяния, попадались все чаще, они застыли в различных позах, запечатлевших миг движения: вот за небольшим укрытием, сложенным из камней, замер эшранг. Он смотрит вверх, на следующий виток горного серпантина, глаза светятся гневом, одно крыло приподнято в красноречивом жесте, клюв приоткрыт. Рядом группа хондийских бойцов – они готовы ринуться в атаку.

«Помню ли я тот бой? Сколько прорывов периметра хранит память?»

Многое теперь находило объяснение. Недалеко от укрепления Егор заметил еще одну группу фигур. Серв, полукровка и киборг. В походном камуфляже. Отлично вооружены.

Он шел сквозь историю, заново познавая суть событий, которые раньше казались нелогичными, мистическими. Да, он вспомнил появление трех странных существ! Это произошло в разгар боя, когда корабль эшрангов почти прорвал периметр, нейтрализовав целый сектор генераторов стасиса.

«Мы думали: они стремятся уничтожить нас из ненависти, и отвечали тем же. На самом деле эшранги и хонди стремились спасти Пандору от катастрофы. Они ликвидировали опасные скопления кораблей, а мы, используя технологии армахонтов, усугубляли ситуацию, подталкивали

планету к моменту возникновения пространственных и временны́х аномалий!

Они понимали, где кроется источник проблем? Стремились уничтожить установки периметра, искажающие время, влияющие на реальность Пандоры?»

Егор невольно замедлил шаг.

Эшранг, скованный стасисом, источал злобу. «Если сейчас подойти ближе, коснуться его аурой темпорала, стабилизировать время для нас двоих, сказать: «Я все понял», – угаснет ли ненависть в его глазах? Станет ли он говорить со мной или попытается убить, охваченный горячкой боя?

Скорее – последнее».

«Ищешь себе оправдание? – внутренний голос не дремал, ловил каждую мысль. – Они отчаянно боролись за жизнь. Мы делали то же самое. Каждый по-своему. Ни изменить, ни остановить этого невозможно. По крайней мере, тогда. В тот миг».

Егор вспомнил бар «Н-болг». Должны были пройти века, чтобы человек и эшранг, находясь в одном помещении, не вцепились в горло друг другу!

Он не прикоснулся к изваянию, пошел дальше, вверх по дороге, взглянул на троих окаменевших паломников. Они искали легендарное колониальное убежище, веря, что там обитают люди, ставшие вровень с богами.

Эти трое шли за мечтой, но попали во временно́й пузырь, оказались посреди непримиримой схватки, между двух огней. Да теперь он отчетливо вспомнил тот бой, свое удивление и гнев при виде изуродованных существ. Казалось, они атакуют вместе с эшрангами и хонди. «Все воспринималось тогда однобоко, но и возможности взглянуть на события со стороны, понять их истинную суть у меня не было! Я видел перепрограммированного серва и двух изуродованных людей, уродов, созданных эшрангами!»

Слой за слоем Бестужев медленно двигался сквозь череду боев, преодолевал слои периметра, понимая: здесь мы перемололи все

боеспособные силы противника. В плену стасиса навек остались те, кто понимал суть процессов, охвативших Пандору!

Нет, он не испытывал горечи или раскаянья. Егор шел сквозь события, которые еще не потускнели в памяти, они по-прежнему жгли душу, напоминая о потерях, утратах, взывая к мщению, но отклик на них становился все глуше.

Уверенность таяла.

«Что я увижу, пройдя сквозь стасис? Что скажу людям? Отключите периметр? А возможно ли это? Что произойдет с Пандорой, когда вдруг исчезнет аномалия, запечатавшая планету во временны́х сдвигах? Куда пойдет энергия тысяч темпоралов, уравновесивших содеянное нами?»

Егору казалось: он застрял между разными эпохами, восприятие событий расслаивалось, как будто в его душе и рассудке произошел сдвиг.

История уже свершилась. Планета не разрушилась благодаря появлению загадочных темпоралов, но превратилась в перекресток, нет, слабо, очень слабо сказано, – не в перекресток, а в запутанную дорожную развязку, сложнейшую сеть, где мироздание исказилось, – теперь сотни неизведанных путей пересекаются в реальности Пандоры, ведут через пространство и время в немыслимые пределы!

«Я не в силах изменить или разрушить баланс, созданный Вселенной.

Тогда зачем иду туда? Взглянуть на тех, кто мне дорог?»

Росток развивался. Еще два побега окрепли, аура, окружающая Егора, стала ярче, насыщеннее.

Впереди появились знакомые скалы. Дорога изгибалась между ними.

Он упрямо шагал сквозь самые ранние события.

Первые установки периметра. За ними – неискаженное время, контрольно-пропускной пункт, незнакомый репликант в форме капитана корпоративной армии.

Последний шаг.

Сердце замерло. Сейчас погаснет аура, и я вновь увижу знакомые укрепления!

* * *

Сияние расступилось.

Свет окрепшего темпорала не угас, холодный призрачный огонь по-прежнему струился, повторяя контуры тела.

Он остановился, взглянул вокруг, ужаснулся.

Укрепления выросли, теперь между границей периметра и краем верхнего плато вздымалась стена настоящей цитадели.

Дорога вливалась в тоннель. Массивные ворота, запирающие его, оказались приоткрытыми, и Егор, ничего не понимая, пошел к ним, заметив неподвижную человеческую фигуру.

«Стасис?

Он прорвался сюда? Захватил укрепления?»

Нет. Чем ближе Егор подходил к воротам, тем явственнее понимал – время вокруг течет очень медленно. Вот почему не угасла аура темпорала!

Человек выглядел незнакомо.

Видимо, ворота приоткрыли, чтобы пропустить его внутрь. Ни лицо, ни одежда не вызывали воспоминаний.

«Что же тут произошло?»

Пока он шел, ворота чуть сдвинулись. Человек успел слегка повернуть голову.

Бестужев обогнал его, ступил в тоннель.

Участок горного серпантина, одетый в рубашку из стеклобетона, был залит ярким искусственным светом. Все выглядело мощным, основательным, монументальным. Две боевые машины совершенно незнакомой конструкции притаились сразу за входом.

Егор не стал тратить время и силы на их осмотр. Острое чувство тревоги толкало вперед. Он начал догадываться, в чем дело.

Если воздействие установок периметра охватило всю планету, то почему защищенный полями стасиса участок горной местности не должен испытать глобального воздействия?

Он ускорил шаг. Свет темпорала стал глуше, но не иссяк.

Вторые ворота оказались плотно запертыми. В мощных многотонных створах он увидел небольшую дверь в человеческий рост, свернул к ней.

Закрыто.

Егор подергал за ручку. Бесполезно. Нужно искать систему доступа.

На протяжении всего пути его сопровождала ватная тишина, а сейчас вдруг он услышал шорох.

Резко обернувшись в поисках источника звука, Бестужев не заметил ничего подозрительного. Взгляд обежал тоннель, вернулся к двери.

Там, где аура темпорала соприкоснулась с дверью, происходил непонятный процесс. На прочном сером материале появилось темное пятно, сантиметров тридцати в диаметре.

Металлопластик стремительно старел, разрушался!

Бестужева окатила дрожь. «Выходит, я прав, и внутри периметра образовалась еще одна аномалия?!»

Егор толкнул дверь. Замки не выдержали прикосновения, раздался скрежет, дневной свет хлынул в тоннель.

Он перешагнул порог.

* * *

Прекрасный город, утопающий в зелени садов и парков, открылся его взору.

На улицах десятки машин. Сотни людей. На них нет экипировки, никто не носит оружия.

Сознание надламывалось. Рвущиеся ввысь здания притягивали взгляд, в архитектуре мегаполиса четко прослеживалось смешение технологий – стеклобетон соседствовал с органическими материалами, характерными для хондийских построек, кое-где виднелись элементы конструкций, заимствованные у легендарных армахонтов. Дороги из какого-то черного материала напоминали о сети неразрушимых коммуникаций, сохранившихся на планете с древнейших времен, купола, венчающие некоторые из зданий, ярко напоминали элементы оранжерей орбитальных станций Н-болг, легковые машины по материалу и дизайну имели несомненное сходство с техникой эшрангов!

Люди не двигались.

Неужели действительно стасис?!

Егор подключил систему сканирования.

Нет, они движутся! – мысль обожгла. Неуловимо для невооруженного взгляда, но движутся! Значит, не стасис, но все же аномалия – время в границах периметра катастрофически замедлилось!

Он всматривался в лица, не узнавая их, но находя в чертах все, о чем когда-то мечтал. Спокойствие. Радость. Сосредоточенность. Кто-то улыбался в ответ собственным мыслям, иные явно шли по делам, другие просто гуляли.

Он долго стоял, не в силах перевести дыхание.

Поразительный контраст между современным, процветающим городом и опасными пустошами Пандоры завораживал, но мысли, теснящиеся в голове Егора, не несли однозначного радостного оттенка.

В душе росла тревога.

«Ты должен уйти. Ты не вправе коснуться этих зданий, войти в них. Ты не можешь увидеть тех, кто дорог, о ком думал, ты уже не принадлежишь этому времени, этой реальности!»

Он взглянул под ноги. Материал дороги, соприкасаясь с аурой темпорала, не разрушался под воздействием временно́го сдвига!

Егор немного успокоился, унял тревожные мысли, снова поднял взгляд.

Над городом царило устремленное к безоблачным небесам здание.

«Корпорация «Прометей» – надпись, венчающая небоскреб, читалась отчетливо, была видна издалека.

Кварталы расступались. Широкая многополосная магистраль, созданная по технологии армахонтов, вела к главному офису возрожденной корпорации.

Егор снова взглянул под ноги, затем, не в силах сопротивляться неодолимому желанию, пошел в направлении небоскреба.

* * *

Душа Егора Бестужева, долго пребывавшая во мраке, сейчас балансировала между светом и тьмой.

Город казался воплощением сокровенной мечты. Но он доступен лишь взгляду.

«Мне здесь не жить».

Мысль горькая. Но с этим ничего не поделаешь. Энергия темпорала по-прежнему пронизывала его, создавая сдвиг времени.

«Я обречен на вечное одиночество?»

Он шел по дороге в направлении царящего над городскими кварталами небоскреба «Прометей», стараясь не задевать аурой замершие, как ему казалось, машины.

Только уникальное покрытие, воссозданное по технологии армахонтов выдерживало временно́й сдвиг. Коснись он любого предмета, и тот разрушится.

Как же быть? Как же узнать, что происходило в границах периметра? Живы ли те, кто был мне дорог?

И вдруг его осенило: кибернетическая сеть! «Я не могу ничего коснуться физически, но кто запретит мне мысленное общение?»

Бестужев остановился, взволнованный, совершенно не уверенный, что у него получится, и оказался прав: запрос, отправленный через имплант, не получил отклика.

Виной тому разница во временных потоках или несовместимость оборудования? «Технологии наверняка ушли далеко вперед», – подумалось ему.

Но Егор не мог просто взглянуть на город своей мечты, развернуться и уйти.

Он даже не подозревал, какие потрясения уготованы ему.

«Нужно найти способ как-то передать информацию обо всем, что случилось со мной!

Технологическая телепатия?

Можно попробовать. Не важно, что городская кибернетическая сеть игнорирует меня, – прямое соединение между имплантами я установлю. Возможно, не услышу ничего, но передам свои мысли, вот только кому?»

Но безадресное обращение чревато серьезными последствиями. Егор не хотел, чтобы каждый житель города вдруг испытал сокрушительное

воздействие, вторжение в разум. Сразу вспомнилось, как Малехов опрашивал людей в убежище. Нет, такой способ не годится.

Коды имплантов?

Да. Это выход. Наизусть он помнил только три из них. Родиона Бутова, Паши Стременкова и Романа Малехова.

Живы ли они?

Не часто Бестужев испытывал робость. Ему потребовалось время, чтобы сосредоточиться, сформулировать первый запрос.

Родион Бутов.

Дыхание участилось. Было страшно.

Отклик?!

Егор увидел обстановку просторной светлой комнаты. Огромное, занимающее всю стену окно выходило на парк. По всей видимости, Родион сидел у окна в кресле. Мысленные образы, туманные и нечеткие, сначала нахлынули, смешались и только спустя некоторое время начали разделяться, детализоваться.

Бестужев замер, не смея даже дышать.

Родька! Живой!

Он смотрел на мир его глазами. Родион не подозревал, что установлена связь с его имплантом! Сдвиг времени внес свои коррективы в явление технологической телепатии! Бутов не ощущал подключения, не понимал, что Бестужев тут, в городе!

Егор мысленно позвал его, но не получил ответа.

«Мои мысли текут в тысячи раз быстрее! Для Родьки пройдут миллисекунды, сколько бы я ни ждал! Он испытает кратковременное помутнение сознания, сбой имплантов, но не поймет, что же произошло на самом деле!

Как мне быть?

Ну не копаться же в его рассудке, пользуясь «преимуществом» временно́го сдвига!»

«Только взгляну», – решил Егор, интуитивно отыскав безвредный для Родиона способ: он подключился к зрительному нерву, использовал программу обработки мысленных образов, получил достаточно четкую

картину всего, что видел в это мгновенье Родион, включая его периферийное зрение.

Комната как будто расширилась. Многие детали стали доступны взгляду.

Предметы меблировки выглядели непривычно. Удобно. Красиво, даже эстетично. Подобрано со вкусом.

Бестужев заметил блик на окне, мысленно присмотрелся и вдруг понял – это отражение!

Родька?!

Он постарел. Не повзрослел, а именно постарел. Значит, внутри периметра прошло лет тридцать, не меньше?

Главное – он жив. Жив и счастлив. Большего Егор знать не хотел, но периферийное зрение Родиона внезапно сформировало и другие образы.

Преодолев вспышку внезапной головной боли, Бестужев снова детализовал часть комнаты и увидел… Настю!

Он не мог ошибиться! Это была она!

Настя стояла вполоборота к Родьке, что-то говорила ему! Жива! Жива!!!

«Они вместе?!»

Егор с трудом справился с замешательством, вновь вернул четкость восприятия, еще раз осмотрелся, заметил на стене стереоснимок.

Родион, Настя и подросток лет пятнадцати.

Внизу надпись: «Егор Бутов. Совершеннолетие».

Мысли спутались, ментальная связь разорвалась.

Родион и Настя…

А что ты хотел? Это жизнь, Егор, радуйся, ведь они счастливы, у них есть взрослый сын, который носит твое имя!

Значит, помнят? Простили?

Он не думал, что все произойдет так тяжело, надрывно.

Бестужев стоял посреди улицы, среди замерших машин, остро переживая увиденное.

«Соберись!» – он мысленно прикрикнул на себя, но щемящая боль в груди стала лишь острее. Светлая, пронизанная солнечными лучами

комната, парк за окном, Родион, Настя, стереоснимок – образы все еще кружили в сознании.

Он не решился на повторное соединение. Вне периметра стасиса простиралась иная реальность. Не хотелось выплескивать ее в рассудок Родиона.

Малехов?

«Да, – рассудил Егор. – Он заинтересованное лицо. Необходимо передать Роману Степановичу сведения о реальном положении дел. Это меньшее, что я могу и должен сделать!»

* * *

Бестужев глубоко вдохнул, как будто собирался нырнуть в воду.

Ему было тяжело. Он понимал: полноценного общения не выйдет. Придется «закачать» информацию в рассудок Малехова. Хотя, если он по-прежнему руководит городом, если сумел возродить корпорацию, неужели не в курсе, что на самом деле происходит за границей защитного периметра?!

Сейчас проверим, он послал мысленный запрос.

Устройства имплантов соединились между собой.

И снова Егор увидел смутную, постепенно обретающую четкость картинку, вздрогнул, удивляясь тому, как необычно воспринимает Малехов окружающее!

«У него что – глаза на затылке?! Или дополнительные импланты? Почему я вижу обстановку его кабинета в полном объеме, словно нахожусь внутри сферического информационного пространства?

Виртуальная реальность?

Нет. Однозначно – нет».

Егор ничего не понимал. Роман Степанович стоит у окна, и, по идее, я должен видеть только панораму города! Кабинет Малехова располагается на одном из верхних этажей небоскреба – он анализировал ощущения. Из окна действительно открывался захватывающий вид, но, кроме прочего, Егор ясно, в подробностях

воспринимал обстановку самого помещения, причем каждая деталь интерьера находилась в фокусе зрения!

«Передовые технологии?

Ну а как же иначе объяснить особенности его зрения?

Ладно, нужно успокоиться, сосредоточиться, сформулировать послание».

Егор испытывал растущее моральное напряжение, ощущал некое смутное противодействие, словно имплант Романа Степановича обладал защитой, которая пыталась закрыть его разум, но безнадежно запаздывала из-за временно́го сдвига.

«Он что-то скрывает?»

Мысль промелькнула машинально, почти неосознанно, но именно она получила внезапный, мощный отклик.

Егор не собирался вторгаться в рассудок Малехова, но неожиданный процесс развивался стремительно, помимо его воли!

Мысленно заданный вопрос получил ошеломляющий ответ.

«Что же происходит?!»

Образ сменился. Возникла совершенно иная обстановка. Егор внезапно понял, что стоит у панорамного окна, вернее – подле огромного экрана, транслирующего изображение космического пространства!

Он видел исполинские надстройки орбитальной станции Н-болг, ощущал скуку, был раздражен, чувствовал себя изгнанником!

Холодные мысли теснились в рассудке.

Царящие вокруг обломки не внушали оптимизма. «Все безнадежно. Мне никогда не выбраться из этой звездной системы!»

Разум Егора помутился, но чужие мысленные образы уже хлынули потоком, словно прорвали незримую плотину!..

«Устройство внепространственной сети разрушено. Единственная планета в результате битвы превратилась в мертвый, скованный льдами, неуютный мир.

Армахонты пали, наш сектор отрезан».

Чужие мысли несли холод, равнодушную созерцательность.

Внезапно на фоне привычной панорамы космоса полыхнула яркая, пронизанная прожилками энергетических разрядов вспышка, а спустя мгновенье в пространстве материализовался огромный космический корабль.

«Не может быть!» – промелькнула эмоционально окрашенная мысль.

Изображение на экране мгновенно укрупнилось.

«Нет, это не корабль армахонтов! Тогда чей?! Кто сумел повторить открытие древнейшей космической расы?!»

Непонятные символы, замеченные на броне исполина, складывались в бессмысленную для морфа надпись:

«Земля. Колониальный транспорт «Прометей».

* * *

Егора бил озноб.

Он чувствовал всевозрастающее сопротивление, но уже не мог позволить себе разорвать мысленную связь. Столь ненавистное ему явление «технологической телепатии» внезапно открыло доступ к памяти древнего существа, по всей видимости, ц'оста, который был свидетелем появления в этой звездой системе легендарного корабля предков!

«Но откуда Малехов раздобыл эти сведения? Пленил и мнемонически допросил морфа?»

Некоторые из направлений развития технологий, те, о которых помнил Бестужев, не отвергали такой возможности!

Он стремительно погружался в омут чужих воспоминаний.

«Немыслимо! Я вижу «Прометей»!» – потрясенно думал он, продолжая считывать мысленные образы.

Дальше события вдруг ускорились, пошли вразрез с теми знаниями, что сумели сохранить поколения пандорианцев.

* * *

Колониальный транспорт, поврежденный в бою[10], терял энергию. За ним тянулся шлейф обломков.

Огромные пробоины зияли в корпусе «Прометея».

Корабль совершил серию маневров, начал сближение с планетой, окруженной кольцами обломков.

Яркие вспышки внезапно разделили сложную конструкцию. От «Прометея» отстыковались криогенные модули, оснащенные собственными двигателями! Они перестроились, прошли ниже скоплений обломков, а затем начали орбитальный виток, намереваясь осуществить посадку!

* * *

Следующая серия мысленных образов запечатлела бой.

Хондийские корабли появились со стороны станции Н-болг, атаковали колониальный транспорт!

Егор оцепенел. Он полностью погрузился в восприятие далеких событий. Схватка была короткой, неравной. И без того поврежденный корабль сопротивлялся недолго, вскоре от «Прометея» отделились аварийно-спасательные сегменты, три из них вошли в атмосферу Пандоры, еще два канули среди обломков прошлых битв, а один, по иронии судьбы, врезался в обшивку огромной орбитальной станции!

Морф, ставший свидетелем трагических событий, испытал жгучий интерес. Покалеченный корабль проплыл мимо Н-болга, начал удаляться во мрак космического пространства, а он неотрывно следил за траекторией спасательного сегмента, пока не заметил вспышку соударения.

«Это недалеко! – им овладел азарт охотника. Желание увидеть загадочное существо смешивалось с робкой надеждой: что, если корабль, игнорирующий общегалактическую транспортную сеть, еще можно восстановить?! – Нужно поймать спасшееся существо и допросить его!»

* * *

Сегмент врезался в давно разрушенный, необитаемый сектор станции Н-болг. Системы стасиса не сработали, но собственный запас прочности спасательного модуля оказался высоким, на борту четко сканировалось работающее оборудование.

Морф потратил немало времени и усилий, прежде чем ему удалось проникнуть внутрь.

К счастью, эта часть Н-болга давно не эксплуатировалась, и сородичи, населяющие станцию, не решились на поиски или просто пренебрегли возможностью исследовать уникальный, по мнению морфа, «артефакт».

Массивный люк наконец поддался.

Ему удалось подать внешнее питание на приводы шлюза, открыть его!

Не без волнения он переступил порог тесного, строго функционального, заполненного непонятным оборудованием сегмента.

Его взгляд сразу же выделил устройство с прозрачной каплевидной крышкой.

Подойдя ближе, морф заглянул внутрь.

Хомо?! – он был крайне заинтригован и удивлен. Об этой цивилизации так мало известно. Существа, обитающие в далекой звездной системе, на планете, которую называют «Земля», обладали одной уникальной отличительной чертой – они были очень похожи на армахонтов, скорее всего, являлись каким-то экспериментом древнейшей расы!

«Значит, их поразительное сходство – не простое совпадение? Как хомо сумели повторить технологию внепространственного привода?!»

Мысли морфа вторгались в сознание Егора Бестужева, накладываясь на фон его собственного глубочайшего потрясения.

Он узнал человека, заключенного внутри криогенной камеры спасательного сегмента.

Это был… Андрей Игоревич Русанов!

«Но как же так?! Мы ведь обнаружили его на борту одного из трех рухнувших на планету модулей!»

* * *

Егор потерял ощущение времени. Чужие мысли полностью овладели его рассудком.

Морф восхищался Русановым.

Точное определение человеческих чувств давалось нелегко, но образ мышления пленного хомо воздействовал, как наркотик, вновь и вновь толкал на рискованные слияния, избавлял от скуки, вливал яд дерзких стремлений в консервативный, воспитанный армахонтами уклад мышления.

Исследования длились долго. День за днем, год за годом он вторгался в рассудок человека, копался в нем, с замешательством внимая чуждым и поначалу обрывочным мысленным образам, пока наконец не осознал главного, решающего: Русанов – абсолютный социопат, циник, антисистемный элемент, наделенный властью в обществе, которое он откровенно презирал, но не гнушался использовать.

Очередное слияние прошло крайне болезненно.

Пленник одряхлел, сдал физически и морально. Он постепенно превращался в пустышку, апатичную безропотную куклу, в нем уже не ощущалось той воли к жизни, ярости и ненависти, что так манили осторожного по природе морфа.

Русанов угасал, но его личность, сотни раз прочитанная вдоль и поперек, прижилась в рассудке ц'оста.

Отделившись от тела пленника, разорвав связь с его опустошенным разумом, морф вдруг ощутил давнюю смертную скуку. Он стоял посреди древнего отсека орбитальной конструкции, где прозябал последние полтора столетия, изгнанный другими ц'остами, обреченный и позабытый.

На обзорном экране просторной каюты по-прежнему царило изображение планеты, окруженной кольцами, состоящими из обломков космических кораблей.

Здесь издревле правили армахонты. Их цивилизация достигла могущества мирным путем. Они не завоевывали Вселенную. Армахонты обладали уникальной технологией сжатия пространственно-временно́го

континуума. Путешествуя между звездными системами, они не колонизировали планеты, лишь выстраивали транспортную сеть, а когда встречали на своем пути иную космическую расу, то предлагали выбор: принять законы созданного ими Галактического Содружества и получить доступ к десяткам тысяч Обитаемых Миров или отказаться, что равносильно полной изоляции.

Никакого военного давления. Армахонты были абсолютно уверены: их технологию мгновенного перемещения на астрономические расстояния невозможно скопировать либо создать с нуля.

Исследуя рассудок человека, морф пришел к ошеломляющим выводам.

Армахонты ошибались. Они оказались скверными психологами, считая, что не оказывают никакого давления на молодые цивилизации! На самом деле предлагаемый ими выбор был жесток, по сути! Он действовал, подобно сокрушительному прессу, ошеломлял, останавливал динамику научно-технического прогресса, уничтожал надежду на самостоятельную экспансию, неизбежно выталкивал на поверхность и обострял застарелые морально-этические проблемы!

В рассудке человека морф нашел ясные ответы на многие ранее недоступные его пониманию вопросы.

Взглянув на ситуацию глазами Русанова, он четко осознал: система, созданная армахонтами, хоть и просуществовала сотни тысяч лет, но изначально несла в себе зародыш краха. Многие цивилизации так и не смогли сделать *осознанный* выбор. Они соглашались подчиниться единому для Обитаемой Галактики закону с мыслью: поживем – увидим. Рецидивы действительно случались, но армахонты считали их процент ничтожным, допустимым в масштабах постоянно расширяющейся транспортной сети.

Не математика, а психология движет событиями! – это откровение он тоже почерпнул из образа мышления Русанова.

Древняя раса утратила хватку, границы созданного армахонтами Содружества приблизились к окраинным звездам Галактики, практически все пригодные для жизни миры были классифицированы, картографированы и распределены между цивилизациями, которым

требовалось все больше жизненного пространства, они нуждались в новых планетах, но получали в ответ лишь туманные обещания.

Морф пристально рассматривал обломки, словно впервые видел эту удручающую, пронизанную мрачной эстетикой картину.

«Неудивительно. Совершенно неудивительно, что эшранги попытались узурпировать власть, – думал он. – Новый порядок всегда приходит через хаос. Они понимали это и постарались действовать чужими руками, подбили на бунт молодые цивилизации сектора. Эшранги рассчитывали, что потрясения не затронут их, а большая часть техники армахонтов уцелеет, когда сектор будет изолирован от Содружества».

Они не смогли правильно оценить масштабы спровоцированной катастрофы. Транспортная сеть армахонтов оказалась разорванной, многие устройства, формирующие гипертоннели, уничтожены.

Пострадали все, но ц'осты в большей степени. Морфы издревле проживали на борту станций Н-болг, и в наступившем хаосе именно они принимали удар за ударом.

Он продолжал рассматривать планету, но мысли человека прочно овладели сознанием, они вплетались в рассуждения, меняли моральную окраску событий.

Хомо – уникальные существа. Они только приступили к освоению Дальнего Космоса, когда обнаружили законсервированные устройства армахонтов, оставленные в их звездной системе. Исследование этих артефактов позволило людям совершить величайший технологический прорыв, они создали примитивный, но *действующий* гипердвигатель, совершили несколько пробных прыжков к ближайшей звезде и, сами того не подозревая, попали в жернова разгорающегося конфликта.

Морф представлял Землю как кладезь технологий. Все, что запрещали армахонты: эксперименты с пространственно-временно́й тканью Вселенной, развитие робототехники, создание искусственных интеллектов, являлось основными направлениями научно-технического прогресса Человечества. Земную цивилизацию разорвали бы на части, растащили бы по кускам, но эшранги – истинные виновники всех бед – не позволили это сделать, они блокировали все ведущие к Солнечной системе маршруты.

Информированная часть земного общества пережила шок. Нужно сказать: круг посвященных был узок, а их действия – решительны. Единственный рабочий образец гиперпривода разобрали, документацию уничтожили, космические корабли, отправленные к границам Солнечной системы, нашли и ликвидировали созданное армахонтами стационарное устройство пробоя метрики.

Люди считали, что таким образом обезопасили себя, но они ошиблись. Армахонты всегда дублировали устройства, формирующие внепространственную сеть. Эшранги продолжали наблюдать за Человечеством, не вмешиваясь, позволяя совершать открытия, – они неплохо устроились, снимая сливки земных технологий.

На фоне известных событий морф просто не мог не восхищаться действиями Русанова, его цинизмом, волей, образом мышления, напористостью!

Термин «корпорация» – одна из устойчивых форм единства, характерная для землян, – щекотал нервы, подталкивал, нашептывал: «Ты сможешь»!

Он мысленно представлял интеллектуальную мощь, сжатую в кулак волей руководителя, лидера, хозяина!

Власть над людьми. Для непосвященного – сложный процесс, со множеством нюансов.

Ты сможешь!

Медленно действующий яд чуждых морфу стремлений струился по жилам, отравлял постепенно, действовал исподволь.

После крушения «Прометея» прошли десятилетия.

Русанов постарел. Он все меньше и меньше подходил на роль лидера, превратился в изможденную тень.

Глаза морфа сузились. Искажения пробежали по телу, формируя гуманоидный облик.

Земля сдалась. Власти предержащие ушли в глухую защиту. Средства массовой информации сеяли ложь. Исполинские города постепенно росли, смыкаясь друг с другом, образуя техногенный панцирь планеты. Миллиарды обитателей кварткапсул прозябали в святом неведении.

Лишние люди, которых нельзя убить, но несложно накормить и развлечь, используя оставшиеся не у дел передовые космические технологии.

Русанов пошел поперек течения. Он презирал существующую систему, но не гнушался брать от нее все лучшее.

Владелец «Сибири» – самой крупной и успешной корпорации Земли – с детства мечтал о звездах. Политику, направленную на спасение цивилизации, он считал порочной, недальновидной. Среди накипи мегаполисов, не страшась испачкаться, он искал единомышленников – ученых с высоким уровнем интеллекта, но нереализованным потенциалом.

Русанов верил в силу науки, понимал истинную власть денег, трезво оценивал движущую мощь человеческих амбиций. Он не гнушался правилами естественного отбора, позволяя сотрудникам вступать в смертельные схватки за ту или иную должность. Он заставлял каждого ежедневно доказывать свою пригодность и тут же изменял правила, создавал заповедные условия для мягкотелых гениев, – эдакие внутрикорпоративные резервации сотрудников, способных решить сложнейшие научные и технические задачи, но совершенно не приспособленных к жизни. Для них корпорация стала оплотом, крепостью, прочными стенами аквариума, из глубин которого так приятно и безопасно наблюдать за климатическими, продовольственными, миграционными и финансовыми потрясениями!

Итогом его многолетних усилий стал «Прометей», – первый в истории Земли частный колониальный проект.

Русанов покупал информацию, занимался промышленным шпионажем, полностью владел сведениями об истинном положении дел, знал, что Земля находится в плотном кольце «братьев по разуму».

Русанову верили. За ним шли в силу разных мотивов, он умело манипулировал людьми, действовал за гранью, получая все: власть, драйв, реализованную мечту.

Он собрал уникальную команду, воссоздал требуемые технологии, но тем не менее одиозный колониальный проект потерпел крах.

* * *

Пленник пошевелился, сел, окинул обстановку каюты мутным старческим взглядом, невольно сжался, заметив морфа.

Спутанные, седые, отросшие ниже плеч волосы Русанова, неопрятная длинная борода, одежда, превратившаяся в лохмотья, покрытые морщинистой кожей трясущиеся руки – все говорило о сломленной воле, безысходности существования, глубокой старости.

Морф обернулся, отрастил глаз.

Садист и жертва редко разговаривали друг с другом. Первые слияния проходили крайне болезненно, на пределе физической выносливости человеческого организма. О психике и говорить нечего. Русанов сопротивлялся, но его воля уже ничего не решала, а жгучая ненависть лишь забавляла любопытного, скучающего, жадного до информации морфа.

Андрей Игоревич потерял счет времени. Субъективно жизнь превратилась в сплошную пытку.

На самом деле ц'ост берег пленника, в промежутках между слияниями милосердно вводил его в состояние искусственной комы. Морф лишь следовал своей природе, не находя ничего дурного в содеянном. Как голодный человек не задумывается о страданиях животного, убитого ради пищи, так и он утолял информационный голод наиболее простым, эффективным и естественным для ц'остов способом: сливался с источником в мучительной метаморфозе, постепенно овладевал его рассудком, пока не научился листать память Русанова, словно открытую книгу.

– Что пялишься, тварь?.. – надломленный голос старика редко звучал в этих стенах, обычно морф парализовывал его голосовые связки, не желая отвлекаться на крики и проклятия.

Глаз исчез. По телу ц'оста пробежала волна искажений, а когда облик стабилизировался, Русанов онемел.

Он увидел себя, молодого, но крайне истощенного.

– Так будет выглядеть человек после сорока девяти лет криогенного сна? – морф говорил его голосом, использовал мимику, жесты!

– Паразит…

– О, вот только без этого, ладно? – морф скривился, словно съел что-то гадкое. – Мы не паразиты! Ты ведь прекрасно понимаешь нашу природу? – он слегка наклонил голову, вопросительно приподнял бровь. – Слияние с разумным существом оставляет след, частицу моего знания, моей памяти. Или ты говоришь в переносном смысле? – Ц'ост уселся в кресло, закинул ногу на ногу. – Да, мы не создали цивилизации в человеческом понимании термина. Не построили городов, не изобрели орудий труда.

Русанов мучительно закашлялся.

Он познал природу ц'остов. Они эволюционировали в аду. Другое сравнение не приходило на ум. Их способности к мгновенной регенерации и мимикрии постепенно усложнялись, развивались на протяжении миллионов лет. В процессе естественного отбора морфы выработали два уникальных механизма выживания. Во-первых, они научились копировать, а затем ассимилировать ДНК других биологических видов, что привело к потере определенной формы тела. В зависимости от изменчивых условий окружающей среды ц'осты трансформировались, меняли метаболизм и облик, что сделало их фактически неуязвимыми.

Следующая исключительная особенность морфов стала результатом развития высшей нервной деятельности. Если первобытные люди овладели огнем и начали использовать различные предметы в качестве примитивных орудий труда, чем положили начало цивилизации, то ц'осты научились внедряться в другие организмы, управлять их рефлексами, использовать окружающие формы жизни для собственных нужд.

Однако у этой способности морфов существовало серьезное ограничение. Чем сложнее нервная система организма, тем больше усилий требовалось для контроля над нею. Процесс взаимодействия с животными, обладающими зачатками интеллекта, протекал мучительно и, как правило, имел фатальные последствия – подконтрольное существо вскоре погибало.

Ц'осты редко и неохотно шли на слияние. Они предпочитали использовать собственное тело, видоизменять его в соответствии

с потребностями, «играть генами», добиваясь поразительных результатов.

Русанов с дрожью смотрел на свою копию, не понимая, издевается над ним ц'ост или снова задумал какую-то пакость?

– Сорок девять лет, хомо, – неожиданно произнес морф. – Оцени мой труд. Я действовал достаточно осторожно, осмотрительно, не убил тебя и не покалечился сам.

Старик лишь беззвучно шевелил губами.

– Жаль, что процесс оказался столь долог. Твое тело и разум окончательно одряхлели.

– Зачем ты изучаешь меня? – сипло выдавил Русанов. Силы давно его покинули, он хотел лишь одного: снова впасть в забытье, но морф что-то ввел в организм, не позволяя сознанию угаснуть.

– Сначала из любопытства. Мы заперты в этой звездной системе. Планета скована льдами, она навевает лишь скуку. Сородичи меня изгнали. Я социопат, такой же, как ты, – морф отвечал охотно. – Затем мне стало по-настоящему интересно, – продолжил он. – Ты ведь мог изменить историю, но поддался фобиям, слабости, страху!

– На «Прометей» напали! – глухо ответил Русанов.

– Не лги! Ты первым открыл огонь по хондийским транспортам! Рассудок не выдержал? Понимаю. Теперь понимаю, но ведь уже ничего не вернешь! Колониальный транспорт, способный перемещаться между звездами, игнорируя разрушенную сеть армахонтов, уничтожен! – Морф взволнованно встал. – Но у меня появилась цель! И средство для ее достижения!

Старик ждал пояснений. На минуту в его водянистом взгляде проступило осмысленное выражение, даже промелькнула мстительная насмешка – похоже, рискованные слияния серьезно травмировали психику самонадеянной твари…

– Корпорация! Интеллектуальная мощь, сжатая в кулак волей лидера! – запальчиво выкрикнул морф. – Мы создадим промышленность, отыщем обломки «Прометея», восстановим корабль! Я вырвусь отсюда!

«Бесноватый... – неприязненно подумал Русанов. – Бесноватый псих...»

Ц'ост придерживался иного мнения.

– Усмехаешься? – он подошел, схватил человека за спутанную бороду, резко приподнял его голову. – В глаза смотри! Я – это ты!

– Ты опоздал... на пятьдесят лет...

– Ничуть! – морф остался доволен собой. – Разве не ты отправил на планету людей и технику для организации первичного поселения? Разве отделяемые криогенные модули не совершили успешную посадку еще до появления хондийских кораблей?

Русанов лишь слабо усмехнулся.

– Там сменилось четыре поколения, если колония выжила. Никто меня даже не вспомнит. Какую легенду ни состряпай – призрак из прошлого останется призраком!

– Злишь меня? Хочешь сбить с толку? Не выйдет! Колония выжила! Я наблюдаю за ними! Они деградировали, окружены поселениями эшрангов и хонди, «Прометей» превратился в легенду, они называют планету «Пандорой», а места посадки криогенных модулей – «Курганами Спящих»!

Лютый холод внезапного прозрения обжег Русанова.

– Они не разбудили экипаж?!

– Наконец-то ты понял! Спящие! Костяк корпорации! – торжествовал морф. – Люди, всецело преданные Русанову! Ученые, которых ты отбирал так тщательно!

Старик сгорбился, опустил голову.

– Не выйдет у тебя ничего... – тихо произнес он. – Крионика не способна творить чудеса. Сорок девять лет... там замороженные останки, в лучшем случае...

– Посмотрим. Я оптимист. И морф, если ты забыл. Колония сейчас на грани гибели. Меня примут, как символ надежды!

– Или пустят пулю в лоб, – мрачно предрек Русанов. – Ты плохо знаешь людей.

– Нет. Я изучил тебя. Стал тобой. Все продумал! На планету рухнули три спасательных сегмента с «Прометея». Люди на борту не выжили.

Придется занять место одного из погибших, включить аварийный маяк и подождать, пока колонисты найдут меня! Пара месяцев в криогенной камере – лишь неизбежное неудобство! Пусть они сами отыщут подтверждение легенды, узнают, что «Прометей» не миф, а я – жив!

Русанов подавленно молчал.

Морфу не откажешь в изобретательности. В схожей ситуации он действовал бы точно так же.

– Жаль, что ты постарел, хомо, – силуэт ц'оста вдруг исказился, утратил облик человеческой фигуры, – тонкое длинное щупальце коснулось затылка Русанова. – Твое время истекло.

* * *

Правда.

Она способна раздавить, уничтожить.

Егор не знал, сколько времени провел в плену образов, выхваченных из чужого сознания.

Его собственные мысли смешивались с воспоминаниями морфа, накладывались на них, ведь именно они – Егор, Родион и Павел – приняли сигнал аварийного маяка и отыскали во льдах аварийно-спасательный сегмент «Прометея»!

Он отчетливо помнил все.

Как помнил и морф, который стал Русановым.

Он вскрыл «Курганы Спящих», подарил надежду пандорианцам, но сам превратился в заложника собственных действий.

Люди отказывались ему подчиняться.

Они не хотели возрождения корпорации.

Морф находился на грани отчаянья, все пошло не по плану, и лишь одно обстоятельство позволяло сохранить надежду: на планете началось внезапное потепление.

Он изучил неожиданный процесс, сумел понять его суть: естественное таяние льдов сместило корабли эшрангов и хонди. Обломки, на борту которых еще работали устройства защиты, причудливым образом

совместились, наложение полей стасиса привело к началу катастрофического явления: возник первый пробой метрики, планета начала нагреваться, получая энергию из подпространства.

Катастрофа.

Морф полностью ее предвидел. Мог пресечь на корню, стоило лишь выйти на контакт с эшрангами, пояснить им суть происходящего, заставить растащить обломки, образовавшие опасную конфигурацию, но… он думал только о власти, о возрождении корпорации!

«Беда объединит людей. Они станут сговорчивыми, податливыми, – думал морф. – Я должен лишь составить план спасения, а затем позволить бывшим сотрудникам корпорации заглянуть в глаза смерти!»

Задача для морфа выполнимая, щекочущая нервы, обещающая абсолютную власть, желанную консолидацию интеллектуальной элиты!

Как заманчиво будет провести людей по краю пропасти, заставить работать без устали, посмотреть, на что они пойдут ради выживания? Лучших условий для научного прорыва и не придумаешь!

Судьба Пандоры его не заботила.

Эшранги и хонди заслужили грядущую катастрофу. Наконец-то он получил возможность расплатиться с ними за века прозябания на борту полуразрушенной станции. Пусть их смоет всемирный потоп! Возникшая аномалия подсказала дальнейший путь. «Экспериментируя с пространством и временем, я смогу использовать знания людей, технологические достижения их цивилизации». Уже тогда он планировал захват хондийского крейсера, создание аномальных зон, где машины будут работать в условиях ускоренного времени!

Егор наблюдал обрывочные, сводящие с ума картины, ощущая всевозрастающее сопротивление.

Образы тускнели.

Морф защищался от вторжения в свой рассудок, но пока проигрывал.

Бестужев с болью увидел, как падает в пропасть андроид, заменивший ему погибших родителей.

Он успел впитать отчаянье морфа, когда внезапное землетрясение нарушило герметичность колониального убежища, лишило людей

надежды, остановило создание гибридного существа, способного взять под контроль хондийский корабль.

Морф понял – все его планы рушатся! Люди все меньше доверяли ему, вместо того, чтобы работать, они опустили руки, слушали крамольные речи Щедрина, вновь подбивавшего их на бессмысленный, кровавый бунт!

Имитация Русанова его больше не устраивала.

Людям нужен новый лидер!

Выбор остановился на Романе Малехове. Морф уничтожил прототип, предварительно скопировав его образ, и продолжал незаметно формировать события, – вжился в новый облик, сделал ставку на пандорианцев и не ошибся… тварь!

Мысленная связь истончилась, а затем исчезла вовсе.

* * *

Вся жизнь промелькнула перед глазами Егора Бестужева.

Он с ненавистью взглянул на здание корпорации «Прометей».

Ярость всколыхнулась в душе и тут же угасла. Сколько человек погибнет, если я пойду туда? И не факт, что морф окажется в списке жертв!

Мысли путались.

Он создал этот прекрасный город! Воплотил нашу мечту!

Нет. Не он.

Мы. Каждый из погибших на этом пути, каждый, кого искалечили имплантации, кто рисковал жизнью, терял любимых…

Егор не видел выхода. Он узнал правду и теперь мучительно пытался понять, что с ней делать?

Сотни людей вокруг. Их лица светлы. Они счастливы.

Но есть и другая сторона реальности. Та Пандора, что лежит за границей периметра стасиса.

Мир, исковерканный ненавистью, искаженный аномалиями, закрытый, изолированный и в то же время ставший перекрестком еще не

освоенных, опасных путей, пролегающий через разрывы пространства и сдвиги времени!

Что еще придумает морф? В кого перевоплотиться, какие задачи поставит перед собой, кем пожертвует?

Изолированный анклав не сможет просуществовать долго. Реальность Пандоры прорвется сюда рано или поздно. Но морф не сдаст без боя свой мирок. Он пожертвует всеми и начнет сначала, если проиграет!

Взгляд Бестужева темнел, в нем появились колючие искорки.

Сияние темпорала становилось все яростнее.

Он представил морфа в человеческом обличье, стоящего у окна.

«Тварь… Он ведь мог предотвратить все! – метнулась одинокая, яростная мысль. – Мог, но не захотел! Не было бы ни климатической катастрофы, ни имплантации нерва, моя душа не сгорела бы от ненависти», – вся боль прожитого вдруг хлынула в сознание, затопила рассудок.

Егор зажмурился.

Мысленно набрал номер импланта Романа Малехова.

Снова увидел прекрасный город с высоты шикарного кабинета.

Морф, скрестив руки на груди, по-прежнему стоял у окна и, как показалось на миг, пристально смотрел в сторону проспекта, на фигуру, которая для всех должна была выглядеть призраком, размытым, едва заметным движением воздуха.

Незримый канал обмена данными, похожий на туго натянутую струну, возник между двумя имплантами.

Бестужев мысленно представил, как энергия темпорала напитывает его, превращая в огненную нить.

Связь прервалась. Расширитель сознания мгновенно взял увеличение.

Оконный проем деформировало. Пластик растрескался, а на том месте, где только что стояла древняя, циничная тварь, медленно вспухало облако мельчайших брызг.

Егор пошатнулся, открыл глаза, развернулся и, уже не глядя по сторонам, медленно пошел назад, к периметру.

Последний всплеск необузданной ярости медленно гас.

Они выживут. Справятся. Сами решат, как развиваться, куда направить силу возрожденных технологий.

Он уходил, понимая, – сам факт его присутствия создает аномалию, может разрушить тут все.

Сияние темпорала стало глуше. Росток больше не давал побегов, но энергетические нити по-прежнему окружали Егора, льнули к нему, формируя ауру сдвига времени.

Прежде чем шагнуть в ведущий к периметру стасиса тоннель, он оглянулся, стараясь запомнить город именно таким – светлым, пронзительным… и недоступным.

Эпилог

Пандора. Предгорья…

Аура угасала.

Росток темпорала умирал. Его энергия, казавшаяся неисчерпаемой, иссякала.

Мутная стена периметра осталась за спиной. Егор прошел еще немного, оглянулся, затем свернул на смотровую площадку, расположенную чуть ниже края плато.

Раньше сюда приходили, чтобы взглянуть на ледник. Хорошая была позиция, ледовое ущелье просматривалось как на ладони.

Он остановился на краю обрыва, бросил взгляд вниз, но увидел лишь горы камней, когда-то принесенные ревущими, стремительными потоками воды.

Чуть дальше и ниже за отлогими пустошами виднелась полоска зелени.

Егор долго смотрел вдаль, затем подключил сканеры, внимательно изучил каменные осыпи.

Отклик.

Он нанес маркер на карту, вернулся на дорогу, начал спуск.

Вокруг высились скалы. Аура окончательно померкла, лишь к ладони правой руки еще льнуло робкое, почти незаметное сияние.

Росток угасал. Он отдал всю свою энергию, позволив Егору дважды пройти периметр стасиса.

К вечеру Бестужев добрался до нужного места, посмотрел вверх.

Небеса стремительно темнели. Изломанная полоска обрыва вилась на фоне стальной радуги.

Он опустился на колени, с трудом отвалил первый камень, за ним следующий, постепенно втягиваясь в ритм усилий.

* * *

Лишь к утру в глубине внушительной ямы блеснула деталь эндоостова.

Время было безжалостно к андроиду. Его одежда и пеноплоть превратились в прах, остался лишь прочный скелет, оплетенный паутиной сервоприводов.

Бестужев вытащил его, долго осматривал, сокрушенно качая головой. Эндоостов пронизывали микротрещины. Ядро системы разрушено. Лишь нейрочипы выглядели неповрежденными.

Он начал осторожно извлекать их из гнезд.

Егор знал, где взять для андроида новый корпус. У Аллеи Темпоралов. Там, где он оставил серва и машину.

Оставалось лишь надеяться, что искусственный интеллект сумеет восстановить свою личность, вспомнит полувековой путь саморазвития.

Бестужев извлек последний нейрочип, положил его в карман, к остальным, и, не оглядываясь, зашагал в направлении кромки леса, туда, где начиналась древняя дорога.

Егор возвращался в мир, созданный его ненавистью, но теперь в его душе и разуме не было места лжи, фобиям, осталась лишь звенящая, горькая правда.

Он возвращался не ради мести, не ради иллюзий – сделанного и прожитого уже не вернуть, но ведь можно принять действительность, примириться с ней, взглянуть на ужасающий мир со здоровым любопытством, не пытаясь огнем и мечом переиначить его?

Перекресток мироздания…

Сотни неведомых путей, ведущих через пространство и время…

Он собирался пройти хотя бы одним из них.

Нерв встрепенулся. Он внимал мыслям Бестужева, отвечал робким покалыванием в ладонях, словно не верил, что их непримиримая вражда осталась в прошлом.

У кромки леса Егор обернулся.

Отсюда был виден периметр стасиса. Воображение дорисовывало очертания скрытого за ним города.

«Однажды я вернусь, – мысленно пообещал Егор, глядя на зеленоватые мерцающие сполохи. – Вернусь и расскажу, что увидел на другом краю Вселенной».

Рассвет хлынул со всех сторон.

Стальная радуга еще сияла в светлеющих небесах, таяла, отливая холодом, но Бестужев знал – наступит время, и она исчезнет, останутся лишь огромные, величественные инженерные сооружения, между которыми снова будут сновать крохотные искорки космических кораблей.

Думал ли он о возвращении армахонтов?

Нет.

Та эпоха ушла, и глупо искать путь в прошлое, надеясь переиначить настоящее.

* * *

Над головой Бестужева, среди бледнеющих звезд, далеко от Пандоры, во мраке космоса скользила тень.

Огромный, безжизненный космический корабль дрейфовал в ожидании своего часа.

На его покрытой шрамами и пробоинами броне еще читались буквы, складывающиеся в надпись:

«Земля. Колониальный транспорт Прометей».

Адрес автора в Internet: www.Livadnyy.com

Примечания

1

Эрида – карликовая планета пояса Койпера (Солнечная система).
Вернуться

2

МаРЗ – малый разведывательный зонд.
Вернуться

3

Хис – химический источник света.
Вернуться

4

Феромóны (греч. φέρω – нести + ορμόνη – побуждать, вызывать) – собирательное название веществ – продуктов внешней секреции, выделяемых некоторыми видами животных и обеспечивающих химическую коммуникацию между особями одного вида. Феромоны синтезируются и растениями. Феромоны – биологические маркеры собственного вида, летучие хемосигналы, управляющие нейроэндокринными поведенческими реакциями, процессами развития, а также многими процессами, связанными с социальным поведением и размножением.

Феромоны модифицируют поведение, физиологическое и эмоциональное состояние или метаболизм других особей того же вида. Как правило, феромоны продуцируются специализированными железами.

Вернуться

5

СиМБ – система метаболической коррекции.
Вернуться

6

БСК – боевой сканирующий комплекс.
Вернуться

7

РКПП – роботизированный комплекс планетного преобразования.
Вернуться

8

МБПМ – модернизированная боевая планетарная машина.
Вернуться

9

Догмат – в религии утвержденное высшими инстанциями положение вероучения, объявляемое непреложной истиной, не подлежащей критике.
Вернуться

10

События романа «Врата Миров».
Вернуться